

«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» как ФИЛОСОФИЯ

ЕСЛИ ДО СИХ ПОР ВЫ БРОДИЛИ С ЗАКРЫТЫМИ

ГЛАЗАМИ И УШАМИ, ОЧНИТЕСЬ СЕЙЧАС ЖЕ!

У-ФАКТОРИЯ

THE LORD OF THE RINGS AND PHILOSOPHY

**OPEN COURT
CHICAGO AND LA SALLE, ILLINOIS
2003**

«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» КАК ФИЛОСОФИЯ

**У-ФАКТОРИЯ
ЕКАТЕРИНБУРГ
2005**

ББК 71.05

В58

Составитель серии «Маскульт» В. Харитонов

Перевод с английского А. Баркова

The Lord of the Rings and Philosophy edited by

Gregory Bassham and Eric Bronson

- В58 «Властелин Колец» как философия: Эссе / Пер. с англ. А. Баркова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2005. — 304 с. (Серия «Маскульт»).

Трилогия Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец», ставшая литературным феноменом XX столетия, с выходом фильма Питера Джексона поднялась на новую волну популярности — приобретает миллионы новых поклонников и, увы, утратив в какой-то степени свою глубину. Задавшись целью предложить массовому читателю и зрителю свою альтернативу растиражированному Толкину, авторы этой книги попытались написать своего рода «Властелина Колец» для умных». Семнадцать философов и академиков представляют свои эссе о глубинных и вечных вопросах, поднятых текстом Толкина: о природе зла, о сущности власти, о смерти и бессмертии, об отношении человека с природой, о том, что такое счастье.

Книга, безусловно, будет интересна поклонникам Толкина и кинематографической версии «Властелина Колец», а также филологам, философам, культурологам и всем, кому любопытны неожиданные ракурсы привычных тем.

ISBN 5-9709-0090-7

ББК 71.05

© Carus Publishing Company, 2003

© А. Барков, перевод, 2005

© У-Фактория, 2005

© К. Прокофьев, художник, 2005

© К. Прокофьев, К. Иванов,
А. Касьяненко, дизайн, макет,
2005

ISBN 5-9709-0090-7

Посвящается онтицам, куда бы их ни занесло

БЛАГОДАРНОСТИ

Любая книга — путешествие, и очень приятно сказать всем, кто сделал это путешествие таким захватывающим и интересным: «Пасиба большое».

Мы благодарим, во-первых, всех участников проекта. Для работы со столь талантливыми и замечательными авторами восемнадцати месяцев слишком мало.

Во-вторых, Билла Ирвина, бесстрашного редактора серии: спасибо за бесконечную поддержку и помощь, за мудрые советы и чудесный табак.

В-третьих, Дэвида Ремзи Стил и Каролину Медиа Грэй и весь замечательный отдел производства и продаж издательства *Open Court*: мы мало кого из вас знаем, хотя очень хотели бы познакомиться, но мы восхищены вашей энергией и профессионализмом и благодарны вам за все, что вы сделали для успеха этой книги.

Спасибо также Стиву Колби, Джереми Соерсу, Джонатану Де Карло, Джону Дэйвенпорту, Брайану Пэвлекку, Рэйчел Бронсон и Джону и Кэсли Роз Мэтьюсонам за неоценимую помощь в работе над черновиками эссе.

Особая признательность Эбби Майерсу, нашему помощнику редактора, который прочитал и снабдил комментариями всю рукопись, разыскал все цитаты и еще много чем оказался полезен.

Эрик искренне благодарен Артуру Блументалю и Филу Кребсу из колледжа Беркли за материально-техническое обеспечение. И, как обычно, особая признательность Грэга жене Мие и сыну Дилану за любовь, терпение и понимание.

ВВЕДЕНИЕ: МУДРОСТЬ СРЕДИЗЕМЬЯ

Уже полвека «Властелин Колец» Дж. Р. Р. Толкина остается феноменом как литературным, так и коммерческим. Со времени первой публикации эпического фэнтези Толкина в 1954—1955 годах продано более пятидесяти миллионов экземпляров, и, согласно последним читательским опросам, трилогия признана лучшей книгой XX века.

С появлением успешной экранизации Питера Джексона волшебная сказка Толкина о веселых хоббитах, грубых орках и добрых магах обрела миллионы новых поклонников. За день до того, как кинокомпания *New Line Cinema* объявила о выпуске в прокат фильма «Властелин Колец: Две Твердыни», газета *New York Post* напечатала на всю первую полосу статью с вызывающим заголовком: «„Властелин колец“ для тупиц». Полки игрушечных магазинов ломаются от фигурок Арагорна, карт Леголаса и множества других вещей с атрибутикой «Властелина Колец». Темы фильма о погоне за волшебным Кольцом эксплуатирует в своих целях «Национальная

баскетбольная ассоциация», а недавно поставили печально известную пародию «Южный парк».

Но не все приверженцы Толкина в восторге от такого неожиданного всплеска популярности. После выхода на экраны «Двух Твердынь» веб-сайты захлебнулись гневом по поводу некоторых серьезных вольностей, допущенных в фильме. Поскольку дебаты перенеслись в Интернет, старая гвардия нанесла ответный удар. На официальном сайте «Властелина Колец» один ветеран движения с отвращением назвал новичка от «Колец» «полным идиотом» за незнание такого простого факта, что сила волшебника заключена в его посохе.

Но, чтобы охватить всю аудиторию, кроме «„Властелина колец“ для идиотов», нам нужен «„Властелин Колец“ для умных».

Размышляя над этим, мы собрали семнадцать эрудированных философов и академиков (все они являются поклонниками «Властелина Колец») и попросили их помочь нам осветить глубинные вопросы, поднятые фильмом и книгой. Можно ли воспользоваться властью для добрых дел, или власть всегда разрушительна? Следует ли рассматривать смерть как дар? Могут ли золотые кольца и драконовы сокровища сделать нас счастливыми? Если в лесу упадет Онт, а вокруг не будет ни души, будет ли какой-нибудь звук?

Конечно, сам Толкин был профессором англосаксонского в Оксфорде, а не профессиональным философом. Однако в своей области он был ведущим ученым и дружил со многими интеллектуалами того времени, например с К. С. Льюисом, Оуэном Барфилдом, Чарльзом Уильямсом, Невиллем Кохилом и Хьюго Дайсоном. Более того, как приверженца римского католичества, его интересовали вечные философские вопросы о борьбе

добра и зла, о судьбе и свободе, о сознании и теле, о жизни после смерти, о служении природе. Все эти и многие другие философские вопросы поднимаются в произведении Толкина и исследуются в настоящем сборнике.

Конечно, мы не утверждаем, что Толкин особым образом размышлял или намеревался предложить нам различные теории и проблемы, обсуждаемые в этой книге. Наша главная цель — обозначить философское значение «Властелина Колец», не задевая его скрытых философских смыслов и посланий.

Надеемся, что это издание не только поможет вам понять многие другие, более сложные книги, чьих тем «коснулся» «Властелин Колец», но также привлечет ваше внимание к вечным вопросам философии. В своих письмах Толкин отмечает, что целью написания «Властелина Колец» было, в частности, «объяснить истину и поддерживать нравственность в нашем реальном мире». Как и Толкин, мы верим, что литература и вообще массовая культура могут выступать эффективными посредниками, объясняющими и популяризирующими для читателей основные философские мысли. Такая популяризация восходит по меньшей мере к Сократу, первому великому философу западной цивилизации. Поддерживая в людях стремление размышлять над своей жизнью и верой, Сократ часто прибегал к примерам из искусства, спорта, музыки — в зависимости от интересов и знаний своего собеседника. Подобным образом и мы считаем, что современная поп-культура способна побуждать людей размышлять над глобальными философскими вопросами.

Итак, разожгите свою хоббитовскую трубку, согрейте душу щедрым глотком эльфийского ликера. И, как сказал волшебник-философ Гэндальф, «если до сих пор вы бродили с закрытыми глазами и ушами, очнитесь сейчас же!»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КОЛЬЦО

1.
**КОЛЬЦА ПЛАТОНА И ТОЛКИНА:
УРОКИ ВЛАСТИ, ВЫБОРА И НРАВСТВЕННОСТИ**

Эрик Кац

Если смертному, например человеку или хоббиту, достанется Кольцо Всевластья, станет ли он жить нравственной жизнью? Ставя такой вопрос, нужно разобраться в физических возможностях Хранителя Кольца и их пределах. Нужно понять, будет ли простой хоббит, например Сэм Скромби, обладать с помощью Кольца той же силой, что и Арагорн, человек благородный. Одинаковую ли силу дает Кольцо различным существам: если, к примеру, личности с сильной внутренней мотивировкой, вроде Арагорна, получают возможность контролировать сознание и действия окружающих, то слабо мотивированные личности — вспоминается Горлум — используют Кольцо как способ побега, отрыва от реальности?

И хотя способы физического использования Кольца Всевластья весьма интересны, в данном эссе *физический* аспект обладания Кольцом нас мало интересует, гораздо приоритетнее *нравственный* аспект. Дает ли Кольцо право пренебрегать нравственными и этическими нормами? Существует ли этически оправданное и неоправданное использование Кольца? Еще больший интерес эти вопросы приобретут, если иметь в виду не просто любое Кольцо Власти, а Кольцо Саурона, поскольку обладатель этого Кольца наделяется почти безграничной властью, а существо, наделенное такой властью, кажется, вовсе не должно руководствоваться нравственными принципами.

Во «Властелине Колец» Дж. Р. Р. Толкин дает несколько ярких примеров соотношения личного выбора, власти и нравственности. Вообще-то история Единого Кольца и путешествие Фродо, предпринятое для его уничтожения, можно представить современным решением этической проблемы, задолго до Толкина поднятой древнегреческим философом Платоном в диалоге «Государство». Платона тоже интересовал вопрос взаимоотношения власти и нравственности. Он поведал историю о Гиге, нашедшем кольцо волшебной силы. Кольцо позволяло быть невидимым. Гиг использовал его, чтобы проникнуть во дворец, соблазнить королеву и убить короля. Платон спрашивал, следует ли оставаться на пути нравственности, имея возможность безнаказанно совершать аморальные поступки. Отменяет ли неограниченная власть необходимость быть нравственным?

Интересно рассмотреть сказку Толкина о кольцах как вариацию на тему этической проблемы Платона. Кольцо Саурона сродни кольцу Гига: и то и другое дает своему

обладателю сверхъестественные возможности¹. Персонажи, которые стремятся использовать Кольцо, верят, что многие их желания будут исполнены безотносительно к интересам или нуждам других. История Кольца Саурона — это демонстрация идеи о невозможности сочетания добродетели с безграничной властью; Кольцо воплощает идею о неизбежном конфликте абсолютной власти с любым поведением, при котором уважаются чужие желания или потребности. Но само использование Кольца Толкина есть личный выбор каждого. Не обязательно следовать за негодяем Гигом, каждый может отказаться воспользоваться Кольцом Власти.

Герои Толкина по-разному проявляют себя, получая возможность использовать громадную власть Кольца. Желание обладать Кольцом окончательно разрушило сознание Горлума. Боромира манит идея воспользоваться безграничными возможностями Кольца на благо Гондора, Галадриэль совсем отказывается брать Кольцо. Сэм и Фродо используют силу Кольца частично, поэтому избегают самого худшего, что оно может сделать, но если Фродо уступает его силе, то Сэм, как и Галадриэль, его отвергает. А Том Бомбадил, кажется, совершенно

¹ Обладатели обоих колец могут быть невидимыми. Но если для кольца Гига — это единственное преимущество, то у Кольца Всевластья более широкие возможности. В частности, Единое Кольцо дает своему обладателю власть, соразмерную с возможностями самой личности, разрушает нравственное начало, предотвращает или замедляет старение и физическое увядание, обостряет слух, ослабляет зрение и дарит способность понимать незнакомые языки, позволяет видеть и быть видимым в невидимом мире, наделяет своего обладателя абсолютной властью над теми, кто носит низшие кольца, позволяет видеть их помыслы и управлять ими. Любопытно, что разные существа по-разному реагируют на силу Кольца. Гномы, как становится очевидно, невосприимчивы к некоторым свойствам Кольца.

превозмогает его силу. Все эти герои и их взаимоотношения с Кольцом дают различные ответы на вопрос, поставленный еще Платоном. Мы сами совершаем свой выбор, отвергая безграничную власть и руководствуясь принципами морали.

А теперь рассмотрим эти примеры и доводы более подробно.

АРГУМЕНТЫ АМОРАЛЬНОСТИ ПО ПЛАТОНУ

Центральной идеей пространного диалога Платона «Государство» является защита нравственного образа жизни. «Зачем следовать нравственным законам?» — ключевой вопрос, на который должно ответить. Основными участниками диалога (книги II—X) являются Сократ, защищающий необходимость добродетели, Главкон и Адимант, играющие роль адвокатов дьявола — они оправдывают жизнь, свободную от морали. Платон поставил перед собой нелегкую задачу, ведь Главкон и Адимант представляли одну из наиболее выигрышных ситуаций безнравственной жизни: можно ли оправдать выбор нравственного образа жизни, когда жизни безнравственной дано больше привилегий? Если аморальность способствует процветанию, власти, славе, тогда как жизнь добродетельная приводит к бедности, бессилию, бесславию, — зачем выбирать нравственность и добродетель?

Именно в этом споре Главкон вспоминает историю о пастухе Гиге и о его находке — кольце, дарующем хозяину невидимость. Как мы узнаём, Гиг использует кольцо в неправомерных целях — он соблазняет королеву, убивает короля и сам становится правителем страны.

По Главкону, всякий обязан это сделать. Он считает, что, будь два таких кольца невидимости: одно у благочестивого и добродетельного человека, а другое у несправедливого, аморального, — даже благочестивый уступит силе кольца. «Невозможно найти человека... обладающего столь алмазным терпением, что может продолжать придерживаться справедливости и удержится от присвоения чужого имущества... если взять он может все, что пожелает, абсолютно безнаказанно... и во всем остальном стать среди людей подобным богу» («Государство» II, 360, b—c).

По Главкону, люди придерживаются морали только потому, что боятся наказания — наказания за свое злодеяние. В противном случае они предпочли бы мир, в котором можно делать что угодно для удовлетворения своих желаний, не останавливаясь ни перед чем, не думая о зле, причиняемом другим, и не опасаясь наказания. И, соответственно, отвергли бы мир, в котором будет невозможно ответить на оскорбления. Нравственность, таким образом, является компромиссом между этими двумя крайностями: рационализм людей в обществе заставляет их ограничивать свои эгоистические потребности и не причинять вреда другим. Мы соглашаемся не обижать людей, взамен общество защищает нас от потенциальных обидчиков. Тем самым Главкон доказывает, что ничего хорошего в нравственности нет. Обладая мы властью избежать наказания, мы ни в чем не стали бы следовать морали. Таким образом, на вопрос: «Зачем следовать нравственным законам?» — дается циничный ответ immoralного человека: «Нравственность — удел слабых».

Платон стремится опровергнуть этот циничный вывод и защитить ценность праведной жизни. Доказательства

Платона многословны, но суть их проста: аморальная жизнь хуже жизни добродетельной, поскольку аморальная жизнь разрушает душу человека. Аморальная жизнь ведет к абсолютному несчастью: психическим страданиям, потере друзей и любимых и эмоциональной несостоятельности. Власть над всем миром не компенсирует психологической пустоты аморальной жизни. Человек праведный, напротив, ведет жизнь открытую и насыщенную, даже если ему или ей недостает власти, здоровья или славы. Праведный человек живет в гармонии с самим собой.

Итак, по Платону, праведный человек отвергнет Кольцо Всевластья. Праведный человек предпочтет жизнь, полную внутренней гармонии и чистоты, жизнь, ориентированную на принципы морали, а не на достижение власти и простого удовлетворения внутренних потребностей. Своей историей о волшебном кольце, дарующем своему обладателю неограниченную власть, Платон еще раз отвечает на один из основных философских вопросов: как следует прожить жизнь?

ИСКУШЕНИЕ КОЛЬЦОМ

Памятуя об этом доисторическом вызове праведной жизни, посмотрим, как герои Толкина дают разные ответы на вопрос, поставленный Платоном: испортит ли праведного человека возможность почти безграничной власти? Толкин не приводит философских доводов, но демонстрирует в различных ситуациях размышления и действия «живых» персонажей на тему: зачем следует придерживаться принципов добродетели. При этом история о Кольце усиливает и углубляет аргументы Платона,

поскольку Кольцо Толкина разлагает душу своего обладателя совершенно. Как только Кольцо надето, оно сразу уничтожает все желания, интересы и веру того, кто его надел. Платон доказывает неизбежность разложения. Толкин показывает это разложение через мысли и действия героев. Кроме того, Толкин рассказывает о трудностях, связанных с ведением добродетельной жизни, о бремени, которое приходится на себя брать, и о жертвах, которые следует принести для удовлетворения требований нравственности.

Живой иллюстрацией к аргументу Платона о том, что несправедливая жизнь ведет к несчастью, является Горлум. Его всегда описывают жалким, он всего боится, у него нет друзей, дома, и он беспрестанно ищет свою «Прелесть». Горлум — смертное существо, дольше других владевшее Кольцом и, кажется, полностью разрушенное желанием им обладать; все его действия продиктованы стремлением заполучить Кольцо обратно, даже сопровождение Сэма и Фродо в Мордор. Именно в путешествии по бесплодным землям Мордора происходит окончательное разложение личности Горлума, виной чему является жажда обладания Кольцом. Горлум постоянно разговаривает сам с собой, поскольку душа его разделена надвое: одна часть — Смеагорл, хоббит, которым Горлум был до появления в его жизни Кольца, другая — Горлум, чье единственное желание — заполучить Кольцо обратно. Горлум сотрудничает с Фродо и Сэмом только потому, что две его половинки (о которых Сэм говорит «подлец и вор») заключили перемирие «в связи с нежеланием обеих, чтобы Кольцо досталось Врагу». Фродо самому известно, с какой неодолимой силой мысль о Кольце влияет на Горлума. До этого он заставил Горлума поклясться Кольцом, что он честно проводит

их, но уже вскоре, около черных ворот Мордора, Горлум «впал в отчаяние» при мысли, что Фродо может потерять Кольцо.

Не надо отдавать Прелесть Тому! ...Оставь ее себе, добренький хозяин, пожалей Смеагорла. Владей ею, лишь бы Тот ее не заполучил. А еще лучше — уходи, иди, куда тебе хочется, и отдай ее обратно бедненькому Смеагорлу... Смеагорл ее спрячет, схоронит, он сделает много-много добра, особенно добреньким хоббитцам ¹.

Такой взрыв эмоций Горлума побуждает Фродо разобратся в самой сути дела, объяснить Горлumu угрожающую ему опасность, опасность потерять душу. Горлум поклялся тем, что он называет «Прелестью». Кольцо не только заставило Горлума выполнить обещание, но и привело к гибели самого Горлума. «Ты уже погиб», — говорит Фродо Горлumu. А потом, невольно предвидя кульминацию сюжета, заявляет, что, если требуется, он наденет Кольцо и прикажет Горлumu броситься в огонь.

Горлум — наглядный пример разрушения души и окончательного разочарования в жизни, причиной чему было всепоглощающее желание обладать Кольцом. Но Горлум не в полной мере иллюстрирует утверждение Платона, поскольку мы не видели момента, когда Горлум выбрал для себя удел обладателя Кольца. Для Платона, как и для Толкина, ключевым моментом в истории персонажа является мгновение, когда тот решается использовать Кольцо. Этот момент выбора определяет судьбу персонажа,

¹ Здесь и везде далее «Властелин Колец» цитируется в переводе В. Муравьева, А. Кистяковского, кроме особо оговоренных случаев. — *Примеч. ред.*

а выбор в произведении Толкина удивительно напоминает ситуацию пастуха Гига из диалога Платона и его решение воспользоваться кольцом-невидимкой. Выбор Горлума состоялся задолго до событий, развернувшихся на страницах «Властелина Колец», даже задолго до событий «Хоббита», хотя Гэндальф и рассказывает историю убийства Деагорла Смеагорлом из-за кольца. Мы не можем сопереживать нравственному кризису и решению Смеагорла. В Горлуме мы видим только результат погони за властью.

Боромир наиболее полно воплощает аргументы Главкона о пастухе Гиге — добродетельный человек поддается искушению властью. Толкин описывает Боромира как человека действия: благородный, добросердечный, храбрый, он приведен в замешательство сложным планом уничтожения Кольца. На Совете у Элронда Боромир спрашивает, почему никто из участников Совета не считает, что Кольцо попало к ним «очень вовремя... Раз уж оно очутилось у нас, надо обратить его против хозяина. Свободным Витязям Свободного Мира оно поможет сокрушить Врага... Пусть же Кольцо будет нашим оружием, если в нем сокрыта столь грозная мощь!» Боромир хочет использовать Кольцо в благих целях. Он не видит ничего дурного в том, чтобы воспользоваться Кольцом для исполнения желаний свободных народов Средиземья (и своего собственного), для поражения Зла и Саурана.

Но на предложение Боромира Элронд и остальные члены Совета отвечают возражениями, очень похожими на доводы Платона в «Государстве»:

Светлые силы не могут использовать Кольцо Всевластья... Покуда Оно существует, опасность проникнуться жадой всевластья угрожает даже Мудрейшим из Мудрых.

Использование силы зла убивает душу.

Боромир кажется убежденным, и по дороге на юг он ни разу не заговаривает с Братством о том, чтобы воспользоваться Кольцом на благо добрых сил. Но в кульминации «Хранителей» Боромира все же одолевает соблазн использовать Кольцо в войне с Мордором. Он тайком следует за Фродо в лес недалеко от Амон-Хена, чтобы убедить его отнести Кольцо в Гондор. Теперь слова Боромира выдают его, он видит себя великим воином во главе сил, выступающих против Мордора. Вначале он говорит, что Кольцо нужно для спасения его народа, но Фродо становится ясно, что здесь больше личных мотивов, когда Боромир восклицает:

Нелепая случайность отдала тебе в руки Кольцо. Оно могло стать моим. Оно должно стать моим! Отдай его мне!

Боромир пытается отобрать Кольцо силой, но Фродо надевает его, становится невидимым и сбегает.

Боромир героически защищает Мерри и Пина от орков, а умирая, признается Арагорну, что пытался отнять Кольцо у Фродо. Таким образом, разрушительное действие Кольца не абсолютно, хотя, возможно, в данном случае это объяснимо лишь тем, что Боромир не очень долго оставался в пределах притяжения Кольца. Боромир прекрасно иллюстрирует аргументы Главкона в диалоге Платона: Боромир — праведный человек, нашедший Кольцо Всевластья, и он не смог противостоять соблазну действовать безнаказанно, подобно богу. Желание обладать Кольцом было столь разрушительным для его души, что он обвиняет Фродо в тайном сотрудничестве с Черным Властелином. Духовный урок понятен: Кольцо Всевластья

разрушает даже человека храброго, сильного и добродетельного.

Кто же может избежать разрушения? Еще до искушения и смерти Боромира Толкин рассказывает об испытании Галадриэли, Повелительницы Кветлоризна. Галадриэль — одна из самых могущественных эльфов Средиземья, и ей Фродо предлагает Кольцо. Мотивы такого шага неоднозначны: Фродо боится предстоящего путешествия и беспокоится, что не сможет довести начатое до конца, к тому же он узнает, что в случае уничтожения Кольца эльфы уйдут из Средиземья. Возможно, если бы Галадриэль приняла дар, удалось бы победить зло Мордора и спасти эльфов.

— Ты мудра, бесстрашна и справедлива, — сказал ей хоббит. — Хочешь, я отдам тебе Вражье Кольцо? Его могущество — не по моим силам.

Сначала Галадриэль рассмеялась, поскольку Фродо искушал ее самым сильным из существующих соблазнов, и она усмотрела в этом иронию над своим бессилием, ведь если бы она захотела взять Кольцо, она бы просто отняла его у Фродо. Но взять Кольцо силой значило бы проявить зло, а это свидетельствовало бы о том, что ее души уже коснулось тлетворное влияние Кольца.

Зачем скрывать, я много раз думала, как поступлю, если Вражье Кольцо волею случая окажется у меня — и вот теперь я могу его получить! Зло непрерывно порождает зло, независимо от того, кто принес его в мир, — так, быть может, я совершу великое благо, завладев доверенным тебе Кольцом?

Но теперь сила не требуется, Фродо сам предлагает ей Кольцо. Поэтому Галадриэль продолжает:

Тем более что мне оно достанется без насилия и я не сделаюсь *Черной Властительницей*! Я буду грозной, как внезапная буря, устрашающей, как молния на ночных небесах, ослепительной и безжалостной, как солнце в засуху, любимой, почитаемой и опасной, как пламя, холодной, как зимняя звезда, — но не ЧЕРНОЙ!

Тут Галадриэль подняла руки, и от эльфийского кольца на ее руке полился свет и осветил все вокруг.

...И Фродо испуганно отступил назад, ибо увидел ту самую Властительницу... ослепительно прекрасную и устрашающе грозную.

И тут Фродо — и мы, читатели, — постигаем, кем бы могла стать Галадриэль, если бы приняла Кольцо. Сама красота и сила, которую невозможно не любить и не бояться. Но Галадриэль прошла «испытание», которое ей так бесхитростно предложил Фродо, она отказалась от Кольца:

...она... опустила руку... высокая, но хрупкая, прекрасная, но не грозная, в белом платье, а не в сверкающей мантии, и голос у нее был грустно-спокойный.

— Я прошла испытание, — сказала она. — Я уйду за Море и останусь Галадриэлью.

Галадриэль отвергает Единое Кольцо. Она остается верна своим принципам, своей прямоте, как независимая личность верна себе, она «остается Галадриэлью».

Через нее Толкин показывает нам, что сильная и добродетельная личность может отвергнуть искушение безграничной власти, даже имея большую личную заинтересованность, ведь Галадриэль знает: отказываясь принять силу Кольца, она теряет возможность предотвратить уход эльфов из Средиземья. Итак, Галадриэль предлагает единственный ответ на все доводы оппонентов Платона. Она отказывается от власти, которая убила бы ее душу.

Боромир и Галадриэль демонстрируют два разных ответа на поставленный Платоном вопрос об отношениях между властью, личным выбором и нравственностью. В отличие от Горлума, этих двух персонажей мы видим в момент их выбора. И хотя ответы Боромира и Галадриэли различны, одно их роднит: ни тот, ни другой физически не касались Кольца. А как же ведут себя те, кто реально пользовался Кольцом? Помогут ли их действия понять, как взаимосвязаны власть, саморазрушение и нравственность? Здесь следует обратиться к Тому Бомбадилу, Фродо и Сэму.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛЬЦА

Наверное, самое интересное существо, касавшееся Единого Кольца, — Том Бомбадил, хозяин Вековечного Леса. К сожалению, его нет в видеоверсии «Братство Кольца», но читатели вспомнят непростое путешествие хоббитов по Вековечному Лесу и то, как их спас (и даже дважды) Бомбадил, полноправный хозяин Леса. Кто же такой этот Бомбадил? Нигде во всем «Властелине Колец» недвусмысленного объяснения так и не дается. Он не волшебник, не эльф и не человек. Его жена,

Золотинка, описывает его Фродо очень просто: «Он такой и есть... как предстал перед вами... ему подвластны леса и воды, холмы и доли», а Том говорит о себе так:

Том из древней были... Раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней, раньше первых бед и засух, страхов и насилий был здесь Том Бомбадил — и всегда здесь был он. Все на памяти у Тома: появление Дивных, возрождение Смертных...

Элронд на Совете называет его Йарвеном Бен-Адаром, что в переводе означает: Безотчий Отец Заповедных Земель.

Кто бы он ни был, он, несомненно, один из самых могущественных и милосердных персонажей, которых хоббиты встречали в Средиземье. В середине разговора Том просит показать ему «прелесть». Фродо, к собственному удивлению, спокойно достает Кольцо из потайного места и протягивает Тому. Том со смехом поглядел сквозь Кольцо, являя хоббитам «вид тревожный и смешной: ярко-синий глаз в золотом ободке». Но потом происходит нечто вовсе странное: Том надевает Кольцо и не исчезает. Оно не имеет над ним власти, а он не получает от Кольца силы. Затем он вытворяет некий фокус — закручивает Кольцо в воздухе, и оно исчезает, и когда Фродо наконец получает его назад, то начинает тревожиться, настоящее ли это Кольцо. Фродо надевает Кольцо и пропадает из виду, но только не для Тома. Том видит намерение Фродо ускользнуть с Кольцом на пальце. Он окликает его:

Как тебя, Фродо, что ль? Брось озорничать-то! Ишь ведь — выцвел, ровно моль... Ну-ка возвращайся!

Таким образом, кажется, что Бомбадил сильнее Кольца или что, по крайней мере, оно не оказывает на него своего разрушительного влияния. Но на Совете Элронда Гэндальф объясняет, что Том «сам себе хозяин и властелин. Но он не может повелевать Кольцом — и не может защитить от него других». Если мы рассматриваем влияние Кольца на духовную сторону личности, то Бомбадил — полная аномалия. Кольцо не разрушает его, и оно ему, кажется, совсем не нужно. Ему хотелось только взглянуть на него и на тот эффект, который оно произведет на Хранителя Фродо. Бомбадилу не нужно Кольцо — он сам себе хозяин.

До сих пор мы рассмотрели только двух персонажей, отвергших власть Единого Кольца: Галадриэль и Бомбадила, оба они — существа бессмертные. Значит ли это, что Толкин дарует силу противостоять власти Кольца лишь бессмертным и богам, а смертным, людям вроде нас или Боромира, остается лишь поражение в борьбе с искусительной властью Кольца? Для ответа на этот вопрос рассмотрим взаимоотношения Кольца и двух хоббитов — Фродо и Сэма.

Безусловно, Хранитель Кольца Фродо — центральная фигура и главный герой «Властелина Колец». Кольцо остается у него дольше всех на протяжении повествования трилогии, и больше других он им пользуется. Разрушает ли его Кольцо? В какой-то мере да. Раз от разу надевая Кольцо, Фродо все труднее с ним бороться, так что в итоге Кольцо одолевает его, и он не в состоянии его уничтожить. Хотя побуждение надеть Кольцо появляется у Фродо достаточно рано — при первой встрече с Черными Всадниками, — но впервые на наших глазах он надевает его в доме Тома Бомбадила. И в тот, первый, раз его мотивы относительно

невинны: его слегка разочаровывает та легкость и беззаботность, с какой Бомбадил отнесся к этому «ужасно важному» Кольцу, и он решает проверить подлинность Кольца, потому что во время своего фокуса Бомбадил мог его подменить. Фродо явно в замешательстве. Толкин дает два сдержанных описания того приятного ощущения, что испытывает Фродо. Когда он впервые надел Кольцо и увидел изумленного его исчезновением Мерри, «Фродо порадовался: все нормально». Потом, когда Бомбадил потребовал прекратить игру, Фродо принужденно рассмеялся, снял Кольцо и сел на свое место. Толкин не объясняет, почему радость Фродо была неполной. Может, причиной тому злая сила Кольца? Добродетельный человек знает, что использовать Кольцо нельзя, и когда он надевает его, то испытывает смешанные чувства всемогущества, удовлетворения и вины. Таким образом, Фродо уже подпадает под влияние Кольца. Фродо еще дважды надевает Кольцо на первых страницах трилогии: однажды «случайно» в трактире у Наркисса, другой раз — в битве с Черными Всадниками у вершины Заверти. Ясно, что Фродо не по своей воле надевает Кольцо, когда поет песню в трактире Наркисса. Здесь винить Фродо можно лишь в неловкости, но, возможно, эта неловкость была вызвана силой извне. Потом, на вершине Заверти, мы видим, как Кольцо отзывается на чужие команды. Когда Черные Всадники приблизились к Арагорну и хоббитам, «Фродо охватил невыносимый, леденящий ужас... и вдруг он понял, что надо всего лишь надеть Кольцо». То же чувство возникало у него ранее, в плену Могильника, но тогда желание было другим: «нестерпимо захотелось бежать, бежать без оглядки. Он наденет Кольцо, невидимкой ускользнет от умертвия и выберется

наружу». И, конечно, теперь ему захотелось это сделать, поскольку «противиться не было сил». Черные Всадники, назгулы, носившие девять Колец, принадлежавших человеческой расе, объединяют свою волю и пытаются заставить Фродо надеть Кольцо. Поэтому мы понимаем, что тут Фродо, в отличие от случая в трактире, сознательно надевает Кольцо, но его выбор не свободен, это результат насилия, психологического давления других кольценосцев на Хранителя Кольца Всевластья.

В следующий раз Фродо надевает Кольцо вполне самостоятельно, без какого бы то ни было насилия: он надевает его, чтобы сбежать от Боромира и остальной компании. Он бежит вверх по лестнице и взбирается на Амон-Ведар, садится на древний каменный трон королей, и сила Кольца позволяет ему рассмотреть окружающие земли. Это один из самых опасных моментов, поскольку Саурон чувствует активность Кольца, и глаз Врага начинает искать его. Внутри Фродо происходит отчаянная борьба: он противостоит Глазу, он кричит: «Никогда», — а кажется что говорит: «Я иду». А потом он услышал новый голос, потребовавший снять Кольцо. «В крохотном Хранителе противоборствовали две могучие силы». Они сталкивались и мучили его и на мгновение вдруг достигли равновесия.

А когда пришел в себя, то почувствовал, что ни Глаза, ни Голоса больше нет: у него снова была свободная воля, и он сорвал с пальца Кольцо.

Как и Галадриэль, Фродо находит в себе силы противостоять силе Кольца. Он справляется с ней, вновь становясь самим собой. Но он сознательно использует

Кольцо для спасения и приобретения знаний. Кольцо все больше и больше влияет на него, он уже не просто носит его, но учится им пользоваться.

Однако в финале Кольцо одерживает верх и над Фродо. На всем протяжении долгого путешествия к сердцу Мордора мы постоянно слышим о физическом и психологическом давлении Кольца. Чем ближе Фродо к Роковой горе, чем больше Кольцо подавляет его волю, тем труднее ему продолжать свой путь. И когда Фродо все же доходит до Роковой горы, он уже не в состоянии выполнять свою миссию. Сэм становится свидетелем сцены, когда Фродо встает перед огнем и объявляет:

Я пришел. Но мне угодно поступить по-иному, чем было задумано. Чужой замысел я отвергаю. Кольцо — мое!

Потом Фродо надевает Кольцо и исчезает. И Горлуму приходится биться с невидимым Фродо, и в отчаянной попытке отнять Кольцо он случайно уничтожает его в огне Роковой Расселины. Горлум откусывает палец Фродо, поднимает Кольцо над собой и в своем безумном ликовании теряет равновесие и падает в огонь. Кольцо уничтожено, и Фродо спасен.

В то время как Кольцо постепенно разрушает душу Фродо, его товарищ Сэм побеждает Кольцо, совсем недолго обладая им. Сэм получает Кольцо в конце книги «Две Твердыни», когда считает, что Фродо мертв и что теперь ему выпадает судьба закончить миссию Братства и уничтожить Кольцо. Но потом, обнаружив, что Фродо жив и схвачен орками, он сразу оставляет эту цель, пытаясь спасти своего хозяина.

Должны они это понять — и Элронд, и Совет, и все они, великие и мудрые: просчитались они. Из меня Хранителя не выйдет — я только вместе с господином Фродо.

Сэм должен оставаться верным самому себе, и главная задача его жизни — защищать Фродо.

И хотя Сэму не удастся последовать за орками в крепость Кирит-Унгол и в конечном счете он остается один на тропе, уходящей далеко вверх, в Мордор, именно здесь Сэм оказывается перед своим главным нравственным выбором. Он ощущает власть Кольца, хотя оно не надето: «видно, мощь Кольца возросла стократ неподалеку от горнила, где оно было выковано, но уж чего-чего, а мужества Оно не придавало».

Сэм ощущает как «злое Око Мордора... пронизывало темень, которой само же окуталось». Кольцо искушало его, «подтачивало волю, расшатывало рассудок», рождая безумные фантазии о том, как

Сэммиум Смелый, герой из героев, грозно шагает по темной равнине к Барад-Дуру, воздев пламенеющий меч, и со всех сторон стекаются войска на его зов. И рассеиваются тучи, блещет яркое солнце, а Горгорот превращается в цветущий, плодоносный сад. Стоит ему лишь надеть Кольцо, сказать: «Оно — мое», — и мечтания сбудутся наяву.

Но Сэм справляется с искушением, он знает, что не его это доля — носить Кольцо и бросать вызов Черному Властелину. Толкин объясняет, что от соблазна Кольца Сэма спасают две вещи: любовь к Фродо и собственный здравый смысл — прежде всего, конечно, любовь Сэма к своему господину, но не меньшую роль тут сыграл простой здравый смысл хоббита. Сэм понимает, что

не годится для таких свершений, даже если бы они оказались не только приманкой Врага.

Хватит с него и собственного сада, незачем превращать в свой сад целое царство; есть у него свои руки — и ладно, а чужими руками нечего жар загребать.

Глубоко в душе Сэм знает, кто он. Как Галадриэль, пожелавшая остаться Галадриэлью и не взявшая Кольцо, так и Сэм знает, что он всегда будет обычным простым хоббитом, Сэмом Скромби, маленьким, заботливым садовником из Шира. Воодушевленный любовью к Фродо, он остается верен себе и отказывается от власти Кольца. Отказавшийся от Кольца Всевластья в самый отчаянный момент, Сэм раскрывается как добродетельный и сильный человек, способный отвергнуть зло, отвергнуть почти безграничную власть, сосредоточившись на собственном «я».

Очевидна мысль Толкина о том, что использование Кольца Всевластья усиливает его разрушительное действие — даже на Фродо, главного героя трилогии, который чуть было не погубил всю миссию уничтожения Кольца. Случайно и невинно воспользовавшись Кольцом в первый раз, в итоге он поддается его соблазнам, сознательно и свободно выбирая обладание Кольцом и отказываясь уничтожить его. Как и в споре у Платона, главный результат разрушительной силы Кольца — разрушение души, «сердца», то есть личности обладателя Кольца. Противостояние Кольцу есть сохранение себя за счет отказа от каких бы то ни было экстраординарных способностей. Все, кто прикасался к Кольцу (кроме Бомбадила), теряли себя (по крайней мере, на какое-то время), желая быть лучше, чем они есть на самом деле.

ЛИЧНЫЙ ВЫБОР,
ВЛАСТЬ И ПРАВСТВЕННОСТЬ

Зачем следовать нравственным законам? Какую жизнь мне выбрать? Каким человеком мне следует стать? Вот фундаментальные вопросы этики, или философии нравственности. В сказке Толкина о Кольце Всевластья мы находим ответ вызову добродетельной жизни, впервые сформулированному в диалоге Платона почти 2400 лет назад. Если человеку предложить возможность вседозволенно и безнаказанно удовлетворять любые свои желания, выберет ли он путь добродетели и отвергнет ли безграничную власть? Платон отвечает: да, поскольку добродетельный человек способен понять, что безнравственность власти разлагает душу и сердце. Власть без любви, дружбы и простых радостей ведет к несчастью, совершенному несчастью, которому ничто не способно помочь.

В героях Толкина мы видим подтверждение понимаемой Платоном важности добродетельной жизни. Всем персонажам, к которым попадает Кольцо, предоставлен выбор, всех искушает возможность использовать Кольцо, но некоторые находят силы противостоять этому искушению. И лишь у одного героя нет выбора — у Горлума, он сделал свой выбор задолго до событий, с которых начинается «Властелин Колец»; наверное, он — лучшая иллюстрация совершенного несчастья, к которому ведет бесконечный поиск власти без добродетели. Момент выбора необходим — момент, когда разумное существо должно решить для себя, какую жизнь ему избрать.

Платон возвращается к мысли о выборе в заключении «Государства». Там он называет выбор своего

персонажа величайшим шансом человека, который должен руководствоваться «зрением, обращенным к природе собственной души» («Государство» X, 618, b—e). Герои Толкина тоже думают о своей душе. Галадриэль, Бомбадил, Сэм однозначно и бесспорно отказались от Кольца и остались абсолютно чистыми перед соблазнами безграничной власти — их сила скрыта в осознании собственной самости, в осознании того, кто они есть и что они способны совершить. Эти герои осознают границы своих возможностей. «Зачем быть добродетельным?» — спрашивает Платон. И Толкин отвечает: «Чтобы оставаться самим собой!» Какую жизнь мне выбрать? Жизнь, соответствующую моим способностям. Если вам в жизни необходимо Кольцо Всевластья, вы выбрали неверную жизнь.

2.
РОКОВАЯ ГОРА:
ОПАСНОСТЬ НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ
И КОЛЬЦО ВСЕВЛАСТЬЯ ТОЛКИНА

ТЕОДОР ШИК

Кольцо Всевластья, выкованное Сауроном и эльфами, — самая могущественная технология во всем Средиземье. Некоторые писатели используют кольца в качестве символа индустриальных технологий. Фантаст Айзек Азимов, например, пишет:

Однажды мы с Дженет [женой] ехали по главной улице Нью-Джерси, мы проезжали мимо нефтеперегонного завода. Это было отвратительное место, там ничего не росло, и всюду были понатыканы уродливые трубы, обычные для нефтеперегонного завода. Остатки нефти текли по высоким трубам сверху вниз, и всюду в воздухе воняло бензином.

Дженет печально поглядела на улицу и сказала: «Это Мордор».

Что было абсолютной правдой. Скорее всего именно такая картинка должна была возникнуть в голове Толкина. Кольцом была промышленная технология, уничтожившая зеленую землю и заполнившая все округу уродливыми конструкциями и химическими загрязнениями.

Толкин, однако, полностью отвергал такую интерпретацию. В предисловии к «Властелину Колец» он пишет:

Что касается внутреннего или скрытого смысла, автор его не видит вовсе. Моя книга не отличается ни аллегоричностью, ни злободневностью¹.

И все же, отрицая аллегоричность «Властелина Колец», Толкин признает, что трилогию можно рассматривать в контексте ситуации на Земле. В своем письме Роне Бир, например, он пишет:

Если бы мне пришлось «подвести теорию» под мой миф или хотя бы под одно только Кольцо Саурона, я бы тогда сказал, что это был мистический способ передать истину о «мощи» (или, скорее, о «потенциале»), которая, будучи реализована или механизирована, т. е. воплощена в конкретную форму, выходит, в большей или меньшей степени, из-под контроля.

В этой статье я пытаюсь понять, насколько применим вывод Толкина к нашей реальности, а именно: что нам следует делать с технологиями, которые созданы, видимо, для нашей гибели? Принять ли нам решение, вынесенное Советом Элронда, и уничтожить их? Или нам стоит последовать совету Боромира и попробовать использовать их в своих интересах?

¹ Перевод А. Грузберга. — *Примеч. ред.*

Ученые говорят, что мы находимся на пороге таких открытий, которые дадут нам могущество, намного превосходящее потенциал Кольца Всевластья, а именно: в области нанотехнологий, генетики и робототехники. Осознавая опасность, заключенную в этих технологиях, некоторые ученые, вроде Билла Джоя, руководителя исследовательских проектов компании *Sun Microsystems*, призывают предать эти технологии «огню» или вообще не пытаться их создавать, поскольку они обладают потенциалом уничтожения всего человечества. Другие, например Эрик Дрекслер — ученый, первым начавший систематическое исследование возможностей нанотехнологий, — настаивают, что исследование и разумное использование таких технологий поможет нам избавиться от бедности, искоренить болезни и обрести бессмертие. Чтобы рассмотреть эти альтернативы с точки зрения «Властелина Колец», нам необходимо узнать больше о природе и свойстве Кольца.

КОЛЬЦА ВЛАСТИ

Во Вторую Эпоху Средиземья эльфийские кузнецы во главе с Селебримбэром (Келебримбером) и при помощи Саурана выковали Кольца Власти. Самые важные из них упоминаются в стихах, описывающих Кольцо Саурана. Три кольца — для царственных эльфов, семь — для гномов, девять — для людей и одно — для Черного Владыки Мордора. «Одно Кольцо покорит их».

Хотя эльфийские кузнецы, чтобы сделать свои Кольца, использовали знания Саурана, Элронд сказал, что Вилья, доставшееся ему, Нэнья — Галадриэли и самое

могущественное кольцо Нарья, принадлежащее Гэндальфу, были сделаны без участия Саурана, он не прилагивался к ним. Так же как и эльфы никогда не касались Кольца Саурана. Оно была тайно выковано в Рокковой (Огненной) горе самим Саураном. Но Сауран участвовал в создании Колец гномов и людей, из-за чего эти Кольца получили свои разрушительные свойства, в отличие от эльфийских Колец.

К тому же Кольца, созданные Саураном, были задуманы так, чтобы давать своим обладателям могущество или власть над другими, что не было свойственно эльфийским Кольцам. По словам Элронда, «с их помощью нельзя убивать и обуздывать: они помогают познавать мир, творить добро и сдерживать зло, зародившееся в сердцах жителей Средиземья». Эти побуждения очень характерны для эльфов Средиземья, и именно они обусловили их решение не возвращаться на Запад в конце Первой Эпохи.

Эльфы были первыми разумными созданиями Илуватара, верховного Бога Средиземья, поэтому их иногда называют «Первородженными». Людей создали несколько позднее, поэтому их роду присвоено имя «Пришедших Следом». Самое значительное различие между этими двумя расами — смертность: эльфам уготовано бессмертие, а люди смертны. Толкин объясняет:

Предназначение эльфов — бессмертие, любовь к красоте мира: своим даром утонченности и совершенства они должны помогать ей расцветать и существовать, пока все существует, не покидать мира даже «убитыми», но возвращаться — и, когда придут Послероджденные, учить их, прокладывая им путь, «увядать», в то время как Послероджденные будут развиваться и поглощать жизнь, от которой живут и те и другие.

Бессмертие — бремя эльфов, поскольку, живя в Средиземье, они остаются неизменными в постоянно меняющемся мире. Всему, что им дорого, предназначено исчезнуть, включая их самих.

Первая Эпоха Средиземья закончилась, когда был повержен первый враг — Моргот — и западные земли оказались в изоляции. Эльфам, живущим в то время в Средиземье, боги настойчиво рекомендовали обосноваться на Тол Эрессеа, острове к западу от Средиземья, недалеко от Валинора, изначального дома эльфов. Но некоторые эльфы выбрали Средиземье, потому что хотели «мира, блаженства, хотели сохранить свои воспоминания о Западе (их первичной родине в Валиноре) и остаться на обычной земле, где их авторитет, как существ высших, против диких эльфов, гномов и людей был выше по сравнению с низшей ступенью, приготовленной для них в иерархии Валинора».

Оставшиеся эльфы — застывшие эльфы — решили, что лучше править в Средиземье, чем служить в Валиноре. Однако они страстно тосковали по Западу, и Саурон сыграл на этом чувстве, чтобы склонить их к созданию Колец.

В Первую Эпоху Средиземья Саурон стал главным военачальником и слугой Моргота. После того как Моргот был разбит, Валары приказали Саурону отправляться на суд в Валинор, но он остался в Средиземье и «вскоре снова впал во зло, ибо крепко привязал к себе своего слугу Темный Властелин»¹. Пытаясь вернуть расположение эльфов, он прикинулся честным и предложил в помощь свои знания для восстановления Средиземья.

¹ Здесь и везде далее «Сильмариллион» цитируется в переводе Н. Григорьевой, В. Грушецкого. — *Примеч. ред.*

Его не допустили в Линдон, на родину Гил-Гэлада и Элронда, поскольку те ему не доверяли, хотя и не знали его. А эльфы Эрегиона больше пеклись об улучшении своего положения. В итоге они поддались внушениям Саурона, говорившего, что Гил-Гэлад и Элронд не заботятся о процветании Средиземья:

...а ведь эльфы могли бы сделать эту землю такой же прекрасной, как Тол Эрессеа или даже Валинор. Вы ведь не захотели возвращаться туда, значит, любите Среднеземье. И мне оно дорого. Вот и надо нам постараться всем вместе поднять бродячие эльфийские народы к вершинам тех знаний, что отличаются живущих за Морем.

Устоять перед возможностью переделать Средиземье по образу Валинора эльфы Эрегиона не смогли. Они позволили Саурону приехать в их королевство и пройти обучение у ювелиров Эрегиона: так появились Кольца.

Основной эффект всех Колец Власти, объясняет Толкин, — «предотвращение или замедление процесса старения (т. е. „изменения“, о котором сожалеешь)». И это в большей или меньшей степени соотносится со стремлением эльфов сберечь то, что они ценят или любят. К тому же Кольца увеличивают естественную силу их обладателя, почему и называются волшебными, вследствие чего они рождают зло и жажду господства.

Наиболее очевидно предотвращенное старение видно на горе Эмрос в Лориэне, когда к ней подошли участники похода:

Усталые Хранители прилегли на траву, но Фродо ошеломленно озирался по сторонам, не в силах лечь или даже пошевелить-

нуться. Он смотрел на канувший в прошлое мир... Все на земле было прекрасно, удивительно и здорово.

Исцеляющий эффект Кольца резко отличает его от других технологий, включая индустриальный символ Азимова, упомянутый в начале статьи. Такие технологии часто уничтожают сельскую местность или истощают невозстановимые природные ресурсы. Но технологии эльфов не могут быть так запросто соотнесены с технологиями индустриальными, потому что первоначальное предназначение Колец — сберечь и исцелить. Индустриальные же технологии направлены на изобретение способов экономии времени и рабочей силы. Проще говоря, Единое Кольцо не может быть соотнесено с ядерной бомбой, потому что у нее тоже нет исцеляющей и оберегающей силы Кольца. Вот почему стоит прислушаться к словам Толкина и рассмотреть «Властелина Колец» с точки зрения опасности той силы, которой наделяются внешние объекты и которая, несомненно, является неотъемлемой частью любой технологии.

ОПАСНОСТЬ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Некоторые технологии, над которыми мы работаем сейчас, несут нам непредсказуемые возможности в области лечения болезней и продления жизни. Но они также дают нам силу уничтожить Землю и всех ее обитателей. В отличие от атомной технологии, с ними может справиться и небольшая группа людей. В итоге, как считает Билл Джой, они приведут к величайшим катастрофам в истории человечества:

Для технологий XXI века — генетики, нанотехнологий, робототехники (ГНР) — нет практически ничего невозможного, и они миллиардами породят новые виды абсолютно новых злоупотреблений и несчастий. И самое страшное прежде всего в том, что все эти злоупотребления и несчастья легко может произвести и небольшая группа людей. Им не потребуются ни сложные условия, ни какие-то труднодоступные материалы. Для их использования достаточно просто определенных знаний.

Следовательно, существует возможность не только оружия массового поражения, но и знания массового поражения (ЗМП), эта разрушительная сила многократно увеличивается силой самовоспроизведения.

Думаю, вряд ли будет преувеличением сказать, что мы присутствуем при расцвете необычайного зла, чьи возможности оставляют далеко позади времена, когда оружие массового поражения было по средствам лишь экономике целого государства, — теперь один-единственный человек может завладеть удивительной и ужасной мощью.

Как и Кольца, эти новые технологии легко могут попасть не в те руки, а так как они обладают огромным потенциалом несчастья и злоупотребления, Джой считает, что самым благоразумным было бы не развивать их вовсе. Поэтому он поддерживает продвижение любых запретов на исследования в этих областях. Есть вещи, утверждает он, от знания которых нам вообще стоит воздержаться. Чтобы понять потенциал этих новых технологий, давайте рассмотрим одну из них — нанотехнологию — подробнее.

Согласно Томасу Тэйсу, руководителю отдела физических наук в исследовательском центре Томаса Джей Ватсона, компании IBM, нанотехнология — это «возможность проектировать и контролировать строение объекта

на любом уровне: от атомного до молекулярного». Размеры атомов и молекул исчисляются в нанометрах — одна миллиардная метра. Таким образом, нанотехнология — это попытка сконструировать устройства, которые будут работать непосредственно с атомами и молекулами, из которых сделаны они сами. Такая разновидность молекулярной инженерии не что иное, как ежедневная работа живого организма. Рибосомы в наших клетках, например, создают белок, вылавливая из протоплазмы аминокислоты и соединяя их в длинные цепочки. Эрик Дрекслер доказывает, что ничто не мешает нам построить машину, работающую по принципу рибосом. Только вместо того чтобы соединять аминокислоты в белки, она станет универсальным сборщиком, который сможет соединить любые атомы и молекулы для создания абсолютно любого организма. Поскольку свойства того или иного предмета определяются его природой и классификацией атомов, универсальные сборщики, несомненно, дадут нам возможность создать все, что возможно создать физически. Дрекслер объясняет:

Поскольку сборщик позволит соединять атомы практически в любом порядке, нам будет предоставлена возможность создать все, что угодно, в пределах законов природы. В частности, мы сможем создать и более совершенные сборщики... Со сборщиками мы сможем переделать наш мир или уничтожить его.

Эльфы создали Кольца, чтобы переделать мир. Нанотехнология обещает нам то же самое.

Универсальные сборщики превратили бы самовоспроизводящиеся клетки из фильма «Звездный путь» в реальность. Теоретически мы могли бы загрузить в сборщик-воспроизводитель (репликатор) параметры любого

объекта, конечно при необходимом количестве атомов определенного свойства, и тогда воспроизводитель создал бы требуемый объект. При загрузке достаточного количества углерода, например, такой воспроизводитель мог бы создать бриллиант любого размера. Но возможности воспроизводителя не ограничатся созданием только неживых объектов. Он мог бы сотворить любой мыслимый объект, живой или неживой, с чувствами или без. Таким образом, после создания универсальных сборщиков возможности генной инженерии и робототехники возрастут многократно.

Нанотехнология, как и создание Кольца, обещает уничтожить нищету, болезни и старение. Возможность синтеза любой вещи позволит всем жить в неограниченной роскоши. А возможность манипулирования на уровне атомов и молекул позволит бороться с телесной неполноценностью. Ранения и старение являются результатом повреждения клеток, что, в свою очередь, происходит из-за смещения атомов и молекул. Правильно настроенный сборщик сможет восстановить поврежденные клетки, возвращая смещенные атомы и молекулы на место. Как только создадут машины по восстановлению клеток, проблемы старения больше не будет. По словам Дрекслера

с машиной по восстановлению клеток... потенциал продолжительности жизни будет безграничным. Можно будет восстанавливать клетки, сохраняя особенности их структуры, и заменять поврежденные клетки.

Кольца также продлевают своим обладателям жизнь, но жизнь эта совершенно лишена нравственного начала. Например, Бильбо обращается к Гэндальфу:

— ...Постарел я, Гэндальф. Так-то вроде не очень, а кости ноют. Нечего сказать: «Хорошо сохранился!» — Он фыркнул. — Ты понимаешь, я тонкий-претонкий, как масло на хлебе у скупердяя.

Были ли эта усталость вызвана искусственным продлением жизни, или в ней виновато Кольцо, — покажет время.

Кроме того, Кольца имеют свойства умножать способности своих хозяев, и все Кольца, за исключением эльфийских, позволяют стать невидимыми. Примечательная деталь: правительство Соединенных Штатов только что выделило Массачусетскому технологическому институту пятьдесят миллионов долларов на развитие производства материалов, основанных на применении нанотехнологий и имеющих те же свойства. Цель только что открытого Института военных нанотехнологий (ИВН) — «создание сверхлегкого материала для пошива обмундирования и снаряжения солдат пехоты, которое будет обладать защитными, обеззараживающими и изолирующими свойствами против биологического и химического оружия». Но нанотехнологии могут создавать не только экипировку прочнее мифрила, они дадут своему обладателю сверхспособности. Нед Томас, директор ИВН, призывает нас «представить себе психологическое потрясение неприятеля, встретившего команду невидимых воинов, хорошо защищенных и наделенных сверхчеловеческими возможностями, например способностью перемахнуть через шестиметровую стену».

Развитие нанотехнологий позволило бы также создать плащ-невидимку, подобный чехлу для машины из последней картины бондианы «Умри, но не сейчас».

Такой плащ «был бы сплетен из реальных органических полимеров так, чтобы изменить способ отражения света при механическом воздействии или появлении электрических полей... что в сочетании с микромеханическими сенсорами воспроизводило бы свет, идущий с обратной стороны, создавая эффект почти полной невидимости того, на ком он надет». Таким образом, можно сказать, что нанотехнологии обладают всеми свойствами Колец.

Но как бы ни были велики возможности нанотехнологий, не менее велик и риск их использования. Прежде всего они представляют опасность для жизни человека, растений и животных. Универсальные сборщики способны воспроизводить себя. Но самовоспроизводящиеся сборщики опасней любого вируса или бактерии, поскольку они могут истребить органическую жизнь на Земле за считанные дни. Дрекслер описывает некоторые опасности, заключенные в самовоспроизводящихся сборщиках:

«Растения», имеющие «листья», по эффективности сравнимые с современными солнечными батареями, могли бы полностью вытеснить настоящие растения, заполняя биосферу несъедобной листвой. Жизнестойкая всядая «бактерия» вытеснит обычную бактерию. Они могут распространяться как пыльца, воссоздаваясь с невероятной скоростью, и очень быстро превратят биосферу в пыль.

Такой сценарий развития событий больше известен под названием «серая каша», поскольку, оставшись без контроля, сборщики способны преобразовать планету в серую кашу, в массу самовоспроизводящихся наноботов.

Уничтожение всего живого — лишь одна из опасностей, скрытых в нанотехнологии. Поскольку нет такой материи, которая была бы не по силам сборщикам, они в состоянии создать любой вид оружия: биологическое, химическое, ядерное. С помощью одного только скоростного репликатора любой человек сможет произвести достаточно энергии, чтобы уничтожить все, что он пожелает.

ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Что можно сделать для предотвращения этих катастроф? Дрекслер предлагает ряд мер. Во-первых, содержать репликаторы за непроницаемыми стенами лабораторий в открытом космосе. Во-вторых, встроить в репликаторы ограничители, которые позволят им совершать только определенное количество операций. Самая отчаянная мера — постараться уничтожить записи о том, как был сделан первый репликатор, чтобы никто больше не смог его повторить. Наконец, мы можем сделать наноботы, которые будут уничтожать опасные репликаторы, подобно тому как, например, белые кровяные клетки уничтожают опасные бактерии и вирусы.

Джой считает это предложение наивным, поскольку понимает его малоэффективность, к тому же такие наноботы не менее опасны, чем те, которые они будут уничтожать. Он настаивает, что наше единственное спасение — в отказе от дальнейших исследований в этой области. Он пишет:

Таким образом, эти способности нежелательны и/или недопустимы. Я вижу единственную реальную альтернативу —

отказаться от исследований: ограничить развитие слишком опасных технологий и сдерживать прогресс в определенных областях знания.

Джой предсказывает, что, если мы не остановим развитие определенных областей знаний, начнется гонка технологий, гораздо более опасная, чем гонка ядерных вооружений.

Принудительное запрещение исследований в области нанотехнологий, генетики и робототехники потребует беспрецедентного контроля. Поскольку эти исследования могут проводиться в частном подвале, единственный способ предотвратить их — дать правительству неограниченные полномочия по надзору. Отказ от исследований по этим направлениям потребует серьезных ущемлений прав свободы и частной собственности. Но Джой считает, что лучше пожертвовать этим, дабы предотвратить большее зло.

Не слишком ли велика цена — свобода личности? Похоже, решение Джоя столь же нежелательно и неприемлемо, как и предложение Дрекслера. Даже если бы правительству удалось установить видеокамеры в каждом доме, как описано в романе Оруэлла «1984», остановить изыскания в этих областях все равно было бы невозможно, потому что, в отличие от разработок в сфере атома, здесь не требуется централизованного контроля над множеством громадных механизмов. Но если бы даже мы смогли прекратить исследования в Америке, сделать то же самое в масштабе всего мира было бы совершенно невозможно. Странам, не поддающимся контролю, и террористическим организациям очень хорошо известен потенциал этих технологий. Они не оставят своих исследований по рекомендации Соединенных Штатов

и ООН. А если они разовьют их раньше нас, то Соединенные Штаты и ООН просто исчезнут.

Более того, отказ от исследований означал бы и отказ от преимуществ этих технологий. Мы никогда бы не смогли воспользоваться самыми эффективными методами против болезней, бедности и старения. От столь очевидного добра сложно отказаться в виду некоего гипотетического зла.

Без сомнения, эти технологии способны нас уничтожить. Но тем же самым грозят и другие технологии, например ядерные, которые сегодня не представляют такой опасности, как раньше. Угроза ядерной войны никуда не исчезла, но повсеместное использование ядерной энергии многократно уменьшило саму ее опасность. На заре открытия ядерной энергии многие специалисты считали, что вскоре она станет нашим основным источником энергии. Но она никогда не будет таковой, поскольку ее распространению противостоят различные частные организации. Например, движение «Против ядерной энергии», движение «За защиту окружающей среды», Союз ученых играют важную роль в ужесточении правил использования ядерной энергии. Специалисты не могли предвидеть такого сопротивления, потому что оно шло от общественных организаций, а не от официальных институтов.

Развитие в отраслях промышленности, связанных с ядерной энергией, показывает, что технология не может совершенствоваться отдельно; она развивается внутри общества, чье воздействие на нее непредсказуемо. Как только общественность узнает о технологиях больше, общественные организации могут начать ограничивать их использование, как это произошло с ядерными технологиями. Одна из главных идей «Властелина

Кольцо» состоит в том, что историю легко могут изменить непредвиденные и непредсказуемые волевые поступки. Даже Саурон со своей армией шпионов не смог предвидеть всей опасности, которую представляло для его планов Братство. Билл Джой со своими более ограниченными возможностями способен представить будущее столь же приблизительно.

В Третью Эпоху Средиземья эльфы утратили технологию создания Кольца. Только Саурон мог делать новые Кольца. Уничтожение Кольца Всевластья гарантировало, что Кольцо больше не будет. Такая ситуация кардинально отличается от нашей. Знания о нанотехнологии, генной инженерии и робототехнике распространены по всему миру, и закрытие ряда лабораторий может лишь замедлить их развитие, но, конечно, не остановить их. У нас нет такого уникального устройства, уничтожив которое мы устранили бы саму угрозу, порождаемую данными технологиями. Таким образом, наша ситуация далека от сложившейся в Средиземье, как могло показаться сначала. Если бы, кроме Саурана, существовали другие Враги, способные создать дополнительные Кольца, проголосовал бы Совет Элронда за уничтожение Кольца Всевластья? Если бы у гномов, людей и хоббитов были собственные программы по исследованию технологии Кольца, решились бы эльфы уничтожить Кольцо? Возможно. Но они бы предприняли собственные попытки усовершенствовать Кольцо, чтобы, оставив всю его силу, избавиться от злого влияния Саурана.

3. «МОЯ ПРЕЛЕСТЬ»: КОЛЬЦО-ФЕТИШ

Элисон Милбанк

Одна из самых волнующих сцен в «Братстве Кольца» — первом фильме трилогии «Властелин Колец» — Совет в Раздоле и тот момент, когда дело чуть не доходит до драки между эльфом и гномом, в то время как Кольцо, нетронутое и неприкосновенное, безмятежно сияет золотом, достойным рекламы ювелирного дома *Glassner*. Фокус меняется, и противники становятся нечеткими на заднем плане, а на переднем: Кольцо, заполняющее собой почти весь экран. Кольцо манит нас всех: читателей, авторов фильма и моих коллег, участников этого проекта. Хотя образ Кольца позаимствован из немецких и скандинавских мифов, я докажу: этот символ очень актуален в нашем восприятии, в стремлении приобрести и обладать кольцами или другими предметами потребления нашего общества. Для меня произведение Толкина — это не фантазия, в которую можно сбежать,

но требующий напряжения текст, который «прочитывает» нас как фетишистов и предлагает нам иную модель отношений с миром вещей — модель жертвования и дарения.

ЧУЛКИ, КОЛЬЦА И ЭРОТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ

Чтобы объяснить, что я понимаю под фетишизмом, вернемся к кадрам фильма с целомудренно сияющим кольцом. Как любой крупный план, этот момент использует эффект выделения объекта из контекста, чтобы создать ощущение уникальности. Поэтому любой крупный фото- или киноплан создает фетиш в том смысле этого слова, которым его наделял психолог Зигмунд Фрейд. Для фетишиста чулок, перчатка, кожаные аксессуары или какая-то часть тела становятся объектом сексуального желания, поскольку эти предметы стабильны и не имеют ничего общего с человеком или телом вообще. В своей работе 1927 года «Фетишизм» Фрейд относит желание стабильности к отказу принять объективность того, что мать не всесильна, то есть не имеет фаллоса. Стремясь к объекту и обладая им, фетишист получает возможность контролировать материнскую сексуальную энергию, которой он боится и которая его притягивает. В основе такого поведения лежит подсознательный страх перед женскими половыми органами, а фетиш позволяет избежать всех опасностей полового акта.

Интересно, что Кольцо Всевластья, в котором я вижу фетишистский символ, дважды показано нам отделенным от тела хозяина: первый раз — когда Исилдур отрубает Саурону палец, второй раз — когда Горлум

откусывает палец Фродо. Отделение преследует Кольцо с самого создания, с тех пор как оно было тайно выковано Сауроном и преднамеренно спрятано от создателей остальных девятнадцати колец. Однако даже эти благотворные Кольца обладают природой фетиша, поскольку они были созданы с целью предотвратить увядание и разрушение прекрасного. Стремясь создать обереги, эльфы присоединяются к фетишистскому желанию стабилизировать объект полового возбуждения, чтобы его не касалось ни время, ни гниение, ни смерть. В «Сильмариллионе», сборнике мифов, Толкин открыто говорит, что нолдорские эльфы не хотят покидать Средиземья и в то же время желают блаженства своих собратьев за Морем, в Благословенном Краю.

В сексуальном восприятии, которое всегда более или менее фетишистское, чулок обычно просто возбуждает, разграничивая плоть и одежду и приковывая внимание к голой ноге над чулком. Для любовника чулок — всего лишь последняя деталь, отделяющая его от желанного обнаженного тела, для фетишиста обладание чулком уже является заключительным действием. Так же и Хранители Кольца, как мы видим, испытывают совершенное удовлетворение от самого лишь факта обладания Кольцом; они его не используют для достижения своих желаний. Ужасно, но все его обладатели: от великого Исилдура до хоббита Бильбо Торбинса (Бэггинса) — начинают видеть в нем только «Прелесть» и уже не могут от него отказаться. Они становятся похожи на дракона Смога, копившего сокровища для себя и жестоко пресекавшего любые попытки покушаться на них. Найдя Кольцо, Горлум оказывается глубоко под землей в Мглистых горах, где его и встретил Бильбо, которому перешло Кольцо.

Критики часто отмечают недостаточную сексуальную активность сказки. Мне кажется, это можно объяснить разрушительным действием Кольца, которое оттягивает внимание от романтических поисков, концентрируя всю эротическую энергию в себе. По-настоящему любить, жениться и выходить замуж, рожать детей все герои книги могут только после уничтожения Кольца. А те, кто его носил хоть немного, вообще не женятся. Я, конечно, не собираюсь углубляться в дебри сексуальности Средиземья, но очевидно, что в древнем и мерзком гурмане — паучихе Шелоб — Толкин очень убедительно воспроизвел фрейдистскую *vagina dentata*, «зубастую вагину». Эта самка воплощает архаичную материнскую энергию, которая проглатывает мужскую личность и независимость. Согласно Фрейду, боязнь быть кастрированным ею — главный страх всех фетишистов, поэтому они пытаются обрести над ней контроль с помощью фетишей. Надо быть готовым встретиться с ней и перехитрить ее, прежде чем Кольцо вернется к своему истинному материнскому источнику: огненной Роковой горе. Соответственно, другая древняя женщина — Галадриэль, ранее отвергшая соблазн быть самой могущественной женской силой, «Той, кому следует подчиняться», — помогает и дает свет, победивший Шелоб. И если мужчины в романе должны отречься от фетишизма, то женщинам необходимо уйти с холодного пьедестала, как это сделала Арвен, отказавшись от бессмертия, чтобы выйти замуж за Арагорна.

Парадоксально, но, хотя фетиш может быть средством контроля над эротической энергией, т. е. средством, которое удерживает на расстоянии кастрирующее женское начало, его ценность как единственной

возможности эротического удовольствия и самоопределения поработочает фетишиста, превращая фетиш в подобие бога, точно так же как это происходит в тотемных религиозных практиках, из которых Фрейд и взял эту концепцию. Этот процесс наиболее ярко демонстрируется превращением речного хоббита Смеагорла в трусливого Горлума. То, что Кольцо попало к нему через убийство друга, приводит к раздвоению и сумасшествию, и вот он постоянно бормочет о себе в третьем лице: «Не надо нас обижать! Не позволяй им нас обижать, Прелесты!» — теперь Кольцо персонифицировано и предстает защитником и помощником. Как первобытные индейцы, Горлум, образно говоря, для пущей безопасности помещает свою душу внутрь фетиша. Поэтому, лишившись Кольца, он буквально разорван надвое: как он говорит Фарамиру, «нас никак не зовут, нету у нас занятия, нет Прелести, нет ничего. Все пусто».

Через поработочение Горлума читателю дается ключ к пониманию тайны самого могущественного Саурана. Выковыывая Кольцо, Саурон поместил в него часть своей силы, но тем дороже обошлась ему потеря Кольца. Лишившись физического тела, он живет в ярости, сродни той, что наполняет его рабов назгулов, а его настоящая сила отдана Кольцу. И теперь на самом деле он воплощает лишь непрерывное наблюдение в образе гигантского глаза без века, который Фродо увидел в Зеркале Галадриэли:

Обрамленный багровыми ресницами пламени, тускло светящийся мертвенной желтизной, был он, однако, напряженно живым, а его зрачок — скважина в ничто — постоянно пульсировал, то сужаясь, то расширяясь.

Как и Горлум, Саурон пуст, у него нет никакого иного желания, кроме простого обладания Кольцом. Разница лишь в том, что Саурон нигилистичен и пытается разрушить Средиземье до основания, чтобы сравнять все с пустотой, т.е. с собой.

КОЛЬЦА И МИР ВЕЩЕЙ

Весьма существенно в замысле Толкина то, что Кольцо становится фетишем не только для развращенного ума, но и для любого, кто входит в соприкосновение с ним, например для Боромира, лишь издалека случайно видевшего Кольцо. Из этого можно неверно заключить, что Средиземье — падший мир, совершенно погрязший во зле. И действует это зло посредством фетишизма — относительно недавно появившейся формы отчуждения, которая стала отличительной чертой современной капиталистической экономики. За пятьдесят лет до Фрейда термин *фетишизм* использовал немецкий философ Карл Маркс в своей великой критике промышленной капиталистической экономики. В его огромном произведении «Капитал» описывается отчуждение и иллюзорность наших отношений с продуктом производства. Как заметил Маркс, когда мы сделаем из куска дерева стол, это просто стол, но как только он попадает на рынок

как только он начинает выступать в роли предмета потребления, он становится чем-то запредельным. Он не просто стоит ножками на земле, но взаимодействует с другими предметами потребления, все встает с ног на голову, и он выдает нелепые идеи своими деревянными мозгами.

Из любой телевизионной рекламы, в которой обнаженная женщина поглаживает корпус автомобиля, становится очевидно наше стремление наделить предметы потребления своей собственной жизнью.

Маркс идет дальше, утверждая, что в современной рыночной экономике мы потеряли всякую связь между производителем и потребителем, более того, мы абстрагировались даже от результатов собственного труда. Возникающие отношения между вещами сродни тем, что складываются между людьми, предметы потребления становятся объектами поклонения, как фетиш: мы совершенно забываем, что они от начала до конца произведены нами. И такая ситуация превращается в стиль жизни, чему способствуют дизайнерские лейблы и практическая невозможность выяснить что-либо о производителях того, что мы едим и носим.

Я не пытаюсь доказать, что «Властелин Колец» — марксистский текст и что Толкин стремился создать в Шире Народную Республику, но на всем протяжении романа с помощью Кольца несомненно критикуются угрожающие тенденции к накопительству, идолопоклонству и отчуждению, крайность которых становится видна при проведении параллельного психологического и экономического анализа. Кроме того, Толкин — последовательный католик, а папская энциклика о социальном учении в XX веке критиковала капитализм не меньше государственного социализма. И пока светские писатели разбираются во внутреннем мире Толкина, можно смело утверждать, что для верного ответа на поставленные вопросы нельзя не учитывать церковную составляющую.

Для Толкина все сотворенное — благо, и он утверждает это в мифе о Творении, которым начинается

«Сильмариллион». А из многочисленных приложений к третьей части «Властелина Колец» становится очевидно, что мир вещей для него не менее важен, поскольку он выделен в отдельный раздел: «Вещи». Просматривая список вещей, можно обнаружить, что сюда включены как собственно вещи: кольца, оружие, цветы, книги, — так и то, что трудно назвать вещами, например почтовая система, битвы, встречи, даты, языки. Присутствие здесь таких нематериальных понятий объясняется тем, что Толкин вкладывал в слово «вещь» гораздо более древний смысл. Согласно Оксфордскому словарю английского языка слово «вещь» (thing) стало употребляться в своем современном значении «неодушевленный объект» с 1689 года. Прежде слово thing означало тему, событие, а в англосаксонском и старом северогерманском — даже парламент, на что указывает в своем эссе «Вещь» Хайдеггер: «собрание, а именно вече для обсуждения обстоятельства, о котором зашла речь, спорного случая». Именно это значение слова, соотносимое с событием или опытом, способствовало тому, что в нашем нынешнем представлении «вещь» рассматривается как нечто отдельное от нас, как объект нашего восприятия. Однако изначально, по сути, вещь есть предмет, обсуждаемый собравшимися людьми. «Овеществленное собрание», по мысли Хайдеггера. Сегодня, свободные от фетишизма, мы вяло, безо всякого энтузиазма идем на встречу с изумительными, радостными вещами. Ведь даже вещь, бывшая в центральном магазине в декабре самой желанной, теряет всякую привлекательность на январской распродаже.

Таким образом, согласно толкиновской картине мира, ремесло и творчество — самые важные понятия в его системе — суть добро. Относительно редкие объекты

зла неизбежно господствуют или носят деструктивный характер, как, например, Гронд — ужасный дробящий молот, названный булавой Моргота, с железным, в форме волчьей головы, наконечником. Кроме того, во «Властелине Колец» вообще мало вещей, а приложение «Вещи» короче приложений о людях и других живых существах или о топографии. Покинув относительно насыщенный предметами Шир, вы встретите не много объектов, большинство из которых «вещи» в средневековом значении — это снаряжение для путешествия. Члены Братства взяли с собой не много: еду, кухонную утварь, фляги с водой, трубки и табак, серые эльфийские плащи и оружие. Мир сужен до вещей первой необходимости, служащих для пропитания и защиты. Однако их малочисленность компенсируется их двойной ценностью, как, например, в случае с веревкой, которую Сэм захватил в Лоризне:

— Вербки! — с несказанным облегчением возопил Сэм и в гневе обрушился на себя: — Эх, вот бы кого на веревке-то подвесить вверх ногами в науку всем остолопам! Ну и недотепа же ты, Сэм Скромби! Сколько раз мне Жихарь это повторял, словцо у него такое. Вербки!

— Да не болтай ты! — закричал ему Фродо. Он уже почти пришел в себя и не знал, смеяться ему или сердиться. — Оставь Жихаря в покое! У тебя что, веревка в кармане и ты сам себя распекаешь? Так лучше доставай ее!

— Не в кармане, сударь, а в котомке! Ну и ну, сколько сотен миль проволока, а понадобилось — забыл!

Бесспорна комическая сторона этой сцены, где Сэм в восторге танцует с веревкой, в то время как Фродо висит над пропастью, а наивный слог сочетается с крайней

опасностью. Но это нисколько не умаляет волшебства веревки, подчеркнутого ее шелковым составом и серебряным сиянием. Брошенная вниз, она напоминает другую спасительную веревку — веревку библейской Раавы для шпионов Иисуса Навина, которая впоследствии превратилась в знак ее собственного спасения (книга Иисуса Навина).

Но несмотря на все литературные параллели, веревка зримо присутствует в сцене. Появляется, когда становится необходимой, изящная и полезная. Сэм очень подробно ее описывает:

С виду-то она тонковата, а прочная какая, упругая и мягкая-мягкая. Моток-крохоток, и весу в нем нет. Дивный народ, иначе не скажешь!

Отзываясь так об эльфах, изготовивших веревку, Сэм начинает разрушать фетишизм вещей, восстанавливая связь объекта с производителем и возвращая самому объекту прагматический потенциал.

ДАРЕНИЕ ПОДАРКОВ И НОШЕНИЕ КОЛЕЦ

Для полной реализации веревки Сэма очень важно и то, что это был подарок эльфов из Лориэна. Действительно, практически все предметы в романе дарятся, начиная с самого дня рождения Бильбо, на котором в соответствии с традицией хоббитов он больше раздавал подарков, чем получал. Гэндальф дарит фейерверк, который в своем зрелищном самоуничтожении выражает чистую форму дарения. Почти все оружие компании Братства — это дары, даже еда — это либо подношения Раздола,

либо добытый Горлумом кролик, либо подарок из кладовых лориэнских эльфов. Но главные дарители — Галадриэль и Селербээн, давшие возможность заглянуть в магическое зеркало пророчеств и подарившие Фродо и Сэму столько волшебных вещей — от шкатулки с суперудобрением до сияющего фиала.

Одаривая, Галадриэль и Селербээн поступают, как короли севера и Англосаксонии, литературными источниками которой Толкин пользовался при описании своих Колец Власти. В одном из таких источников, «Беовульфе», который особенно любил Толкин, короля Хродгара называют «дарителем колец», и он осыпает подарками Беовульфа, когда тот убивает чудовище Гренделя. В этой древней сказке кольца являются дарами, связующими дарителя и обладателя.

На память приходит и другой пример из северной мифологии: кольцо Драупнир, выкованное гномами Брокком и Эйтри для бога Одина и каждую девятую ночь рождавшее восемь новых колец. Именно это кольцо одинокий Один возложил на погребальный костер сына Бальдра, погибшего от стрелы из омелы, и Бальдр вернулся его отцу в качестве подарка на память через Хермода, с которым встретился в Хель. Это чудо-кольцо, связанное дарением и жертвой, обычно не рассматривают в контексте «Властелина Колец», даже несмотря на то что это единственное кольцо в ранних источниках, от которого отрекаются добровольно. Гораздо чаще критики Толкина вспоминают кольцо дракона Фафнира, украденное его слугой Сигурдом, что привело к его собственной гибели и падению всего дома Вёльсунгов.

Во всех этих северных историях кража кольца накладывает проклятие на совершившего ее, поскольку кольцо скрепляет отношения, для которых даже смерть

не является преградой. В «Беовульфе» мы встречаемся и с положительными, и с отрицательными коннотациями: главный герой сначала получает кольца от Хродгара, потом сам дарит их, а погибает, когда отправляется в логово дракона на поиски золотых колец для своего народа. Проще говоря, эльфийские кольца Толкина благотворны: они сосредотачивают энергию и гармонию их обладателей — Галадриэли, Элронда и Гэндальфа; все они получили кольца в дар, что сделало их свободными от фетишизма и способными пожертвовать властью колец на всеобщее благо.

ОСВОБОЖДАЯСЬ ОТ ВЕЩЕЙ

Для того чтобы получить свои дары, главным героям «Властелина Колец» сначала приходится отказаться от имущества, дома и семьи. Миссия Братства состоит в том, чтобы восстановить отношения между людьми и вещами. Но достичь этого возможно только путем самопожертвования и уничтожения Кольца-фетиша. В отличие от других путешествий, в конце которых герои получают желаемые объекты, Братству предстоит вернуть Кольцо туда, где оно было создано, и таким образом обратить процесс, превративший Кольцо в фетиш, оторванный от среды, происхождения и материальности. В начале романа этот процесс представлен в комическом виде, когда Бильбо, скрывавший правду о том, как ему досталось Кольцо Горлума, устраивает праздник и раздает все свое имущество гостям согласно их рангу. Он щедро распределяет оставшееся драконово золото, чтобы оправдать себя самого за то, что владел им, как Сигурд. Он отказывается от своего дома и всего

его содержимого, от самого хоббитовского существования и уходит, словно индийский святой. Немного спустя и Фродо последует той же тропинкой, жертвуя своей счастливой жизнью в Шире ради миссии Хранителя Кольца. Как и Кольцо, он становится одиноким, он больше не может вернуться и быть принятым в свое сообщество. Его тяжело ранит моргульским клинком Черный Всадник. Таким образом, Фродо жертвует не только Кольцом, но и собой, о чем он и говорит Сэму, когда тот провожает его к кораблю на Запад: когда всё в опасности, «кто-то ведь должен погибнуть, чтоб не погибли все: не утратив, не сохранишь». Заметьте: не только люди в опасности, но и «вещи», весь существующий космос — и от всего этого он должен отказаться.

Фродо, пожертвовавший собственной жизнью, отправляется затем с эльфами в бессмертные земли, доказывая, что жертва означает восстановление. Но еще задолго до завершения истории нам показана возможность разрушения фетиша — это пример Бомбадила и Золотинки, замечательное проявление романтизма в трилогии. Этот эпизод пропущен в фильме, а критики воспринимают его как нечто чуждое эпическому повествованию. На мой взгляд, инаковость Тома и Золотинки подчеркнута намеренно: для основной идеи романа очень важна предложенная альтернатива фетишистскому миру Средиземья. Том Бомбадил — извечный «хозяин деревьев, воды и холмов» именно потому, что не обладает ими. Скорее, он все получает в дар и сам очень любит дарить, и впервые мы встречаем его с водяными лилиями для Золотинки. Эта практика дарения противопоставлена фетишизму, что становится очевидным, когда Том просит показать Кольцо. К разочарованию Фродо, Том без какого-либо почтения подбрасывает

Кольцо в воздух и остается неподвластен чарам невидимости. Он обращается с Кольцом как с очень красивой вещью — не более того.

Бомбадил прекрасно иллюстрирует различия между волшебным (магия) и чудесным (чары), о которых размышляет Толкин в эссе «О волшебных сказках»: волшебное — «*власть* в нашем мире, господство над неживыми предметами и волей живых существ»¹, напротив, чудесному «не требуются ни иллюзия, ни колдовство, ни власть; оно жаждет взаимного обогащения, ему нужны не рабы, а товарищи». В Бомбадилье есть нечто весело-творческое и чудесное (отсюда рифмы и ритм его речи), и это значит, что человек в состоянии чудесным образом изменить свой мир, в котором вещи предстали бы такими, какие они есть: кольца были бы лишь куском блестящего металла, а мужчины и женщины — вполне реальными и только чуточку таинственными. В отличие от песен Бомбадила, спасшего хоббитов от смерти, медовый голос Сарумана — волшебная ловушка, он завораживает слушателей, искажая реальность происходящего.

Роман заканчивается просто: Сэм возвращается домой, проводив Фродо. И его дом, полный самых обыденных вещей, каждая из которых занимает надлежащее ей место, отсылает нас к жилищу Бомбадила с его желтым светом, где пылает огонь и женщина ждет возвращения хозяина. Великое и трудное путешествие заканчивается восстановлением мира вещей, свободных от фетишизма и прагматичных:

Прощальные бледно-золотистые лучи озарили Торбу, светившуюся изнутри. Его ожидали, и ужин был готов. Роза встретила

¹ Здесь и везде далее эссе «О волшебных сказках» цитируется в переводе С. Кошелева под редакцией И. Тогоевой. — *Примеч. ред.*

его, подвинула кресло к камину и усадила ему на колени малышку Эланор. Он глубоко вздохнул.

— Ну, вот я и вернулся, — сказал он.

Вещи, дающие тепло, пищу, свет и уют соединяются здесь как символ человеческого тепла и общества. Усаживая Сэма с дочерью в кресло, в центр семейной троицы, Толкин утверждает семейные отношения объектов к субъектам. Кресло остается креслом, у него нет магических качеств, но оно позволяет людям объединяться — «овеществленное собрание». Вместо Кольца-фетиша теперь появляется семейный круг. Синтаксис повторов рождает в этом фрагменте торжественный тон и создает особый ритм воссоединения различных вещей во благо человеческой жизни.

Теперь, когда объекты снова обретают насущную полезность, они могут обозначать сами себя. Волшебная сила фиала Галадриэли, содержащего в себе свет звезды Эарендила, заключалась в том, чтобы высвободить Эарендил, очистить его от тех черт фетиша, которыми его наделяют воюющие стороны, и вернуть свету его предназначение. Благодаря всему, что уже было сделано ранее во «Властелине Колец» для спасения вещей, теперь любой свет обладает теми же свойствами, он служит человеческим нуждам и ценится за свою полезность и красоту. Кажется, функция хоббитов в этом произведении — придать ценность обычному домашнему миру объектов, так же как функция онтов — вернуть любовь к деревьям. До известной степени вся сложная система изобретенных языков и рас, историй, мифологий, куда входит и Сэм, создана для того, чтобы мы увидели обычный мир без фетиша. Этот здоровый взгляд Толкин полагает целью фантазии или сказки.

А то, что он связывает это выздоровление с возвращением правильного отношения к объектам, видно из следующего отрывка:

Вообще сказки во многом (а лучшие из них — в основном) имеют дело с простыми, лежащими в основе всего фактами и явлениями, не тронутыми фантазией. Но они, будучи помещены в сказку, начинают светиться неожиданно ярким светом, ибо сказочник, позволяющий себе «вольности» с Природой, — скорее ее возлюбленный, чем раб. Именно благодаря сказкам я впервые угадал скрытую силу слов и чудесную природу вещей: камня, древесины, железа; деревьев и травы; дыма и огня; хлеба и вина.

Толкин назвал такую любовь «чудом» — даром «видеть вещи так, как нам предопределено их видеть» и осознать их уникальность. Мы словно учимся видеть мир заново. Это чудо, безусловно, очень далеко от поклонения фетишу, поскольку славит связи, которые фетишизм отрицает:

...а-лалла-лалла-румба-каманда-линд-ор-буруме. Уж не взывайте: это малая часть нашего названья, а я позабыл, как ее называют на других языках, — словом, где мы сейчас, где я стою погожими утрами, думаю, как греет солнце, как растет трава вокруг леса, про лошадей думаю, про облака и про то, как происходит жизнь.

Пытаясь объяснить понятие «гора», Древень объединяет объект с миром феноменов, мыслей, с самим собой. На языке онтов настоящая сущность объекта определяется степенью общности, а не различия, как в человеческом слове «гора», значение которого определяется

тем, что в него не входит: «гора» — «не дол». Таким образом, индивидуальность рождается из множественности разных связей. Снова «овеществленное собрание».

Итак, «Властелин Колец» — этический текст, который учит нас отказаться от идеи собственного превосходства и от условностей нашего восприятия, чтобы получить взамен весь мир в подарок. Сам роман насыщен предметами, но они не замкнуты сами на себе, как и песни и дары эльфов из-за пределов Средиземья, из Благословенного Края, который читатель видит лишь краем глаза, прежде чем Фродо исчезнет там навсегда. Этот Край — источник «света и сверхкрасоты», которые являются Сэму в небе над жуткой равниной Горгорота. Чудесность и изобилие вещей Средиземья имеют божественное происхождение, так что, покидая роман, мы испытываем сожаление. Мы жалеем о невозможности оставить себе на память какую-нибудь деталь романа, в то время как следовало бы страстно желать большего: разрушения наших собственных неестественных привязанностей к вещам, избавления от их волшебного притяжения.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
**ПУТЕШЕСТВИЕ
К СЧАСТЬЮ**

4.

ШЕСТЬ КЛЮЧЕЙ ТОЛКИНА К СЧАСТЬЮ

ГРЕГОРИ БАШАМ

Раздол, Хоббитания, Кветлоризн. Уже сами названия будят в воображении прекрасные картины умиротворения и удовольствия. Многие читатели «Властелина Колец» (и я в их числе) верят, что были бы счастливы, живи они там, при том что и Толкин, естественно, описывает эти местности как исключительно приспособленные для счастливой жизни. Конечно, выдуманный Толкином мир очень далек от нашего. В Средиземье нет транспортных пробок, раздражающей рекламы или глупых реалити-шоу. Очевидно отсутствие грязных политических кампаний, разводов и психотропных веществ, за исключением пива. И все же Средиземье во многом схоже с нашим миром, благодаря чему можно провести массу полезных сравнений и сделать определенные выводы. В своем эссе я стараюсь выяснить, есть ли у жителей Раздоло, Хоббитании и Кветлоризна — эльфов

и хоббитов — особые секреты, позволяющие им жить полной и насыщенной жизнью. Я насчитал шесть таких секретов.

ВОСХИЩЕНИЕ ПРОСТЫМИ ВЕЩАМИ

Хоббиты — веселый, добродушный народ, они находят настоящее наслаждение в самых простых вещах: в еде и напитках, в курении трубки и разведении садов, они носят яркую одежду и устраивают праздники, они любят дарить и получать подарки, по-доброму разгрызывать друг друга и, наконец, собираться с друзьями и соседями в деревенском пабе. Они живут незатейливой деревенской жизнью, в «тесной дружбе с землей», не любят сложных механизмов, не имеют настоящего правительства и получают удовольствие от простых комических песенок о теплой ванне и гложущих кости троллях.

Эльфы же во многом мудрее и устроены гораздо сложнее, чем хоббиты, но при этом они тоже находят радости в самых простых вещах: в рассказывании сказок, пении песен, изготовлении прекрасных вещей, приготовлении простых, но вкусных блюд, наблюдении за звездами и общении с природой. Толкин показывает связь между счастьем и способностью получать удовольствие от простых, будничных радостей. Эту связь замечали многие философы.

Греческий философ Эпикур (341—270 гг. до н. э.) объяснил, почему естественные радости предпочтительнее искусственных, или «избыточных»: их проще достигнуть¹.

¹ См.: Эпикур. Письмо к Менекею // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 432—436.

Для людей, находящих удовольствие в любовании рас-светами, в лесных прогулках, в общении с семьей и друзьями, обычно все это доступно. Напротив, те, кто любит более эфемерные вещи, вроде достатка, власти, престижа или славы, часто остаются ни с чем.

Есть и более веский довод, почему счастье больше ассоциируется с непритязательным образом жизни и способностью наслаждаться незамысловатыми радостями. Психолог Дэвид Г. Майерс в своей книге «В поисках счастья» резюмирует тысячи научных исследований об условиях счастья и удовлетворительного существования. Он доказывает, что счастье обуславливают следующие факторы:

- физическое здоровье;
- развитое самоуважение;
- ощущение того, что вы сами распоряжаетесь собственной жизнью и временем;
- оптимизм;
- коммуникабельность;
- ответственная и значимая работа;
- достаточные возможности для отдыха;
- наличие близких и друзей;
- наличие предмета внимания вне себя;
- духовное мировоззрение, дарующее надежду, ощущение цели, общественную поддержку и служение.

Если существуют ключи для достижения счастья, то не сложно понять, почему американцы в массе своей сегодня не намного счастливее, чем в 50-е годы XX столетия (несмотря на то что их покупательная способность выросла в среднем в два раза)¹. Фактически темпоритм

¹ См.: *David G. Myers. The Pursuit of Happiness* (New York: Avon, 1993), p. 206; *David G. Myers. Research-Based Suggestions for Happier Life*. (См. в Интернете: www.davidmyers.org/happiness/research.html.)

нашей нервной жизни не оставляет нам никаких шансов на счастье — мы слишком заняты, чтобы сосредоточиться на вещах, которые гарантируют счастье. Полтора века назад великий американский апостол простоты Генри Дэвид Торо писал:

...Люди заблуждаются. Лучшую часть своей души они запахивают в землю на удобрение. Судьба, называемая обычно необходимостью, вынуждает их всю жизнь копить сокровища, которые, как сказано в одной книге, моль и ржа истребляют, и воры подкапывают и крадут. Это — жизнь дураков, и они это обнаруживают в конце пути, а иной раз и раньше... <...> Простота, простота, простота! <...> ...богатство человека измеряется числом вещей, от которых ему легко отказаться¹.

Больше двух лет Торо жил простой жизнью, чаще совсем один, в лесах недалеко от Конкорда, потому что он «хотел жить разумно, иметь дело лишь с важнейшими фактами жизни и поробовать чему-то от нее научиться, чтобы не оказалось перед смертью, что я вовсе не жил». Строил ли он свою знаменитую хибару на острове или на берегу Уолденского пруда, без сомнения, он нашел свой Шир, и его жители были ему очень симпатичны.

НЕ ПРИДАВАТЬ ЗНАЧЕНИЯ ПРОБЛЕМАМ

Сообщество друзей, больше известное под названием квакеры, — протестантская секта, возникшая в середине XVII века в Англии и быстро распространившаяся в американских колониях. На долгие годы благочестивые

¹ Здесь и ниже роман Генри Дэвида Торо «Уолден, или Жизнь в лесу» цитируется в переводе З. Александровой. — *Примеч. ред.*

квакеры оказались знамениты своим списком двенадцати правил жизни, который назывался «Квакерская дюжина». Среди этих заповедей были: «усердно работай», «люби семью», «проявляй доброту», «будь милосерден» и — самое хоббитовское предупреждение — «не придавай значения проблемам».

Толкин часто обращает внимание на способность хоббитов «не придавать значения проблемам». Гэндальф замечает в хоббитах «изумительную силу выздоровления» и предостерегает Теодена:

Хоббитам только дай волю — они усядутся хоть на поле битвы и давай обсуждать кушанья и стряпню, а заодно порасскажут о деяньях своих отцов, дедов и прадедов, девятикородных родичей с отцовской и материнской стороны.

Разлученный с Пином Мерри вдруг понимает, что скучает без неистощимого веселья друга. Когда же Мерри и Пину наконец удастся бежать от орков, по их легкомысленному разговору никто бы не сказал, что они только что «испытывали ужасные муки и подвергались жуткой опасности».

Не придавать значения проблемам означает также умение находить надежду и красоту даже в самых мрачных обстоятельствах. Из четырех хоббитов Братства только Сэм до конца путешествия остается абсолютно бесстрашным и никогда не жалуется. Однажды Толкин показывает, что корни оптимизма и силы Сэма гораздо глубже просто личной преданности и естественной храбрости:

Потом, чтобы не заснуть, выполз из-под тернового укрытия и прислушался... Ночное небо на западе за Эфель-Дуатом еще

светилось. В разрыве туч над черным пиком засияла звезда. Глядя на нее из прокаженной страны, Сэм залюбовался ее красотой — и словно очнулся. Чистым, ясным лучом озарило его душу, и он подумал, что владычеству мрака раньше или позже придет конец, что светлый и прекрасный мир не подвластен злу.

Способность хоббитов не унывать и не сгибаться перед лицом опасностей и лишений — одно из самых замечательных их качеств. Эта добродетель ценится также и философами. Многие богословы, например святой Августин, призывают нас ликовать и радоваться, поскольку жизнь коротка, страдания временны, а наш истинный дом — на небесах, где награда наша будет велика. Многие светские философы, как знаменитый стоик Марк Аврелий, убеждают нас быть мужественными и спокойными, поскольку все людские стремления незначительны с точки зрения вечности, нет памяти или боли в забвении могилы. Как бы мы ни относились к последнему выводу, мы можем лишь восхищаться внутренней силой и ценить мудрость тех, кто не придает значения проблемам, поскольку тем самым они согревают не только свою жизнь, но и жизнь окружающих.

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Хоббиты склонны к объединению и чрезвычайно социальны. Их обиталища часто бывают просторными, и в них живут многочисленные семьи. Они отличаются честностью, верностью, вежливостью, благовоспитанностью, скромностью, великодушием, радушием и настолько миролюбивы, что, как правило, не закрывают дверь на ночь,

«и в Шире ни один хоббит не был убит другим из умысла». Естественно, при столь тесном родстве, аккуратности и взаимной помощи хоббитов Шира им совершенно не нужны ни правительство, ни полиция. У них есть «шир-риффы», но их работа в основном заключается в том, чтобы «бродить по стране, болтать с людьми и выяснять новости», выясняя, где можно достать хорошее пиво.

Одна из особенностей хоббитов — поразительная способность к дружбе. На Совете у Элронда Сэм, Мерри и Пин рвутся сопровождать Фродо в путешествии, несмотря на его очевидную опасность. Когда у Сарн-Гебира на Братство нападают орки, Фродо решает идти дальше один, не желая обрекать друзей на неизбежные страдания и смерть в сердце Барад-Дура. Но без решительности, дружбы и преданности Сэма у Фродо, конечно, ничего бы не вышло и надеждам свободных народов не суждено было бы исполниться.

Необходимость отдавать себя другим людям, ценность тесных дружеских отношений подчеркивали многие философы. Например, Аристотель посвящает рассуждениям о достоинствах дружбы почти пятую часть «Никомаховой этики», своего великого произведения о человеческом превосходстве и полноценности. Дружба, говорит он, необходима для счастья и полноты человеческой жизни, поскольку она укрепляет семьи и сообщества, побуждает к благородным действиям, дает покровителей и утешение во времена несчастий, обеспечивает молодых советом, а старых — помощью. По Аристотелю, дружба — «величайшее из внешних проявлений», «поскольку без друзей жить невозможно, даже обладая всем остальным».

Взгляды Аристотеля на важность дружеских взаимоотношений подтверждаются современной социальной

психологией. Исследования показывают, что люди, имеющие с кем-либо близкие отношения, обычно и счастливее и здоровее тех, кому этих отношений не хватает. Вот, например, некоторые выводы.

1. Среди студентов университетов самыми счастливыми считают себя те, кто полностью удовлетворен своей личной жизнью.

2. Студенты, поддерживающие близкие отношения, лучше справляются с различными стрессами, включая тяжелые утраты, потерю работы и болезни.

3. Те выпускники колледжей, кто предпочел высокие доходы и профессиональный успех тесному общению с друзьями и женитьбе по любви, в два раза чаще, чем предыдущая группа, характеризуют себя как «очевидно» и «очень» несчастных.

4. Люди больше довольны жизнью, если друзья и семья поддерживает их приоритеты, часто выражая свой интерес, предлагая помощь и поддержку.

5. На вопрос: «Что необходимо для вашего счастья?» — большинство людей вспоминают прежде всего удовлетворительные отношения с семьей, партнерами и любимыми.

Без сомнения, если бы некий хоббит-Аристотель написал «Никомахову этику», то пользе дружбы и общительности придавалось бы там не меньше значения, чем в версии настоящего Аристотеля.

ВОСПИТАНИЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

В черновике письма Питеру Гастингсу Толкин признается, что целью написания «Властелина Колец» было, в частности, стремление «помочь добродетели». И он

попытался достичь этого традиционно литературным, нравственным и пророческим приемом — одаривая счастьем хороших, добродетельных героев.

За очень редким исключением счастливые герои во «Властелине Колец» — персонажи положительные, и они удостоиваются благоприятного финала, тогда как несчастные — персонажи отрицательные, и кончают они плохо. Вспомните Сэма, Арагорна, Фарамира¹ и Гэндальфа среди положительных героев и Горлума, Сарумана, Гнилоуста и Денэтора среди отрицательных. Однако эта логика выдерживается не всегда: например, мать Арагорна Гилраин умерла преждевременной и незавидной смертью. Но чаще всего Средиземье Толкина — последовательный сказочный мир, в котором хорошие парни убивают драконов, завоевывают принцесс, а плохие парни кусают локти².

Но похож ли этот сказочный мир на нашу действительность? Может ли быть сходство между нашим миром и миром, где «хорошие парни смеются последними», а многочисленные Пройдохи и Плутни решают все проблемы за хорошим пивом и трубкой? «Не так быстро», — сказал бы Древень.

По крайней мере очевидно, что в нашей жизни многие счастливые люди далеко не положительны, а многие положительные — несчастливы. Это доказывает, как говорят философы, что добродетельность не является

¹ Многие зрители были разочарованы версией Питера Джексона, в которой Фарамир представлен неоднозначно. Читатели, видевшие фильм, но не читавшие книгу, должны иметь в виду, что у Толкина Фарамир безусловно положительный герой.

² По крайней мере это справедливо для периода, отраженного трилогией, т. е. до конца Третьей Эпохи. Мир, описанный в «Сильмариллионе», очевидно более трагичен и жесток.

необходимым и достаточным условием для счастья. Тем не менее, как отмечают многие философы и психологи, между позитивным мировосприятием и счастьем существует сильная причинно-следственная связь.

Вернитесь к началу этой главы, на несколько страниц выше, и еще раз просмотрите факторы, которые исследователи определили как основные для достижения счастья. Заметьте, что среди прочего там есть и «наличие близких и друзей» и «наличие предмета внимания вне себя». Ясно, что если вы полное ничтожество, то ваши шансы достичь всего этого равны нулю. Люди изначально хотят, чтобы их любили, уважали, ценили, чтобы им доверяли. Нам необходимо ощущать свою причастность к чему-то большему, ощущать, что мир стал немножечко лучше от нашего в нем присутствия. Как отмечает раввин Гарольд Кушнер, автор бестселлера «Когда с хорошими людьми случаются дурные вещи»:

Человеческому существу необходимо быть хорошим... Наша человеческая природа такова, что нам необходимо уметь откликаться на призыв о помощи, быть чуткими, щедрыми, так же как нам требуется есть, спать и тренироваться. Когда мы слишком много едим и мало занимаемся, мы чувствуем себя не в своей тарелке. Наше «я» не вполне комфортно себя ощущает. То же происходит, когда мы превращаемся в коварных эгоистов. Мы теряем настоящее «я», мы забываем как это: ощущать себя хорошо... Только честная, добродетельная жизнь дарит нам ощущение душевного здоровья и человечности.

Хоббитам не нужны психологи, которые поведали бы им эту истину: она у них в крови. У нас в общем-то тоже. Только иногда требуется напоминать себе об этом.

ПРЕКЛОНЕНИЕ ПЕРЕД КРАСОТОЙ
И ЕЕ СОЗДАНИЕ

Счастье и добродетельность очень тесно связаны во «Властелине Колец». Те же отношения существуют между красотой и счастьем. Раздол и Кветлоризн (не говоря уж об Эрессеа, Нуменоре и Гондолине) исполнены света и красоты. Мордор, Ортханк и Минас-Моргул, напротив, — тесны, бесплодны и ужасны. Несчастливые персонажи романа обычно физически уродливы (Саурон, Горлум, орки), тогда как счастливые удивительно прекрасны (Арвен и Галадриэль) или, во всяком случае, приятны (Фродо и Фарамир). Более того, счастливые люди описываются Толкином как артистические и творческие натуры. Это касается эльфов, бессмертных из Валинора, дунаданов из Нуменора и первых могущественных строителей Гондора. Даже грубые хоббиты, как нам известно, имеют «длинные и искусные пальцы» и могут создавать множество «полезных и привлекательных вещей». Напротив, орки живут в темных, ужасных обиталищах, носят грязные одежды, едят отвратительную пищу и, соприкоснувшись с прекрасным, пытаются его уничтожить.

Толкин прав: мы нуждаемся в прекрасном. В школе, на работе, во всем, что нас окружает, уродство угнетает и подавляет, в то время как красота освежает и вдохновляет.

Толкин также прав, объединяя красоту и творчество. Часто мы ощущаем особое счастье в моменты незнательного восприятия, которое Михаль Чикжентмихалий называет «потокком». Такое состояние, по мнению Михалья, обычно бывает характерно для артистов, танцоров, писателей и людей других творческих профессий. Творческие люди, пишет психолог Авраам Маслов, «все

там, погружены с головой, очарованы и поглощены настоящим, текущим, здесь и сейчас, в деле».

Почему людям (хоббитам и эльфам) так необходимы красота и творчество в жизни? Для Толкина, как христианина, наиболее полным будет ответ с теологической точки зрения: «Мы творим в меру наших способностей и разумений, ибо сами были сотворены, но по образу и подобию Творца». Христианский Бог создал мир, и, как Создатель, он, по своей природе, художник. Согласно этой идее все люди, будучи сотворены по Его подобию, тоже художники. Мы находим счастье в красоте и творчестве, потому что они питают нас и потому что в конечном счете мы ориентированы непосредственно на Красоту и Творчество.

ОТКРЫВАЯ ЧУДО ЗАНОВО

Несомненно, самый счастливый герой «Властелина Колец» — Том Бомбадил. Живя в полном согласии с естественным ходом вещей своей маленькой реальности, которую он делит с Золотинкой, Том ничего не боится и ни в чем не нуждается. Толкин так и не рассказывает в романе, кем или чем является Бомбадил. Но в письмах он объясняет, что Бомбадил дал «обет бедности». Он отверг всякую власть, у него нет «ни имущества, ни господства». Он восторгается самой сутью вещей, «потому что они другие и абсолютно независимы от любопытного сознания». И поскольку у Бомбадила нет желаний, Кольцо Всевластья не имеет над ним силы.

Эльфы, хоть и в меньшей степени, обладают такой же способностью растворяться «в других». Они, по наблюдениям Древня, «сами себе не слишком-то и любопытны,

не то что люди, и уж куда лучше людей умеют вникать в чужие дела». Как бессмертным, течение времени в Средиземье дарит эльфам много печали, но они нелегко поддаются тоске или скуке; в отличие от людей, «быстро пресыщающихся благом», эльфы испытывают постоянную тягу к поэзии, песням, они не устают с удовольствием разглядывать звезды и гулять по залитым солнцем лесам. Если человек, наблюдая прекрасный закат, произносит: «Гм», — эльф с первозданным восторгом и интересом растворяется в нем.

И Толкин говорит: учитесь у эльфов. Не теряйте интерес, восхищение, свежесть восприятия. Как писала поэт и натуралист Диана Акерман:

Мир, который мы получаем за бесплатное «ах» с тайнами и чувственным восторгом... Подойдите к окну и взгляните на все чудеса, в один момент переполошившиеся: линзообразные облака подают сигнал свежему ветру. Черепица на крыше переплетена подобно голубиным перьям. Бутоны магнолии уже расцвели пушистыми кисточками... Это материал жизни, ощущение, что вы живете именно на этой планете... Когда мы остаемся, чтобы почувствовать [эти ощущения], нас поражает изумление, и к нам в сознание приходит глубокое удовлетворение, которое мы называем, из-за отсутствия лучшего слова, радостью.

Фродо переживает примерно такое же чувственное обновление, находясь у кургана Горестной Скорби — сердца древнего королевства Кветлоризн, в то время как его товарищи прилегли отдохнуть на траву:

Он смотрел на канувший в прошлое мир, освещенный навеки исчезнувшим светом... Он видел лишь знакомые ему цвета —

белый, желтый, зеленый, синий, — но они были такими свежими и яркими, словно явились ему здесь впервые, а он, разглядев их, дал им названия.

А потом, взбираясь по веревочной лестнице на дерево, Фродо:

взялся за веревочную лестницу, а левой рукой оперся на мэллорн — никогда еще ему столь полно не открывалась живая жизнь, пульсирующая в дереве. Он ощущал бархатистую кору и могучую, но беззащитную древесную плоть не как лесничий, столяр или плотник, а так, словно стал побратимом ясеня.

В своем эссе «О волшебных сказках» Толкин назвал возвращение свежести восприятия «выздоровлением». По мысли Толкина, это все равно что посмотреть на мир сквозь чисто вымытое окно, «чтобы ясно разглядеть все, что вокруг нас, освободить его от тусклой пелены банальности или изведанности». Таким образом, это «возобновление и обострение ясного видения мира», излечение от духовной слепоты. И это исцеление, как считает Толкин, может произойти благодаря сказкам и фэнтези вроде «Властелина Колец». Сочетая чудесное с привычным, волшебное с земным, эти произведения помогают нам увидеть мир новыми глазами. После онтов и башнеподобных мэллорнов мы уже по-новому будем смотреть на знакомые вязы и буки. Голубой океан и серебряная луна вдруг покажутся дивными и загадочными. Зеленая земля вновь станет «могущественной матерью из легенды». Мы откинем, как сказал К. С. Льюис, «завесу привычного» и начнем воспринимать мир подобно эльфам — как чудесное и великолепное творение Илуватара.

ТОЛКИН — ПИСАТЕЛЬ ФЭНТЕЗИ
И ФИЛОСОФ

В предисловии ко второму изданию «Властелина Колец» Толкин отмечал, что изначальным мотивом написания было желание рассказчика «испробовать силы в действительно длинной истории, которая удержала бы внимание читателей, развлекла бы их и доставила им радость, а иногда, может быть, и растрогала»¹. Ему это, безусловно, удалось. Но при этом он сделал намного больше. Изобразив счастливых хоббитов и эльфов и построенное ими сильное, здоровое общество, он создал собственную философию и стал нашим проводником, указавшим нам такой образ бытия, мысли и восприятия, который может сделать нашу жизнь более насыщенной и счастливой.

¹ Перевод А. Грузберга. — *Примеч. ред.*

5.
СЭМ И ГОРЛУМ:
СТРЕМЛЕНИЕ К СЧАСТЬЮ

ХОРХЕ ГРАСИА

Герои и антигерои Толкина — необычные существа. Взять, например, Гэндальфа Серого и Сарумана Белого, доброго и злого волшебников, обладающих большой магической силой; Арагорна — человека с большой буквы и короля, — и Черного Властелина Саурана Великого, олицетворяющего зло. Даже герои вроде Бильбо и Фродо, которые кажутся вполне заурядными, проявляют удивительные качества, попадая в невероятные обстоятельства. В «Хоббите» рассказано о приключениях Бильбо и победе над Смогом, злым драконом, обладавшим несметными сокровищами и знанием. Фродо же пришлось выполнить наитруднейшую миссию, какая только может быть возложена на живое существо: уничтожить Кольцо Всевластья, которое страстно желал найти Саурон. В конце истории Бильбо и Фродо получают

в качестве награды возможность отправиться на корабле вместе с Гэндальфом на Крайний Запад. Жизненные истории всех этих героев выходят за рамки обычного, и именно по этой причине нам трудно брать с них пример и учиться у них. Да, мы следим за их приключениями, наблюдаем их трудности, понимаем их желания, чаяния, оправдываем или осуждаем их поступки. Но все это происходит на расстоянии, поскольку мы отстранены от той реальности, в которой они существуют, и не можем постичь, что все это значит, следовательно, не можем сопереживать их успехам и неудачам.

Однако не все персонажи «Властелина Колец» обладают таким героическим статусом. Многие из них вполне соразмерны нам, и именно у них мы можем поучиться чему-нибудь. Они хороши или плохи в самом обычном, близком нам смысле, и их поиски счастья — неважно, увенчанные успехом или напрасные, — близки нашему ограниченному пониманию. Они не волшебники, не короли, не могущественные воины, они обычные существа, они ведут себя, как мы, и обладают заурядными способностями. В частности, я имею ввиду двух персонажей, созданных во многом по нашему образу. В эпосе Толкина они играют ключевую роль, хотя не следуют путем героя и слеплены из того же теста, что и мы сами. Это Сэм Скрэмби и Смеагорл (или Горлум, прозванный так за издаваемые им своеобразные звуки).

Из этих двоих Горлум для нас гораздо важнее. В кинокартине Питера Джексона Горлум с помощью компьютера создан уродливым, но человеческим существом, чья психология во многом влияет на сюжет повествования. Он представляет собой хорошее, ставшее плохим, и это особенно интересно для тех, кто борется со вторым, пытаясь удержаться в состоянии первого. Сэм

представляет неизменно хорошее, не поддающееся никаким соблазнам. И Сэм и Горлум хотят одного — счастья. Оба упорно стремятся к цели. Но только одному удастся достичь желаемого: Сэм добивается успеха, а Горлума ждет ужасный конец. Почему? Это важный философский вопрос, поскольку он затрагивает природу добродетельной жизни, жизни счастливой. И когда мы ответим на него, мы найдем то, что поможет нам обрести собственное счастье.

ОБЩАЯ ПРИРОДА

Сэм и Горлум выразительно и красноречиво противопоставлены и уподоблены друг другу, поскольку являются представителями одного вида. Если правда, что счастье зависит от природы существа, то, как утверждал Аристотель, будет трудно сравнивать счастье различных по природе своей существ. Абсолютно бессмысленно сравнивать представления о счастье эльфов и волшебников, поскольку вполне возможно, что они мыслят его себе совершенно по-разному. Но Сэм и Горлум — хоббиты. Первый — уроженец Шира, второй — представитель их сородичей, «похожих на речных хоббитов».

Они не только имеют единую хоббитовскую природу, но и обладают одинаковой культурой. Правда, Горлум многое подзабыл, из-за того что слишком долго жил в одиночестве, к тому же речные хоббиты вели более дикую и примитивную жизнь, нежели хоббиты Шира. Но их культура имеет общие корни. По словам Гэндальфа, рассказывающего Фродо историю о встрече Бильбо и Горлума,

родство вполне очевидно. О многом они с Горлумом одинаково думали и многое одинаково помнили. А понимали друг друга чуть ли не с полуслова, куда лучше, чем хоббит поймет, скажем, гнома, орка или даже эльфа.

Когда Бильбо наткнулся на Горлума в Мглистых горах, они оба знали, как начать игру, которая привела Горлума к трагедии, игру в загадки. Конечно, они знали одни и те же загадки, и именно Бильбо нарушил правила игры, предложив скорее вопрос, а не загадку, и выиграл состязание. Бильбо был вынужден обмануть Горлума, чтобы сбежать: «Что у меня в кармане?» Горлум слишком поздно понял, какую ошибку он совершил, признав правомерность вопроса и попытавшись на него ответить.

Нечестный вопрос, нечестный. Он смошенничал, он, а не я, он правила нарушил.

Горлуму, как философу Витгенштейну, следовало бы сказать, что по правилам такой вопрос задавать нельзя, а значит, он может не отвечать на него. Но он признал вопрос и попытался на него ответить, да еще потребовал для себя в виде исключения три попытки, и тем самым связал себя. Горлум, подобно всем хоббитам, очень любит состязание в загадках.

Мы знаем также, что он любит сказки, как Сэм и другие хоббиты. И Горлум, по крайней мере однажды, выдержал жуткую боль, «на что способны и другие хоббиты». Так что у Горлума и Сэма много общего; вполне закономерно поставить вопрос об их способе достижения счастья, а затем поискать сходные черты.

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Давайте начнем с предположения, вряд ли далекого от истины: мы все хотим быть счастливыми. Это предположение кажется нам верным, поскольку множество философов начиная, наверное, с Аристотеля утверждали, что это именно то, к чему мы все стремимся. Когда жизнь движется в верном направлении, пишет Аристотель, «большинство простых людей и людей более утонченных говорят, что это счастье, и соотносят хорошую жизнь и хорошее существование со счастьем». Правда, если мы спросим простых людей, чего они хотят достичь в жизни, чего они желают, вряд ли каждый скажет: «Счастья». Некоторые ответят, что хотят власти, другие — славы, третьи — удовольствия, четвертые — денег, — а кто-то, я уверен, предпочтет добродетель. Может быть, найдутся даже такие, кто захочет служить Богу, завоевать мир, продвинуть науку или максимально познать мир. Но если продолжать расспрашивать, то мы придем к заключению Аристотеля, а именно, что в действительности каждый хочет быть счастливым. Конечная цель едина, разными оказываются понимание сути счастья и способы его достижения.

Поэтому мы допускаем, что и Сэм, и Горлум хотят быть счастливыми. Тогда надо определить, в чем, по их мнению, состоит счастье, как они пытаются его достичь и к чему приходят в итоге — достигают они своей цели или нет, — и нам необходимо знать причины их успеха либо провала. Тогда мы поймем мораль истории и то, что хотел сказать нам автор.

Мы знаем, что Сэм в финале вполне счастлив, а Горлум не просто страдает, он гибнет. Но самое удивительное в произведении Толкина, что, несмотря на все

невзгоды и лишения, Сэм всегда остается счастливым. Бывает, что Сэм встревожен, огорчен, голоден, изможден, боится, печален, разочарован и даже испытывает боль. Но Толкин ни разу не изображает его несчастливым или всерьез намеревающимся отказаться от путешествия, которое сулит столько трудностей. Как раз наоборот. Цель у него одна, и он ей верен. И даже в самый жуткий час, полагая, что Фродо мертв и что он остался один, Сэм, вместо того чтобы закончить свои страдания и сбежать, думает о том, как завершить миссию, которую взял на себя Фродо, чтобы «довести до конца».

С Горлумом все совершенно иначе. Он, кажется, пребывает в состоянии перманентного несчастья. Он страдает, как и Сэм, от множества трудностей, но причина его горя не в этом. Он раздосадован и уязвлен, не может примириться и найти в жизни утешения. Гэндальф описывает его Фродо, как «совершенно никчемного». Даже обладая Кольцом и видя в этом предел своих желаний, он ведет одинокую, ничтожную и презренную жизнь, которая пробуждает в Бильбо, впервые встретившем Горлума, жалость, смешанную с ужасом. Жизнь, представляющая собой «бесконечную череду похожих дней без всякой надежды на улучшение».

Итак, что же Сэм и Горлум считают своей сверхзадачей, целью, которая приведет их к счастью? Обратимся прежде к Горлуму. Чего он хочет? Ответ однозначный: Кольцо Всевластья, «Прелесть». «Мы хотим ее. Мы хотим ее. Мы хотим ее!» — как безумный повторяет он; в этих словах — все его ненасытное желание, вся его неутолимая жажда. А что дает ему Кольцо? Во-первых, спасение от Него — от Саурана, обрекшего Горлума на пытки в Мордоре и тоже желающего заполнить

Кольцо. «С Прелестью он всех нас сожрет, он весь свет слопаёт». Обладание Кольцом даст Горлumu силу для борьбы с носителями других Колец, а значит, защиту; оно принесет признание и славу, сделав его Повелителем Смеагорлом, Горлумом Великим; оно предоставит пищу и особенно свежую морскую рыбу, сок и сладости. Но больше всего он хочет просто обладать Кольцом, поскольку без него он чувствует себя потерянным. Жизнь без Кольца ничто. Незадолго до своего конца он признается: «...бедный Смеагорл, нет его, он сгинул. У него отобрали его Прелесть, и он пропал».

А чего хочет Сэм? Он не стремится быть ни волшебником, ни воином. В начале, еще до того как они с Фродо отправились в путь, он мечтал о приключениях, мечтал увидеть эльфов и других чудо-юд вроде олифантов. Но теперь еще сильнее он желает вернуться в Шир, в тот край, о котором он больше всего думает, о котором он «мечтает непрерывно», ведь там его ждет Рози и мирная жизнь в кругу друзей. Он ни на минуту не забывал о Шире, это единственное место, где бы он всегда хотел оказаться. Когда Галадриэль заглянула в его самые сокровенные желания, то обнаружила единственную мечту: «улететь обратно в Шир в уютную норку — с небольшим садиком».

Основное различие между желаниями Горлума и Сэма состоит в том, что Горлум хочет обладать своей «Прелестью» единолично, тогда как в мечтах Сэма присутствуют другие: Фродо, Рози, друзья из Шира. Счастье Сэма имеет социальное измерение, что совершенно несовместимо с исканиями Горлума. Представление Сэма о счастье связано с другими такими же существами, счастье Горлума исключает всех. Горлум скрывается в уединенном месте в глубине Мглистых гор, на дне

пещеры, на укротном островке посреди холодного озера, к которому изредка забредают лишь гоблины, которых он съедает, если у него появляется возможность напасть неожиданно. Он живет, уничтожая других и наслаждаясь одиночеством: с тех пор «как его выгнали, и он остался один, он крался вниз и вниз в темноту гор». Он живет без родины, без времени, без родственников. После того как он нашел Кольцо, он был изгнан собственной бабушкой из своего сообщества. И вот он «бродит в одиночестве», а единственный его спутник — вещь, которую он лелеет и прячет, опасаясь, что кто-нибудь ее отберет.

Сэм, напротив, всегда отдает. И это характеризует не только его отношения с хозяином, которого он любит, его щедрость распространяется не на одного лишь Фродо. Его любящая натура проявляется тогда, когда Сэм понимает всю силу чудесной шкатулки, подаренной ему Галадриэлью в Кветлоризне. Вместо того чтобы сохранить ее для собственного сада, как советовал ему тот же Фродо, он использует ее на восстановление всего Шира, чтобы тот расцвел пуще прежнего после разрушений, причиненных Саруманом и его армией. Его мысли всегда о других.

Желания Горлума и Сэма имеют свои последствия. Горлум деградирует. Он становится хмурым и гнусным. Его глаза увеличиваются, становятся бледными и светятся в темноте, чтобы он мог видеть во мраке и ловить слепую рыбу, живущую в озере. Он разговаривает сам с собой и порой не отделяет себя от Кольца. Кризис самосознания углубляется, и со временем становится очевидно, что две половинки одной личности беседуют между собой. Одна — это Смеагорл, напоминание о старом хоббите, в котором осталось еще что-то доброе,

другая — Горлум, раб Кольца, исполненный злобы, готовый на все, чтобы вновь обладать им, хранить его. Сэм называет эти две половины «Липучка и Вонючка». Нелестные имена, но Сэм не любит и не доверяет ни одной из этих половин, хотя Смеагорл не до конца поглощен злом и еще способен бороться с предательством. Он хочет спасти «добренького хозяина» Фродо, и когда Фарамир называет Горлума «порченной тварью», Фродо возражает: «Ну, не совсем порченная». Действительно, иногда Горлум по отношению к себе использует местоимение «я»: «это случалось при редких проблесках забытой честности и правдивости».

Желания Сэма совсем иначе отражаются на нем. Из простоватого юного хоббита, жаждущего приключений, Сэм постепенно превращается в изобретательного слугу, преданного спутника, страстного защитника и любящего друга. Различны также и способы, которыми Горлум и Сэм добиваются своей цели. Горлум настолько поглощен мыслью вернуть Кольцо, которое, по его мнению, было изначально украдено Бильбо, что он совсем не выбирает средств. Он использует любые комбинации, которые, по его расчетам, должны привести к желаемому результату. Одно за другим учиняет он вероломства по отношению к Фродо и Сэму. Режиссер Питер Джексон подчеркивает эту его черту, заканчивая фильм «Две башни» сценой, в которой Горлум замышляет предательство, хотя вторая книга Толкина завершается логовом Шелоб.

У Сэма все по-другому. У него тоже есть конечная цель — жизнь в Шире в окружении любимых существ. Но к этому можно прийти, только достигнув другой цели: помочь Фродо уничтожить Кольцо. У него и в мыслях нет оставить Фродо и вернуться в родной край.

Не отличаясь особой сообразительностью, он умудряется перехитрить Фродо, решившего оставить Братство, и идет вместе с ним. Почему? Потому что он в первую очередь предан не вещи, а личности. Его цель не обладание, а товарищество. Он любит Фродо. В этой любви он находит верность, в отличие от Смеагорла, отказавшегося от «любви» к Деагорлу и от слабого чувства к Фродо и в итоге предавшего их.

Как и Горлум, Сэм ощущает, что «разрывается» на две части. Но две его половины принадлежат двум существам, которых он любит больше всего: Розе и Фродо. И когда Фродо говорит о Сэме, что «он счастлив, насколько это возможно», это значит, что Сэм вернулся в Шир и живет там в кругу семьи и друзей.

В счастье Сэма нет ни капли печали. Он, как и его друзья Пин и Мерри, скорбит об отплытии Фродо. Но «не так уж труден оказался дальний путь втроем». А по возвращении

Роза встретила его, подвинула кресло к камину и усадила ему на колени малышку Эланор. Он глубоко вздохнул.

— Ну, вот я и вернулся, — сказал он.

Эти строки завершают роман, поскольку Сэм, как и Арагорн, — бродяга, вернувшийся в свою страну, и его возвращение означает конец его поисков, поисков счастья, которым оказывается братство семьи и друзей.

Горлум тоже испытывает любовь. Он любит Кольцо, но Кольцо — единственная вещь, которую он любит. «Только его он и любил, называл „прелестью“...» Но это не личность, это всего лишь вещь, пусть даже волшебная и обладающая сверхъестественной силой. Как мы

видим, страсть к Кольцу заставляет его предать любовь, которую он должен был питать к другу Деагорлу, заставляет убить его и украсть Кольцо. Непонимание им сути любви совершенно очевидно в сцене, где он душит Деагорла, приговаривая ему при этом ласковые слова.

Теперь мы знаем, что представления Сэма и Горлума о счастье совершенно различны: для Горлума — это обладание Кольцом, для Сэма — жизнь в Шире в окружении семьи и друзей.

ЦЕННОСТЬ ДРУЖБЫ

Горлум испорчен не до конца, так же как Сэм, вообще-то, не идеален. Оба имеют и обратные чувства: у Горлума — это любовь к Фродо, а у Сэма — ревность к Горлуму. И обоих, как почти и всех других, привлекает власть Кольца.

Даже после того как Горлум задумал отвести Фродо и Сэма в логово гигантской паучихи Шелоб и таким образом отомстить ненавистному Сэму и забрать Кольцо из останков Фродо, был момент, когда его добрая половина могла победить злую. Возможность такого невероятного превращения породило чувство привязанности к «добренькому хозяину», отдаленно напоминающее любовь. Меняется выражение его лица, глаза становятся старыми и уставшими, он

покачал головой едва ли не укоризненно. Потом подошел, протянул дрожащую руку и бережно коснулся колена Фродо — так бережно, словно погладил. Если бы спящие могли его видеть, в этот миг он показался бы им старым-престарым хоббитом, который заждался смерти, потерял всех друзей и близких

и едва-едва помнил свежие луга и звонкие ручьи своей юности, — измученным, жалким, несчастным старцем.

Это ключевой момент, Толкин называет его «самым драматическим моментом Сказки», но, к сожалению, Сэм разрушает возможность возрождения, открывшуюся Горлуму. Конечно, мы не знаем, хватило ли бы Горлуму товарищеских чувств, чтобы преодолеть искустительную мысль о предательстве ради получения Кольца. Но безусловно, благодаря Сэму наши рассуждения на эту тему лишаются всякого смысла. Проснувшись и увидев Горлума рядом с Фродо, Сэм поддается первой реакции, продиктованной ревностью: «Эй ты! Чего тебе надо?» Сэм подозрителен, и он кричит Горлуму: «Ты чего мухлюешь, старый злыдень», — чем приводит Горлума в негодование, поскольку в этот момент его чувства к Фродо были самыми сердечными. Он отвечает с горькой иронией:

Мухлюешь, мухлюешь! Хоббиты всегда такие вежливенькие, да-sss. Сславненькие хоббитцы! Смеагорл привел их к тайному проходу, о нем никто-никто не знает. Он устал, ему пить хочется, да, очень хочется пить, а он ходит, рыщет, тропки ищет — вернется, и ему говорят: мухлюешь, мухлюешь. Хорошенькие у него друзья, да, моя прелесть, очень хорошенькие.

После этого он уходит в себя, и злое зеленое мерцание снова появляется в его глазах. Толкин бессильно отмечает: «Невозвратный миг прошел, словно его и не было». Появилась новая злоба, спровоцированная горечью непонимания и отвержения. Сэм это понял и почувствовал раскаяние, но он не мог довериться Горлуму.

В письмах Толкин размышлял, что, если бы Сэм повел себя по-другому, Горлум не оставил бы попыток получить Кольцо любыми средствами — кражей или насилием, но у него был шанс, он мог пожертвовать собой ради спасения Фродо, добровольно отправив себя в расселину Роковой горы. Конечно, это был бы драматический ход событий, но он сомнителен и необоснован: ведь до сих пор не происходило ничего такого, что дало бы основание предположить, что он хочет спасти и свою «Прелесть», и Фродо. За столь короткий срок чувство Горлума к Фродо не успело окрепнуть настолько, чтобы пересилить его стремление вечно владеть Кольцом. Тем не менее окончательный вердикт все же неясен, ведь Гэндальф с самого начала считал, что возрождение Горлума возможно. Он говорит Фродо: «Мало, очень мало надежды на исправление Горлума, но кто поручится, что ее вовсе нет?» И позже он это повторяет: «Я не сильно верю в излечение Горлума, но небольшой шанс остается».

Власть Кольца искушает обоих: и Сэма, и Горлума, но Горлум отдается ей полностью. После минутного колебания Горлуму не остается больше ничего, как продолжать действовать по задуманному предательскому плану. Но и Сэм уступает искушению, когда забирает у парализованного ядом Шелоб Фродо Кольцо, чтобы оно не попало к оркам, которых вокруг полным-полно. Неожиданно он испытал нечто похожее на переживания Горлума.

...Он точно воочию видел, как Сэммиум Смелый, герой из героев, грозно шагает по темной равнине к Барад-Дуру, воздев пламенеющий меч, и со всех сторон стекаются войска на его зов.

Он увидел изменения в мире, коим он стал причиной: увидел, как Горгорот превращается в цветущий сад.

Он мог бы сделать это, надо всего лишь надеть Кольцо и оставить его себе — и мечта станет реальностью. Разве можно устоять против такого? Горлум бы не смог. Они оба хоббиты, и оба прекрасно осознают, чего на самом деле стоят, но Сэм противостоит искушению, а Горлум сдается. В чем причина? В любви Сэма к хозяину, говорит Толкин. Именно любовь Сэма к Фродо позволяет ему противостоять искушению.

Есть еще один момент, помогающий понять разницу между Сэмом и Горлумом. Кольцо, попадая к Горлumu, уничтожает его волю, потому что оно досталось ему через предательство, убийство и — самое главное — через отказ от любви. Горлум, как мы уже видели, убивает своего друга Деагорла, чтобы завладеть Кольцом. И наоборот, Бильбо так и не попал в полную зависимость от Кольца, потому что, получив его, проникся жалостью к Горлumu.

Горлум не мог противостоять Кольцу, потому что ему не на что было опереться, у него не было друзей. Возможно, Горлум не имеет друзей отчасти потому, что не любит самого себя. Как нам напоминает Аристотель, «дружеские отношения с соседом и способы проявления этой дружбы рождаются из отношения человека к самому себе». Человек, любящий себя, легко заводит друзей, а человек, у которого много хороших друзей, вряд ли собьется с пути. Горлumu не хватает такого себялюбия. Даже теплые чувства Фродо вызывают у него подозрение и насмешку из-за неуверенности в себе. При встрече со столь сильным врагом Горлumu (как мне и вам) не обойтись без помощи друзей.

Помните, что Бильбо не отдал бы Кольцо, если бы Гэндальф не настоял на этом. Сам Фродо попал в зависимость от Кольца, и не сумел бы довести до конца

задуманное. В последнюю минуту вместо того, чтобы бросить Кольцо в огонь Роковой горы, он забирает его себе.

Я пришел. Но мне угодно поступить по-иному, чем было задумано. Чужой замысел я отвергаю. Кольцо — мое!

Если бы Горлум не откусил ему палец и не упал в огонь вместе с Кольцом, трудно представить, что Фродо пришел бы в чувство. А Сэм смог противостоять Кольцу благодаря любви к Фродо. Взяв у Фродо Кольцо в пещере Шелоб, Сэм почувствовал искушение оставить его себе, но не поддался ему, потому что думал прежде всего о хозяине. Любовь помогла ему выстоять.

ВАМ НУЖНА ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ
(ALL YOU NEED IS LOVE)

Один урок саги Толкина понятен: для обычных людей, как вы и я, счастье достижимо только в социальном контексте и ключ к нему — любовь. А любовь — это преданность и самоотдача, а не обладание. Отказываясь любить, мы впадаем в несчастье.

Для людей, как и для хоббитов, для счастья необходимо общество других, и именно любя других можно обрести счастье. Любить — значит забывать себя и не стремиться брать, но отдавать все полученное. Это старая истина, которую заново подтверждают судьбы Сэма и Горлума¹.

¹ Я очень признателен Летиции Грасиа за важное дополнение, в котором содержались ключи к счастью Горлума и Сэма.

6.
**«ПРОЩАЙ, ЛОРИЭН»:
ОГРАНИЧЕННАЯ РАДОСТЬ ЭЛЬФОВ
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОВ**

ЭРИК БРОНСОН

Возможно, певец кантри Кенни Роджерс понял все правильно. Когда все сводится лишь к наслаждению жизнью, «надо знать, когда держать, когда бросать». Похоже на дельный совет (по крайней мере, рифма присутствует), но давайте не слишком доверять старому Игроку. На этом поезде в никуда Игрок упустил кое-что крайне важное. Как правильно вести игру и где взять сил ее оставить?

Покер не единственная игра, где приходится решать, когда повышать ставки, а когда открываться. Больше века назад философы-экзистенциалисты вроде Фридриха Ницше писали, что продолжительное счастье зависит от очень тонкого равновесия между знанием о прошлом и пониманием, когда следует полагаться только

на себя. Прежде всего «знание, когда уйти, и знание, когда бежать» (слова лауреата премии «Грэмми» Дона Шлица) требует спонтанного, творческого подхода в стремительно меняющемся мире желаний и надежды. Согласно многим европейским философам, волевой человек должен развивать свой внутренний голос и доверять ему. И чтобы выжить в тяжелые времена, и чтобы перерезать веревку, требуется бесстрашие, и именно в таких решениях мы проявляем свою индивидуальность.

Спустя почти сорок лет после смерти Ницше Толкин приступил к написанию «Властелина Колец». В 1939 году, когда Европа готовилась к худшему, Толкин дошел до середины «Хранителей», придав особый колорит той жуткой действительности, в которую Черные Всадники могут превратить даже мирный островок, столь любимый Фродо Шир. Обладатели колец Средиземья привнесли новые оттенки в картину зла, начатую предыдущей работой Толкина — «Хоббитом». Черные Всадники из «Хранителей» — посланники большего зла, зреющего в Мордоре. Когда Толкина спрашивали о первых одиннадцати главах, которые заканчиваются ранением Фродо, он признавался в частном порядке, что «мрак настоящего в немалой степени повлиял на него».

Однако несмотря на развивающиеся параллельно опасные ситуации в Европе XX века и в Средиземье конца Третьей Эпохи, Толкин с особым изяществом пишет о блаженных краях, где даже в мрачнейшие времена под звездным небом поются песни любви. Живущие в благоуханных горах Раздоло и древних лесах Лоризна от начала времен эльфы знают, «когда держать, а когда бросать». И эта игра дарит нескончаемое веселье им самим и всем вокруг. Давайте поближе

познакомимся с эльфами Толкина. В их вымышленном мире мы можем найти и припрятать свой собственный козырь.

РАЗДОЛ И ЛОРИЭН

Вполне очевидно, что Фродо должен быть исцелен (что не означает лечения как такового) и снова встретиться с Гэндальфом и Бильбо в доме Элронда в Раздоле. Читатели «Хоббита» уже знакомы с очарованием Последней Светлой Обители, самого западного аванпоста эльфов:

в этой Обители, как говаривал Бильбо, было приятно и есть, и спать, и рассказывать о своих недавних приключениях, и петь песни, и читать стихи, или размышлять, сидя у камина, или ровно ничего не делать. Тот, кто туда попадал, рассказывал Бильбо друзьям в Хоббитании, мигом вылечивался от усталости, забот, страхов и всех болезней.

В Раздоле были остановлены девять Всадников Врага, был выкован заново и передан Арагорну меч Исилдура и было образовано Братство людей, гномов, хоббитов и эльфов. Вопреки или благодаря такой усердной работе, и днем и ночью там слышно веселое пение.

Эльфы Раздола знамениты своим пением. Даже старый Бильбо, живя там, соблазняется сочинением нескольких стихов (хоть и признается, что иногда он нет-нет да и выбивается из ритма). Пение затягивает — это вам подтвердит любой, кому довелось хоть однажды поучаствовать в каком-нибудь шоу. Молодой Бильбо, отправившийся в путешествие с компанией задиристых

гномов, чтобы повергнуть злого дракона и украсть золото, встречает эльфов, направляющихся в Раздол. Их пение покорило всех, включая читателя. Как пишет Толкин, «пение эльфов июньской ночью под звездным небом стоит послушать, если вам нравятся такие вещи»¹. А кому они не нравятся?

Согласно христианской истории Творения и Новому Завету, в начале было Слово. По Толкину, в начале была Песня. Но еще до «Хоббита» Толкин описал и сотворение Средиземья, и то, как счастливые эльфы обрели там свой дом. И хотя «Сильмариллион» впервые был опубликован в 1977 году, через четыре года после смерти Толкина, в нем рассказана история Средиземья до событий «Властелина Колец», и над ней Толкин работал большую часть своей творческой жизни. В самом начале творец мира Илуватар создал Айнуров, или Священных, и дал им силу песни. Голоса Айнуров, подобные бесчисленным хорам и музыкальным инструментам,

начали обращать тему Илуватара в Великую Музыку. Звук непрестанно чередующихся, дивно гармоничных мелодий взлетал и падал; чертоги Илуватара наполнились им, и Музыка выплеснулась наружу, в Ничто, обратив его в Нечто.

И эльфы и люди (Квэнди и Атани) были созданы, чтобы играть ведущие партии в мировой симфонии. И если людям предначертано творить великие вещи, то, заявил Илуватар, эльфы «станут прекраснейшими созданиями этого Мира, им на долю выпадет познать, создать и дать миру больше прекрасного, чем другим моим детям. Да не

¹ Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно. Перевод Н. Рахмановой. — Примеч. ред.

покинет их благодать». В далекие времена между эльфами и людьми была великая дружба, поддерживаемая случайными браками между этими народами. Элронд, Владыка Раздола, будучи полукровкой, отличался бесстрашием в боях и в то же время обладал даром сочинять песни. Он был наделен силой людей и некоторыми их слабостями. Именно Элронд просил Исилдура бросить Кольцо обратно в Роковую гору, а позже указал Фродо, как закончить то, что не смогли сделать ни эльфы, ни люди.

Однако Средиземье Толкина полно опасностей, и как только вновь образованное Братство покидает уютный Раздол, Хранители оказываются посреди снежных бурь в горах Карадраса, натыкаются на орков в морийских копиях, оплакивают великую потерю, когда их защитник, маг и наставник Гэндальф падает в бездну с моста в Казад-Думе. Но когда уставшим путешественникам кажется, что все пропало, они достигают Лориэна, волшебного леса, где на вершинах деревьев живут и поют эльфы. Как и в Раздоле, в Лориэне дух вновь оживает. Даже Фродо не горюется среди такой красоты и покоя.

...Хранители прилегли на траву, но Фродо ошеломленно озираясь по сторонам... Тут нельзя было летом сожалеть о весне или мечтать зимою о лете — в неизменной жизни Благословенного Края прошлое и будущее сливались воедино.

Как Элронд правит Раздолом, так Лориэн управляется Владыками Селербэрном и Галадриэлью. «Они были величественными и прекрасными». Но Толкин сообщает, что, хоть Селербэрн и Галадриэль почти одинакового роста, очевидно, что Владычица обладает большей силой в эльфийском лесном королевстве.

Именно Галадриэли принадлежит одно из эльфийских Колец Власти, и именно она увидела глаз Саурона в зеркале задолго до того, как в него впервые заглянул Фродо.

В картине студии *New Line Cinema* роль Галадриэли исполняет Кейт Бланшетт, она предстает в образе прекрасного духа, чьи движения легки, а голос — словно с того света. Толкин же рисует Галадриэль вполне реалистичной женщиной-эльфом, она старше и могущественнее, чем Элронд, она мудрее и печальней всех остальных. Знакомясь с Галадриэлью, мы понимаем, что эльфы суть нечто большее, чем песни о любви и счастливые ночи. В отличие от Элронда, Галадриэль родилась в ту эпоху, когда эльфы были невинны и счастливы, они жили в земле богов. В «Сильмариллионе» между богами назревает большая междоусобица, и названный дядя Галадриэли Феанор берет на себя смелость судить несправедливое и бороться с растущим злом. Тогда нолдорские эльфы восстают против богов, уходят из райского сада и поднимают оружие против сил тьмы. А юная Галадриэль стоит позади Феанора, командующего эльфийскими войсками:

— ...Да, дорога трудна, — говорил Феанор, — но конец ее будет радостным. Сбросьте оковы! Забудьте о слабости!

И хотя Галадриэль не присоединилась к ужасной клятве своих мятежных родственников, она вместе с другими была названа изменницей богов, защищавших их. Расставаясь с ними, боги проклинали своих некогда любимых эльфов: «Навек станут Нолдоры изгоями!»

А Фродо впервые встретил Галадриэль в Лориэне, в королевстве, названном по имени более прекрасного

места, где нолдорские эльфы жили когда-то среди богов. Ощущение утерянной красоты и лишений — основная тема «Властелина Колец». В конце Третьей Эпохи много хорошего в старом мире исчезнет, и Галадриэль больше, чем кто-либо, знает о неизбежности этого: ей самой приходится бродить в чужих пределах, она хранит прекрасное в мире опасностей и уродства. Элронд в Раздole тоже знает о приближающемся конце, но Толкин отмечает, что в Лоризне надвигающиеся перемены переживаются более остро. Фродо размышляет об этих изменениях, гуляя по лесу. Ему кажется, что он окунулся в древние времена:

В Раздole все *напоминало* о прошлом, а здесь оно было живым и реальным, злоба и лиходейство, печаль и страдания хоть были и не властны над северными эльфами, но уже подступили к Раздолу вплотную, а Лоризн жил так, будто зло еще не родилось.

Галадриэль правила Лоризном с песней радости, поэтому Братству было так уютно посреди этой красоты. Но это счастье родилось из печали и лишений, вот почему Толкина можно поставить в один ряд с традиционными европейскими философами, с одной стороны, ратующими за жизнь, с другой — свидетельствующими о тенях прошлого.

РЕДКИЕ РАДОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОВ

Далеко от Средиземья, в местечке, прискорбно лишенном эльфов, насвистывающих во время работы песенки, разумные современники Толкина готовили собственные

темные времена. Словно Элронд и Галадриэль, европейские философы конца XX века наблюдали конец золотой эпохи. Власть Европы, отнюдь не контролирующей весь земной шар, но имеющей влияние во всем его масштабе, вдруг оказалась висящей на волоске. Великолепные слова: «возрождение», «просвещение», — характеризовавшие европейский расцвет, незаметно отошли в область воспоминаний. К концу Первой мировой войны не надо было быть волшебником, чтобы заметить изменения. На пожарище двух войн зародилось и стало расцветать новое направление философии — экзистенциализм. Безо всякого зеркала Галадриэли экзистенциалисты предвидели грядущие опасные времена, но продолжали исповедовать пение в горах, во сне, в лесах и создание прекрасного в мире хаоса.

Случайно или нет, но большинство экзистенциалистов — довольно суровые философы, проповедовавшие боль и страдание. Достаточно привести названия трудов самых знаменитых из них. «Понятие страха», «Блезнь к смерти» Сёрена Кьеркегора, «Тошнота» и «Дороги свободы» Жан-Поля Сартра, «Чума» Альбера Камю — все они рисуют далеко не радостную картину человеческого существования. Но есть и другие течения экзистенциализма, не пораженные вирусом угрюмости. Философы вроде Фридриха Ницше, Карла Ясперса и Ханны Арендт соглашались, что жизнь несет отчаяние, но наряду со страданием они неожиданно начинают славить жизнь во всех ее проявлениях, несмотря на таящиеся повсюду опасности.

К концу XIX столетия многие европейские философы предсказывали конец европейской империи. В Германии Ницше в частном порядке беспокоился о надвигающемся ужасе. В своих записных книжках он писал:

Вся наша европейская культура уже с давних пор движется к какой-то попытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляется к катастрофе: беспокойно, насильственно, порывисто...¹

А перед этой катастрофой стоит обычный человек, и он к ней не готов. Как сказал тот же Ницше:

Наследственна не болезнь, а болезненность; бессилие в сопротивлении опасным и вредным нашествиям и т. д.; надломленная сила противодействия; выражаясь морально: покорность и смирение перед врагом².

Но даже в столь мрачные времена Ницше не оставляет надежду. Сильный художник, обладающий *властью*, может провозглашать радость, в то время как для нее нет никаких причин. Такие художники, утверждает он, «должны видеть пустоту как она есть, в их жизни должна быть молодость и весна, но только полнее, проще и сильнее — и с этой точки зрения их жизнь должна быть исполнена врожденного упоения». Художник наблюдает боль этого мира и делает больше, чем просто воспроизводит мир. Он добавляет, наполняет его, оживляет, или, говоря словами английского историка Кеннета Кларка, «улучшает его». По Ницше, существование художника возможно только во времена кризисов. Это темнота, которую он освещает. Сначала он должен стать нигилистом, увидеть притворство и тщетность самых священных образов. Все сделанное и сказанное должно превратиться в ничто. Настоящий человек силы понимает

¹ Ницше Фр. Воля к власти. Перевод Е. Герцык. — Примеч. ред.

² Там же.

эту ужасную истину и не падает духом, напротив, он воодушевляется. Как утверждает Заратустра у Ницше: «...во все бездны я несу свое благословляющее утверждение... <...> и блажен тот, кто так благословляет»¹.

Конечно, сложно нести утверждение в бездны. Даже у прекрасного Леголаса бывали мгновения, когда он сомневался в себе. Проживание тяжелых времен требует больше, чем просто утверждения. Как объясняет Ницше, сильный человек должен научиться забывать о всем том, что приносит боль. Слишком привязаны мы к своему прошлому.

Но как для маленького, так для самого большого счастья существует только одно условие, которое делает счастье счастливым: способность забвения...²

Тщательно забывая свое вчера, можно научиться жить непринужденно, даже счастливо. Человеческое сознание, к сожалению, не похоже на компьютер, чье прошлое можно легко включить и выключить, простым нажатием клавиши навсегда уничтожив поврежденные файлы. Мы рождаемся с историей и формируемся опытом. Полное забвение прошлого приведет к полной потере личности. Ницше стремился не ко всеобщей амнезии, но к более рациональному запоминанию, которым можно было бы управлять. Когда прошлое напоминает о нашем величии, оно ценно. Такая история «принадлежит тому, кто охраняет и почитает прошлое, кто с верностью и любовью

¹ Ницше представляется нам в образе коротконового гнома, который смеется над запутавшимися мужчинами и женщинами. Кажется, что эльфы Толкина и гномы Ницше во многом схожи.

² Ницше *Фр.* О пользе и вреде истории для жизни. Перевод Я. Бермана. — *Примеч. ред.*

обращает свой взор туда, откуда он появился, где он стал тем, что он есть»¹. Помните то, что делает вас вами, помните то, что делает вас уникальным, и забывайте все, что делает вас уставшим, запуганным и слабым. Как утверждает Ницше, не стоит привязываться к прошлому, хотя оно может дать неплохие примеры для поддержания нашей храбрости и гордости.

Сегодняшние новостные программы обращены к настоящему и будущему, часто в ущерб прошлому. Мы все больше пользуемся машинами, которые помогают нам сбежать от прошлого и потеряться в настоящем. Эта сторона индустриализации и привлекает, и отталкивает нас. Добродушные фильмы вроде «Инопланетянина» и «Вам письмо» показывают, как передовые технологии могут сблизить нас, тогда как научно-фантастические картины, наподобие «Терминатора» или «Матрицы», напоминают об опасности, таящейся в научном прогрессе.

Философ Карл Ясперс, ученик Ницше и современник Толкина, беспокоился, что слепая одержимость машинами отторгнет нас от прошлого, заставит нас забыть, кто мы есть на самом деле. Но стоять на пути прогресса противоестественно, признает Ясперс, «хотя, когда само жилище сделано машинами, когда окружающая среда обездуховлена... тогда и человек, как таковой, теряет свой мир». Ясперс утверждает, что мы забываем не то. Мы забываем все человеческое, забываем критически мыслить, забываем нашу индивидуальность. Мы забываем саму любовь к жизни. Ясперс спрашивает нас: не быстро ли забыл человек, что значит быть самим собой, жить и мыслить независимо и утверждать себя в своем мире? Мы должны помнить непосредственность и забывать

¹ Там же. — *Примеч. ред.*

рациональность недумаящих орков, слепо уничтожающих все естественное, потерявших всякую способность критически оценивать свои поступки.

Блестящая студентка Ясперса Ханна Арендт сбежала из нацистской Германии от неминуемой смерти за преступление быть еврейкой. Вспоминая холокост, отнявший у нее все самое дорогое, Арендт жестко обвиняет правящих нацистских чиновников, среди прочих — Адольфа Эйхмана, забывшего о страсти, жалости и прежде всего о человечности. Он потерял себя в технически продвинутой немецкой бюрократической машине и исполнял приказы, не задумываясь над их сутью. Где же был сильный человек Ницше, видевший хаос и славивший жизнь? Как Арендт сокрушается в письмах к Ясперсу: «Все зависит от очень немногих людей. В последние годы мы наблюдаем, что и это количество неминуемо сокращается еще». Но это именно те, кто творит радость для себя и других, вопреки серьезной опасности, окружающей их со всех сторон. Сама Арендт размышляет об этих немногих в книге с соответствующим названием «Люди в темные времена». Кажется, Ясперс и Арендт согласны с ницшеанским условием счастья. Оно во многом состоит в умении забывать прошлое, но история помогает нам оставаться бесстрашными и в самые жуткие времена. Знание того, что следует помнить, а что забыть, и является ключом к полноценной и счастливой жизни.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕСНИ

Толкин, как и многие философы-экзистенциалисты до него, считает, что полноценное счастье зависит не от пренебрежения опасностями, но от сохранения жизне-

утверждающего настроения при виде боли. Читая знаменитое эссе Толкина о «Беовульфе», мы ясно понимаем, что Толкин, скорее всего, имеет в виду себя, размышляя над побуждением художника:

...когда человек, обладающий познаниями о преданиях прошлого, заглядывая в бездну через плечо, пытается охватить их все, постичь объединяющую их трагедию неизбежного поражения, и все же он ощущает оную в большей степени *поэтически*, потому что сам дистанцирован от довлеющего отчаяния, которое с ней происходит¹.

Пройдя две мировые войны, сам Толкин получил свою часть отчаяния и разрушений. «Властелин Колец» был написан в 1936—1949 годах, в самые черные годы для английской истории. Однако будет правильным не смешивать Войну за Кольцо и личный опыт Толкина. В отличие от Ницше, Ясперса и Арендт, Толкин писал не о европейской трагедии и не об обстоятельствах жизни человека в XX столетии. «Властелин Колец» — вымышленная история и должна быть прочитана именно так. Да, Шир имеет много общего с сельской местностью Англии: чаепитие, дымящие хоббиты, сильно смахивающие на старых английских скупердьяев, но Толкин почти все вступление к трилогии посвятил предостережению, чтобы мы не смешивали историю и литературу. Хотя он и признает, что «автор не может совершенно отстраниться от личных переживаний», но настаивает на том, что не собирался создавать аллгорию политических событий. По нашему мнению, Толкина можно поставить в один ряд с теми немногочисленными мыслителями,

¹ Перевод Н. Горелова. — *Примеч. ред.*

которые страстно верят в роль художника, непоколебимо стоящего и творящего во тьме.

Эльфы Толкина, подобно Создателю, не устают славить жизнь, даже в мрачные времена.

Когда удрученные члены Братства входят в Кветло-риэн, эльф Хэлдар сообщает, что теперь небезопасно даже в Золотом Лесу:

Завеса Тьмы разрастается и крепнет. Она не может сомкнуться над Лориэном, но ее могучие черные крылья огибают нас и с востока, и с запада. Теперь, если мы и решимся уйти, нам не удастся прорваться к Морю.

Эльфы знают об опасности вокруг. Они сталкиваются с хаосом ежедневно, и вместе с тем из противостояния ему рождается радостная музыка. Красота не уничтожается мрачными временами. Толкин где-то поясняет, в чем смысл поисков эльфийских красоты: «печаль и мудрость обогащают ее».

Когда Ницше призывает нас забывать, он не имеет в виду «технологическое» отношение «здесь и сейчас». Понимание настоящего означает знание того, что было до него. Галадриэль у Толкина помнит, кто она и как сюда попала. Как мы видим, название «Лориэн» взято из благодатного края, где она родилась. Ее счастье и гордость, даже сила, зиждутся на памяти о величии ее семьи и народа. Сэм замечает, что эльфы Лориэна больше привязаны к земле, чем певцы Раздола.

Здесь привязаны к своей Благословении... Они ли уж переделали по себе свою землю, или она их к себе приспособила, этого я вам сказать не могу, а только их край как раз им под стать.

В Лориэне живет величие прошлого, и это отчасти объясняет жизнерадостность эльфов.

Но и в душе самой Галадриэли есть темный уголок. Ее личное счастье и жажда жизни ослаблены к тому времени, когда Фродо с компанией приходит в этот лес. Как отмечает Толкин в работе, напечатанной посмертно, Галадриэль пыталась сделать Лориэн «убежищем, островом мира и красоты, воспоминанием древних дней», но сейчас она была «полна сожаления и опасений, зная, что золотой сон очень скоро станет серым пробуждением». Что смогло наполнить сожалением столь сильную и, кажется, бессмертную Владычицу Леса?

Возможно, причина умножающейся печали Галадриэли — ее слишком сильная память. Она не могла забыть о проклятии, сказанном давным-давно. Там, где Фродо и Сэм видят только покой и блаженство, Галадриэль обречена ощущать себя чужой в чужой земле. Она никогда не станет совершенно счастливой в Лориэне, потому что никогда не сможет до конца отпустить свое прошлое. Толкин называет такую привязанность к прошлому «ошибкой», тщетной попыткой «забальзамировать время». Стремление сохранить совершенство в несовершенном мире — основная трагическая попытка эльфов, попытка «приготовить пирог, который они не смогут съесть». Пока Галадриэль будет таить в себе неразумное желание повернуть время вспять, ее песни останутся печальны и тихи. Прощаясь с Братством, она поет трогательную печальную песню о смене времен года и о безвозвратной для Лориэна эпохе.

Из-за того, что Галадриэль не в состоянии забыть прошлое, она не может привыкнуть к изменениям вокруг. В Галадриэли мы видим и благословение, и проклятие

эльфов Толкина. Боги дали им неестественно длинную жизнь, а за тысячелетия, проживаемые ими, им чрезвычайно сложно что-нибудь забыть. Погибнуть эльфы могут, только будучи смертельно ранеными в бою, или получив физические повреждения каким-либо другим образом, или если их постигнет невыносимое «вселенское утомление», как Мириэль в «Сильмариллионе».

Ницше предостерегает, что вселенское утомление возникает, когда теряется способность забывать. И не удивительно, что Арвен, дочь Элронда, отрекается от бессмертия ради короткой счастливой жизни со смертным Арагорном¹. В произведении Толкина расе людей дарована способность забывать: слишком короток их век. И все же мы видим на протяжении всей сказки, что люди помнят то, что следует забыть. Арагорн чувствует слабость своего предка Исилдура, Денэтор отказывается расстаться с прошлым, а короля Теодена Гэндальфу приходится полностью преобразить, чтобы тот снова начал жить в настоящем.

Как настаивают и Ницше, и Толкин, у человека есть способность забывать. Но почему же так сложно отпустить прошлое? Богоподобные Валары тоже этим сильно озадачены, наблюдая, что судьба благосклонна к людям, но они до странного слепы, тогда как должны быть безраздельно счастливы. Если бы мы только могли лучше помнить то, что забываем, и забывать то, что помним, мы были бы счастливы, как эльфы, и при этом нам была бы совершенно чужда их вселенская утомленность.

¹ В картине Питера Джексона «Две башни» создан пленительный образ Арвен (Лив Тайлер), стоящей над усыпальницей Арагорна и знающей, что она проклята на дальнейшую жизнь. Размышления на тему смертности во «Властелине Колец» см. в гл. 10 этой книги.

Прекрасный певец кантри и философ Кенни Роджерс признает, что «секрет выживания кроется в умении нужное выкидывать и нужное хранить». Но мы снова возвращаемся к вопросу: как нам, игрокам, узнать, когда пасовать? Экзистенциалисты XX века советуют доверять внутреннему свету. Как говорит поговорка, если жизнь сыплет сахар, делай варенье, но если сахар горек, надо придумать что-нибудь другое. Если это помогает — пользуйся прошлым, но, когда все вокруг рушится, доверяй только себе. Плохо ли к нам относятся, или работа надоела, — наш внутренний свет свободы напоминает нам, что мы не рабы прошлого. Этот свет каждый из нас несет в своей душе, и когда-нибудь он разбудит всех, как надеялась после холокоста Арендт, и этот же свет поможет нам сбежать из-под докучливого контроля и отправиться в неизведанные земли.

С помощью мудрой женщины-эльфа Галадриэли Толкин учит нас доверять внутреннему свету и научиться пользоваться собственными силами для решения проблем. Фродо предлагает ей Кольцо Всевластья, чтобы она могла управлять всем, то самое Кольцо, о котором Галадриэль мечтала все эти годы, а она отказывается, прекрасно осознавая, что ее отказ повлечет за собой ее собственную смерть. И хотя Владычица Леса живет слишком долго, она все еще может быть счастливой, помня о своем происхождении и отказываясь от части прошлого. «Я прошла испытание, — объявляет она. — Я уйду за Море и останусь Галадриэлью».

Владычице Галадриэли в большей мере, чем любому другому персонажу сказки, за исключением, наверное, Тома Бомбадила, свойственно экзистенциалистское прославление жизни. Когда Фродо покидает дружественные пределы, она дарит ему символический свет, фиал.

Надеюсь, что если на твоём пути померкнут иные источники света, то тебе поможет Эльфийский Светильник...

И, возможно, это главное, для чего Толкин придумал эльфов. Эльфы находят счастье в вере в себя. Это самодоверие помогает им петь в самые темные ночи и отплывать, когда музыка замолкает. Пусть их мир освещает наши самые мрачные места¹.

¹ Я приношу свои благодарности лесным эльфам из Беверли-роуд и горным эльфам из Вилкс-Барр за полезные советы к черновику этой главы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
**ДОБРО И ЗЛО
В СРЕДИЗЕМЬЕ**

7.
**СВЕРХХОББИТЫ: ТОЛКИН, НИЦШЕ
И ВОЛЯ К ВЛАСТИ**

Дуглас К. Блаунт

Что хорошо? — Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, саму власть.

Что дурно? — Все, что происходит из слабости.

Что есть счастье? — Чувство растущей власти, чувство преодолеваемого противодействия¹.

Фридрих Ницше

Единое Кольцо поистине Кольцо Всевластья. Действительно, это подавляющее Кольцо. Поскольку, как говорят эльфийские предания, Кольцо дает своему обладателю власть над остальными могущественными кольцами. Когда Саурон, Черный Властелин Мордора, отливал это Кольцо, он вложил в него свою злую энергию.

¹ *Ницше Фр.* Антихрист. Проклятие христианству. Перевод В. Флеровой. — *Примеч. ред.*

...И немало ее ушло, чтобы спаять Кольца в черную цепь. Если это Кольцо найдется, власть Саурана возрастет стократ, и даже Три эльфийских будут ему подвластны: все сделанное с их помощью падет, и сила его станет необоримой.

Вкладывая в кольцо огромную часть своей силы, Саурон, однако, рисковал. Потому что это позволяло кому-нибудь, обладающему определенными знаниями и достаточной силой, победить Черного Властелина. Но кто в Средиземье мог бросить ему вызов? И кто вообще мог бы бросить ему вызов? Конечно, уничтожив Кольцо, вы лишите Саурана части его энергии. Он сам «сойдет на нет... превратится в тень, в простое воспоминание о злой воле». Но Кольцо может быть уничтожено только в огне Роковой горы. Огромное значение имеет тот факт, что воспользовавшиеся силой кольца подпадают под его влияние, становятся его рабами¹. А став его рабами, они не могут его уничтожить. Поэтому уничтожение Кольца кажется несбыточной мечтой. Поэтому, возможно, игра Саурана была не такой уж рискованной. В любом случае его желание доминировать, поработить и навязать свою волю в Средиземье оправдывало любой риск.

Илуватар, известный также под именем Эру, — один из настоящих богов, Творец Средиземья². Во время длительной войны между светом и тьмой Черный Властелин Саурон взял себе имя «Король королей и повелитель

¹ Удивительным исключением из этого правила стал Том Бомбадил. Как установили Фродо и его друзья, Бомбадил не исчез, надев Кольцо, и продолжал видеть Фродо, когда тот в свою очередь воспользовался Кольцом.

² Толкин приводит древнейшую историю Средиземья, в том числе и историю его сотворения, в «Сильмариллионе».

Мира», титул, который по праву принадлежал самому Илуватару. Более того, стараясь поработить мир, Саурон пытается занять место Илуватара, становясь таким образом Богом. Толкин объяснял, что основа конфликта «Властелина Колец» не «свобода», хотя она безусловно обыгрывается, но «Бог и его уникальное право на божественную честь».

Саурон хочет быть Королем-Богом, и его в этом поддерживают слуги; победив, он бы потребовал божественной чести от всех разумных существ и абсолютную временную власть над всем миром.

Поэтому конфликт Средиземья носит по существу религиозный характер. Саурон пытается навязать свою волю не только своим сподвижникам в Средиземьи, но, в конце концов, самому Илуватару.

НИЦШЕ — ФИЛОСОФ ВЛАСТИ

Желание Саурона захватить, подчинить и навязать свою волю всем, включая Илуватара, превращает его в архиврага всего хорошего в Средиземье. Власть Черного Властелина, являясь для всех смертельной угрозой, ему самому представляется гарантией жизни, и не просто жизни, но жизни обильной.

Немецкий философ Фридрих Ницше (1844—1900) безоговорочно поддерживал стремление к власти, поскольку жизнь, согласно Ницше, — это подавление слабых сильными. «Эксплуатация, — заявлял он, — не является принадлежностью испорченного или несовершенного и примитивного общества: она находится в связи

с сущностью всего живого, как основная органическая функция, она есть следствие действительной воли к власти, которая именно и есть воля к жизни»¹. А если эксплуатация — сущность жизни, то живучей Саурана в Средиземье нет никого!

Несомненно, такой исключительно эксплуатативный взгляд на вещи заденет многих из нас, поскольку нам будут неприятны его моральные последствия. Здесь Ницше предлагает нам быть мудрее, чтобы понять позицию больших птиц, которые эксплуатируют (едят) ягнят. То, что ягнята не любят птиц и считают их злом, нас не удивляет. Но разве это каким-то образом превращает птиц в нравственно ущербных существ? Превращает их в зло? Не ведут ли себя птицы в соответствии со своей природой? И не в самой ли природе силы заложено доминировать, властвовать, эксплуатировать? Ницше пишет:

Требовать от силы, чтобы она не проявляла себя как сила, чтобы она не была желанием возобладания, желанием усмирения, желанием господства, жаждою врагов, сопротивлений и триумфов, столь же бессмысленно как требовать от слабости, чтобы она проявляла себя как сила².

Ягнята видят эту ситуацию с одной стороны; птицы считают ягнят особенно вкусными и имеют поэтому совсем другой взгляд. Так же как Берт, Том и Уильям — тролли, едва не поджарившие Бильбо с его товарищами-гномами, имеют об этом свое представление, отличное от мнения хоббита и гномов. Правда, в конце концов,

¹ Ницше Фр. По ту сторону добра и зла. Перевод Н. Полилова. — Примеч. ред.

² Ницше Фр. К генеалогии морали. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

это всего лишь мнения¹. Ни у той, ни у другой стороны нет достаточно весомых нравственных аргументов, хотя, конечно, птицы и тролли (если бы не Гэндальф) обладают достаточной силой, чтобы продемонстрировать свою точку зрения перед бессильными ягнятами и перед Бильбо сотоварищи. Рассматривая вещи под таким углом зрения, мы выходим за пределы добра и зла.

Кроме того, Ницше дерзко утверждает, что Бог умер, а жизнь бессмысленна, хотя, как он нас уверяет, это не так уж плохо. Объявляя о смерти Бога, он выражается не фигурально. Хотя, конечно, Бог не умер. Просто Ницше хотел сказать, что человек больше не соотносит вновь познаваемое с существованием Бога, поскольку «вера в христианского Бога стала чем-то незаслуживающим доверия». По Ницше получается, что признание смерти Бога вовсе не означает отречения от Него, — оно означает осмысление человеком изначального отсутствия Бога².

Очевидно, что заявление об отсутствии Бога имеет серьезные последствия. И самое значительное из них, о чем стоит упомянуть, — бессмысленность жизни.

¹ Ср. *Ницше Фр.* По ту сторону добра и зла: «Нет вовсе моральных феноменов, есть только моральное истолкование феноменов...» (перевод Н. Полилова. — *Примеч. ред.*).

² См. *Шахт Р.* Ницше: «То, что Ницше шагнул далеко за пределы осторожного агностицизма и примкнул к „безоговорочному и честному атеизму“ Шопенгауэра, есть нечто простое и ясное». И все же несмотря на страсть, с которой он отстаивал данный взгляд, Ницше сделал не много для действительного доказательства отсутствия Бога. Поскольку это атеистическое заявление выглядит больше как глобальная аксиома, чем как аргументированное заключение. Зато гораздо лучше других атеистов он видел выводы из этой аксиомы, чему и посвятил оставшуюся жизнь и свои размышления.

Поскольку в отсутствии Бога отсутствует и божественное провидение в человеческой природе, то, следовательно, созданы люди безо всякой цели. Итак, люди существуют просто так. Их жизнь не имеет никакого смысла. «Мы изобрели понятие „цель“, — говорит нам Ницше, — в реальности отсутствует цель». Отправляясь на поиски божественной осмысленности судеб и конечной божественной цели, мы обнаруживаем себя в чужом мире, полном ненужных страданий. И этот мир, конечно, совершенно не похож на Средиземье, где каждая сотворенная раса (в противовес оркам, троллям и другим искусственно выведенным расам) имеет собственный дом.

Истина, по мнению Ницше, безобразна. Если мы встретимся лицом к лицу с миром, каков он есть, и попробуем оставаться честными, мы не сможем его вынести. «Честность, — говорят нам, — приведет нас к отвращению и самоубийству». Те, кто пытается найти разумную и прекрасную истину, чтобы выжить, стараются напрасно. Чтобы смириться с этим фактом, необходим самообман. Иначе мы будем бессильны перед лицом жизни.

К счастью, люди находят утешение в искусстве. Искусство скрывает от нас реальность; чтобы не дать нам впасть в отчаяние, искусство делает нашу абсурдную, мучительную, бессмысленную жизнь сносной, отвлекая нас и скрывая истину, которая, будучи обнаруженной, убила бы нас. Поэтому искусство служит нам «этаким культом лжеистины». Отметим: акцент делается на красоте, а не на истине, на вкусе, а не на разуме. В красоте — не в истине — наше спасение. (На самом деле, красота спасает нас от истины.) «Не существует никакой предустановленной гармонии, — пишет Ницше, —

между споспешествованием истине и благом человечества»¹. В нашем случае вкус, кажется, полезнее разума².

Доказывая бессмысленность нашей жизни, Ницше предлагает необычный взгляд на историю, согласно которому все происходящее уже *случалось* бесконечное множество раз в прошлом. Обычно мы рассматриваем историю как прогрессивное движение по прямой. Такое представление логически означает, что история движется к некоей кульминационной точке. Естественно, история Средиземья — с самых древних событий, описанных в «Сильмариллионе», до тех, что зафиксированы в «Возвращении Государя», — выглядит движением к высшей точке. И беглый взгляд на деяния Илуватара, которые Толкин описывает нам до начала основных событий, усиливает ощущение движения по прямой к наивысшей точке. Но, согласно Ницше, история движется скорее не по прямой, а по кругу. Таким образом, история повторяется снова и снова. Исследователи спорят, верил ли на самом деле Ницше в это вечное повторение³, поскольку, объявив о смерти Бога, он ни разу не дал повода понять его буквально.

Но если даже это так, само учение о круговом движении истории, в которой бесконечно повторяются одни и те же события, приводит к двум важным последствиям. Во-первых, оно подрывает утверждение о том, что

¹ Ницше Фр. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

² См. Ницше Фр. Веселая наука: «Теперь против христианства решает наш вкус, уже не наши доводы» (перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.).

³ См. у Шахта: «Здесь рассматривается не истинная идея [бесконечного повторения], скорее появление человека, способного вынести такое положение вещей (если оно истинно), более того, сумевшего бы абсолютно спокойно его осознать».

жизнь имеет смысл. Ведь если история не движется по некоей прямой к наивысшей точке мировой истории, это утверждение теряет свою логичность. Во-вторых, если вечность предстает уже не божественным благословением на небесах (или же, наоборот, муками ада со стенами и скрежетом зубным), а, скорее, бесконечным повторением событий земной жизни, то теперь приходится по-новому воспринимать существование «здесь и сейчас». Как пишет Ницше:

Овладей тобою эта мысль, она бы преобразила тебя и, возможно, стерла бы в порошок; вопрос, сопровождающий все и вся: «хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?» — величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или насколько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не *жаждать больше* ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения, скрепленного печатью?¹

Итак, в свете сих мыслей, принятие всерьез и не буквально идеи бесконечного повторения изменяет жизнь, предлагая ей новый стандарт движения вперед.

СВЕРХЛЮДИ: ЧЕЛОВЕК СИЛЫ

Все мысли Ницше можно свести к одной: Бог умер. Или, иными словами: верить в Бога невозможно. Более того, поскольку Бог умер, значит, то же случилось с нашей

¹ *Ницше Фр.* Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — *Примеч. ред.* См. *Ницше Фр.* Ессе Homo: «Моя формула для величия человека amor fati: не хотеть ничего дурного ни впереди, ни позади, ни во веки вечные» (Перевод Ю. Антоновского. — *Примеч. ред.*).

невинностью и простодушием. Божественное откровение не разделяет добро и зло, на самом деле «добро» и «зло» — всего лишь определения, даваемые нами вещам, а не собственно качества вещей. Сам мир, как выясняется, — уродливое место, полное страданий. И если бы эти страдания служили некой великой цели, их можно было бы вынести. Но увы, это не так! Поскольку жизнь бессмысленна, мы можем творить красоту, чтобы примириться с фактами, но изменить ничего нельзя. История монотонно повторяется снова и снова в одних и тех же событиях. По крайней мере, так говорит Ницше.

Итак, Бог умер, и все катится в пропасть. Удивительно, но сам Ницше воспринимает весть о смерти Бога скорее как причину для веселья, чем для плача. Он пишет:

Мы, философы и «свободные умы», чувствуем себя при вести о том, что «старый Бог умер», как бы осиянными новой утренней зарею; наше сердце преисполняется при этом благодарности...¹

Но если смерть Бога обесмысливает жизнь, а наши страдания (так же как и радость) делает тщетными, откуда же Ницше берет повод для восторга? Какие невидимые для других возможности созерцает он? Возможно, некий ответ мы найдем в следующих строках:

Бог умер! Бог не воскреснет! И мы его убили! Как утешимся мы, убийцы из убийц! Самое святое и могущественное Существо, какое только было в мире, истекло кровью под нашими ногами — кто смоет с нас эту кровь? Какой водой можем мы очиститься? Какие искупительные празднества, какие священные

¹ Ницше Фр. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

игры нужно будет придумать? Разве величие этого дела не слишком велико для нас? *Не должны ли мы сами обратиться в богов, чтобы оказаться достойными его?*¹

Кончина Бога, говорит Ницше, — это не опустошение, но освобождение. У нас есть возможность занять пустое место, оставленное Богом. Смерть Бога и неустановленный нравственный порядок уподобляют нас художнику, находящемуся перед чистым холстом. Все возможно, *если у нас будет на то воля!*

Итак, как в истории по Ницше, мы снова оказываемся там, где начали: *воля и власть, воля к власти*. Он призывает нас принять бессмысленность жизни с высоко поднятой головой. Он призывает нас не просто принять ее, но овладеть ею. Он дает нам чистый белый холст. Но что мы напишем? Все, что пожелаем, все, что захотим, говорит он. А что будет нами руководить? Не нравственность, она свергнута. Тогда что? *Вкус*, мы последуем за нашим вкусом. «Как эстетический [или, может, художественный] феномен, — пишет Ницше, — наше существование все еще *сносно* для нас, и искусством даны нам глаза и руки и прежде всего чистая совесть для того, чтобы мы *смогли* из самих себя сотворить такой феномен»². Ницше предлагает нам овладеть бессмысленностью жизни и сделать жизнь значительной в соответствии с нашим личным вкусом. И тот, кому это удастся, станет новым человеком, сверхчеловеком (в некоторых переводах — суперчеловеком). И Ницше предвещает появление этого Сверхчеловека.

¹ Ницше Фр. Веселая наука. Перевод К. Свасьяна. — Примеч. ред.

² Там же.

ФРОДО И СЭМ, СВЕРХХОББИТЫ

Саурон, чья воля к власти спровоцировала великое противостояние, описанное во «Властелине Колец», стремился сделать жизнь значительной в соответствии со своим вкусом. И хотя Ницше был противником и грубого вкуса, и технологической скуки, его философия не отвергала грубую силу. Поэтому Саурон, представляется кандидатом в сверхлюди. Но во «Властелине Колец» желание властвовать, определять и навязывать свою волю другим, т. е. безудержная воля к власти, подается не как дерзость нового человека, а скорее, просто как старомодное зло. И развернутая Толкином борьба против Саурона заставляет нас относиться с неприязнью к этому злу.

Насилие Мордора и Черного Властелина сравниваются — и явно не в их пользу — с красотой детей Илуватара, противостоящих им. И хотя Толкин, вряд ли имел это в виду, работая над «Властелином Колец», но он дал нам безусловную альтернативу ницшеанскому видению реальности¹, созданную средствами искусства, а не разумными доводами, такое видение бросает вызов тому, другому. Ницше дает нам, так сказать, огромную панорамную картину реальности; Толкин представляет частный портрет. Чье полотно лучше? Чья реальность покоряет? Опирируя доводами Ницше, мы выберем прекрасное. А окончательное решение предоставим нашему вкусу.

¹ И возможно, сделал это намеренно. Кольцо, согласно Толкину, символизирует «волю к простой власти, попытку превратить себя в реальность с помощью силы и механизма, а следовательно, с помощью лжи». Таким образом, помещая Кольцо в центр всего повествования, Толкин в каком-то смысле полемизирует с ницшеанской «волей к власти».

Для Толкина главное в реальности — общество. Хоббиты всегда в компании. В «Хоббите» приключения Бильбо происходят в компании гномов; в «Хранителях» Фродо отправляется в путешествие до Раздоло с Пинном, Мерри и Сэмом, которые отказываются оставлять его одного. Уже из названия ясно, что центральная тема первой части — Братство, все члены которого, даже предатель Боромир, всячески содействуют Хранителю Кольца. Сэм сопровождает Фродо до самого конца, до Роковой горы. И хорошо, что сопровождает: путешествие Фродо могло закончиться катастрофой, если бы не преданность Сэма.

Хотя все члены Братства содействуют Хранителю Кольца, сама миссия была бы невыполнимой без помощи еще очень многих персонажей. Так, например, Толстик Фредегар Боббер остается в Забрении, чтобы создалось впечатление, что Фродо все еще дома. Том Бомбадил спасает Мерри и Пина от Старого Вяза, позже он спасает Фродо, Пина, Мерри и Сэма от умертвий из Могильников. Ноб, работник Лавра Наркисса в «Гарцующем Пони», спасает Мерри от назгула. Билл, пони, которого Наркисс приобрел у Бита Осинника для хоббитов, вез от Заверти в Раздол и в Морию всю поклажу путешественников да еще и Фродо, когда того ранили в Заверти. Конь Горислава доставил Фродо к переправе, когда его по пятам преследовали назгулы. Гваигир Ветробой, великий орел, вынес Гэндальфа из Ортханка; Светозар же помогает волшебнику быстро очутиться в нужном месте.

Бильбо отдает Фродо меч Терн и мифрильную кольчугу: и то и другое сыграет важную роль в путешествии Хранителя Кольца. Элронд, владыка Раздоло, излечивает Фродо от ран, полученных в Заверти, и основывает

Братство. Хэлдар защищает Братство от орков, давая ему убежище в Кветлоризне. Когда Братство покидает Лориэн, Галадриэль преподносит каждому подарки, которые впоследствии оказываются крайне полезными. Все эти примеры взяты из первой книги, в двух следующих книгах можно было бы найти множество фактов, подтверждающих, что успех миссии Фродо зависит от многих других, — но достаточно и этого.

Поскольку все члены Братства внесли свой вклад в события, влияющие на ход истории Средиземья, рассмотреть подробно, как разные существа способствовали миссии Фродо, невозможно на отведенных мне страницах. И все же я хотел бы остановиться на трех эпизодах: самопожертвование Гэндальфа на мосту Казад-Дума, милосердное отношение Фродо к Горлуму и отказ Сэма воспользоваться Кольцом.

Когда все Братство бежит из Мории, Гэндальф остается один на один с Барлогом на мосту Казад-Дума. Конечно, Гэндальф не человек. «Естественно в современном языке нет средств, чтобы выразить точно, кто он, — писал Толкин, — рискну предположить, что он *воплощенный ангел*». В таком случае Гэндальф — самое могущественное существо во всем Братстве. И все же он остается на верную смерть ради спасения остальных. Он жертвует собственным благом на благо общества. Такая скромность и самоотречение демонстрируют не желание контролировать других или властвовать над ними, но готовность служить другим, даже ценой личного небытия.

Фродо, как в свое время Бильбо, испытывает жалость к Горлуму и несколько раз проявляет к нему милосердие. Дважды, например, просит Фарамира сохранить Горлуму жизнь. Он говорит Фарамиру при первой встрече:

«...Если он вам еще попадется, пощадите его: приведите его или отошлите к нам. Это жалкая, заблудшая тварь, меня свела с ним судьба». Позже, у запретного пруда, Фродо просит за жизнь Горлума:

— Это жалкая изголодавшаяся тварь, — сказал Фродо. — Он не знает, что ему грозит. И Гэндальф, ваш Митрандир, наверняка просил бы уже поэтому не убивать его, а есть и другие причины. Эльфам он запретил его убивать: я точно не знаю, почему, а о догадках своих лучше промолчу. Однако же тварь эта имеет касательство к тому, что мне поручено.

Когда же Фарамир настаивает, что Горлума следует «изловить или убить», Фродо предлагает поймать его, тихо подкравшись, и сам вызывается сделать это, а людям Фарамира советует: «Держите луки наготове: если я его упущу, подстрелите меня». Здесь мы видим не только жалость, но и готовность пожертвовать собой. Но если Гэндальф жертвует собой ради Братства, то Фродо — ради «жалкой, заблудшей твари».

Однако жалость Фродо к Горлуму имеет очень большое значение. Когда Кольцо все-таки берет верх над Фродо и тот не может бросить его в огонь Роковой горы, неожиданно Горлум помогает Хранителю Кольца исполнить его поручение. Предательски пытаясь отнять Кольцо у хоббита, Горлум откусывает его вместе с пальцем Фродо. Бешено радуясь возвращению Кольца, Горлум оступается и летит навстречу своей смерти в огонь Роковой горы. И вот — Кольцо уничтожено. В итоге миссия завершена, несмотря на то что Фродо не выдержал и не смог самостоятельно уничтожить Кольцо. А значит, жалость Фродо спасла его самого и все Средиземье.

Сэм, по Толкину, — главный герой «Властелина Колец». Испытание Сэма, простого хоббита — самый интересный эпизод книги: Сэм ощущает себя «Сэммиумом Смелым, героем из героев», представляет, как он «грозно шагает по темной равнине». Устоять перед испытанием ему помогает любовь к Фродо и «простой хоббитский здравый смысл». Самим своим сердцем Сэм понимает, что он недостаточно велик для такой грандиозной роли.

Хватит с него и собственного сада, незачем превращать в свой сад целое царство; есть у него свои руки — и ладно, а чужими руками нечего жар загребать.

Он отказывается использовать Кольцо ради собственной славы из скромности, которая присуща всем хоббитам, и из любви к Фродо. Как Гэндальф и Фродо, принесшие себя в жертву другим, так же и Сэм подчиняет себя миссии Хранителя Кольца. Он отказывается от собственной славы, отдавая все хозяину.

Итак, основные ценности мира Толкина — сообщество, скромность, любовь и жертвенность. У героев Средиземья, безусловно, есть и свои недостатки. Люди стремятся к бессмертию эльфов; в свою очередь эльфы хотят быть, как люди, смертными. У гномов и эльфов по отношению друг к другу существует масса серьезных предрассудков, которые трудно преодолеть. Сам Фродо в итоге уступает искушению Кольца. И все же герои Средиземья преодолевают свои слабости, но не властью, которая стремится все подчинить себе, а скромностью и самопожертвованием. Сила, по Толкину, заявляет о себе очевиднее всего не в проявлениях своей власти, но в готовности от нее отказаться.

«Величайшие примеры движения духа и разума, — пишет он, — в *самопожертвовании*». Самопожертвование, подчинение собственной воли благу других — вот что, согласно представленной Толкином реальности, характеризует правильную жизнь и придает ей столь очевидную красоту, что никаких других доказательств этой истины не требуется.

8. ТОЛКИН И ПРИРОДА ЗЛА

СКОТТ Э. ДЭВИСОН

«Властелин Колец» — история о борьбе добра и зла. Мы это сразу понимаем, поскольку это также и наша история. В мире Толкина мы распознаем те же проявления добра и зла, что в себе и других. Действительно, самой значимой сценой «Властелина Колец» является финальное поражение Фродо, когда он захотел обладать Единым Кольцом. Таким образом, зло на мгновение побеждает, и только удача спасает Фродо от него самого.

Аристотель говорил, что в комедиях выступают люди хуже нас, в эпосе — лучше нас, трагедии же повествуют о тех, кто похож на нас¹. И с этой точки зрения «Властелин Колец» — трагедия с хорошим концом. Мы понимаем чувства Фродо, когда он поддается искушению и хочет завладеть Кольцом, поскольку сами неоднократно

¹ См.: Аристотель. Поэтика. Гл. 2.

поддавались искушениям в собственной жизни. Но всегда надеялись, что все закончится так же благополучно.

Во «Властелине Колец» Толкин ярко живописует природу зла. Тщательно разобрав его картину, мы более полно поймем зло в нас и нашем мире, а может, и начнем с ним бороться.

**ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ЗЛО
НЕЗАВИСИМОЙ СИЛОЙ?**

Философы называют манихейством мировоззрение, согласно которому в мире существуют две равные противоположные силы: Добро и Зло. Термин возник от имени древнего персидского ученого Мани (216—276 гг. н. э.), предложившего такой взгляд на вещи. В соответствии с его позицией, Добро и Зло переплетены в этом мире и борются за превосходство, а поскольку это две равные силы, то неизвестно, какая из них в итоге победит — возможно, что никакая. В нашей культуре лучше всего такое мировоззрение отражено в сериале «Звездные войны», где и плохие и хорошие обладают силой и ни одна из сторон очевидно не превосходит другую.

Последователи Мани считают, что могут объяснить многие аспекты человеческого бытия через борьбу между Добром и Злом. Они полагают, что вещи могут быть как изначально добрыми, так и изначально злыми или чем-то средним. Поскольку в нашем мире мы встречаемся и с тем и с другим и поскольку мир на одном отрезке времени кажется лучше, чем на другом, то, следовательно, все нами наблюдаемое — видимый результат столкновения Добра и Зла, раскачивающих мировые весы.

Поддерживает ли «Властелин Колец» эту точку зрения? Некоторые авторы, включая ведущего исследователя Толкина Тома Шипи, полагают, что да, и на первый взгляд «Властелин Колец» действительно имеет ту же систему отсчета. Иногда обладатели Кольца борются лишь с собой, пытаясь надеть Кольцо, а иногда кажется, что на них влияет какая-то внешняя сила, некое абстрактное Зло. Например, когда Гэндальф просит Фродо показать ему Кольцо, чтобы опознать его, «оно — или сам Фродо, или оба вместе — почему-то не хотело, чтобы его коснулся Гэндальф». Кольцо не хотело или Фродо? Порыв исходил от Фродо или от некоего абстрактного Зла? Можно ли применить к Кольцу манихейское толкование и объявить Кольцо изначально злой вещью?

Следует помнить, что Единое Кольцо обладает своей силой только благодаря тому, что оно создавалось Саураном, чтобы покорить мир. Это значит, что само по себе Кольцо не является по-манихейски независимой субстанцией Зла в мире, поскольку оно было оживлено волей и властью Саурана. Если перефразировать знаменитую поговорку Национальной ружейной ассоциации, не Кольцо развращает людей, а сила Саурана, передающаяся через это Кольцо.

К тому же Кольцо не является примером абсолютно злой вещи. Хотя Элронд и назвал его совершенным злом, но он хотел лишь сказать о невозможности использовать Кольцо для добра. Само вещество, из которого сделано Кольцо, не является злом. Даже в мире Толкина нет «злого металла». Если бы абсолютно те же куски драгоценного металла использовал кто-нибудь другой и сделал бы кольцо, оно бы не было Кольцом Всевластья. Сила Кольца — сила Саурана, которая была

заключена в Кольцо посредством неизвестного нам магического процесса. Как сказал Гэндальф, когда Единое Кольцо будет уничтожено, тогда Саурон «утратит всю силу, которой владел изначально, и разрушится все, что было создано его властью, а он пребудет во тьме крошечной безобразной ищадием мрака».

А что сам Саурон? Разве он не пример абсолютного зла?

Как замечает Толкин в письме, Саурон представляет собой самую развращенную волю. Но даже самая развращенная личность остается личностью, обладающей силой и способностями, которые сами по себе не являются злом. Как сказал Элронд, «перерождение всегда начинается незаметно, Саурон Черный не родился злодеем». Действительно, сам Саурон не является источником Зла, после него, по словам Гэндальфа, «явится в мир иное зло, может статься, еще большее: ведь Саурон всего лишь прислужник, предуготовитель».

Итак, «Властелин Колец» выходит за рамки манихейского мировоззрения. Это важно, поскольку сомнительна сама возможность существования чего-то абсолютно и совершенно злого. Все сущее обладает теми или иными положительными качествами. Даже то, что кажется злым по природе своей, не абсолютное зло. Например, ядерное оружие и фугасная бомба созданы исключительно для уничтожения людей и объектов, но даже они обладают положительными качествами (они созданы из частей, которые по сути не являются злом).

Но если последователи Мани ошибаются с природой зла, тогда что есть зло? Если зло не независимая сила, тогда что это?

ЗЛО ЗАВИСИТ ОТ ДОБРА

В другой системе взглядов зло предстает как нечто паразитирующее на добре. С этой точки зрения, для существования зла необходимо существование добра. Зло как тень: для существования тени необходим свет, но для существования света тень не нужна. Добро первично и независимо, тогда как зло вторично и зависит от добра.

Такое понимание зла часто называют августинианским, поскольку его придерживался святой Августин (354—430 гг. н. э.), один из наиболее известных и влиятельных христианских мыслителей всех времен. Августин писал:

Где бы вы ни встретили меру, число и порядок, вы, не задумываясь, соотносите все это с божественным, с Творцом. Если убрать меру, число и порядок, не останется ничего... Таким же образом, если убрать все добро, не останется никаких следов реальности; вообще ничего. Все добро от Бога.

Толкин разделяет августинианский взгляд на зло. Он пишет в письме: «В моей истории нет Абсолютного Зла. Не думаю, что оно существует, поскольку это Ноль».

Чтобы понять, насколько прослеживается во «Властелине Колец» августинианство, давайте не будем забывать его основную мысль, что зло есть недостаток добра, так же как темнота — недостаток света. А поскольку добро первично и независимо, следовательно, чем большее зло представляет из себя нечто, тем ближе оно к пустоте. И во «Властелине Колец» мы находим тому множество примеров.

Черные Всадники, например, ездят на живых конях и носят настоящую одежду, чтобы «придать их отсутствию форму, когда они имеют дело с живым». Когда повелитель назгулов пытается войти в ворота Минас-Тирита, Гэндальф приказывает ему: «Возвращайся в бездну, тебе уготованную. Ступай назад, и да поглотит кромешная тьма тебя вместе с твоим Владыкою». Фродо, заглядывая в зеркало Галадриэли, видит глаз Саурона: «его зрачок — скважина в ничто — постоянно пульсировал, то сужаясь, то расширяясь». И Гэндальф замечает, что Саруман после падения Изенгарда «совсем высох», посвятив свою жизнь злу, так что «уж ни на что доброе не годится».

Подтверждением августинианского мировоззрения Толкина служит тот эпизод, когда посреди ужасной пустыни Мордора Сэм видит белую звезду, мерцающую над головой. Ее красота поражает Сэма, и он вновь обретает надежду:

Чистым, ясным лучом озарило его душу, и он подумал, что владычеству мрака раньше или позже придет конец, что светлый и прекрасный мир не подвластен злу.

Итак, и святой Августин, и Толкин сходятся в том, что нет ничего абсолютно и совершенно злого, поскольку такой вещи нет в природе, ведь само существование изначально есть добро. И оба они верят, что коль скоро добро первично и независимо, то зло вторично и зависит от добра. Но если это так, то откуда взялось зло? Если мир есть совершенное добро, то откуда взялось зло в самом своем начале?

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ ЗЛО?

Мы уже поняли, что абсолютного и совершенного зла нет. В соответствии с этим ничто само по себе не является злом, даже Кольцо Всевластья. Так откуда появляется зло? И святой Августин, и Толкин считают, что изначально все зло рождается в сознании личности.

Святой Августин употребляет выражение «изысканное желание», чтобы описать истоки зла, которое он определяет как желание чего-то, что нарушает естественный порядок вещей. (Таким образом, «изысканное» означает надуманное, выходящее за пределы нормального.) Объясняя утверждение святого Павла, что «корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6:10), Августин писал, что «сребролюбие» должно пониматься как «любая страсть, которая заставляет человека желать больше, чем положено. Эта алчность суть желание, а желание суть грешная воля. Следовательно, грешная воля — причина всего зла».

По мысли святого Августина, зло вполне может рождаться из добрых вещей. То же случилось и с падением Сатаны, и с падением Адама и Евы, считает он: в обоих случаях создания возжелали большего блага, чем им было положено. Это желание — причина всего зла, и когда мы свободно ему отдаемся, рождается зло. Святой Августин писал:

Ни добро, желаемое грешниками, ни сама свободная воля... по сути злом не являются... ибо зло — это измена вечным ценностям и обращение к ценностям преходящим. Эта измена и это обращение заканчиваются справедливым несчастьем, потому что совершены они не по принуждению, но добровольно.

Другими словами, зло исходит от проявления свободной воли¹. Как он говорит в другом месте: «откуда берется эта измена, если только человек, для которого единственное добро Бог, подменяет Бога собой, чтобы и быть для себя добром, как Бог является Добром для Себя?»

Толкин вторит ему в одном из писем. Он пишет, что Война за Кольцо «не основывается на „свободе“, хотя безусловно затрагивает и ее. Война происходит из-за Бога и Его неотъемлемого права божественной чести». Такая точка зрения на происхождение и причину зла подтверждается многочисленными примерами из «Властелина Колец».

Например, гордость и величие смертных представляются их слабостью, позволившей Саурону прельстить их Девятью Кольцами и тем самым поработить. Сыграв на «стремлении эльфов... к знаниям», Саурон сумел войти к ним в доверие и выковать Кольцо. Элронд говорит Глоину, что Трех эльфийских Колец Саурон не касался, те, кто их ковал, желали «познавать мир, творить добро и сдерживать зло». Разница между Тремя Кольцами и Кольцом Всевластья очевидна: создатели эльфийских Колец вложили в них желания, сообразные естественному ходу вещей, тогда как Единое Кольцо

¹ Непонятно, как с позиции свободного выбора сотворенных существ можно объяснить так называемое естественное зло, т. е. результат действия сил природы (наводнения, торнадо, землетрясения и т. п.). Августин настаивает, что любое естественное зло в основе своей является именно человеческим выбором. С его точки зрения, наводнений, землетрясений и других напастей не было до грехопадения Адама и Евы, а потом Бог создал их как справедливое наказание за грехи. Но большинство современных христианских и иудейских теологов отказываются от такого подхода и объясняют естественное зло как неотъемлемую составляющую Божьего замысла, предполагавшего создать сложный, непредсказуемый мир для развития свободных существ.

заставляет своего владельца желать покорения всех остальных. Как говорит Галадриэль Фродо, чтобы использовать Кольцо, нужно укрепить свою волю, подчиняя себе волю других.

Тома Бомбадила Кольцо вообще не интересует. Он совершенно удовлетворен своим местом в мире, и у него нет ни малейшего желания получить больше, чем ему положено, он настолько выше власти Кольца, что Фродо, надевший Кольцо, не становится для него невидимкой: «Ишь ведь — выцвел, ровно моль... Ну-ка возвращайся! Да сними свою игрушку — без нее ты лучше».

Сэм тоже может противостоять искушению Кольца, потому что знает, что «хватит с него и собственного сада, незачем превращать в свой сад целое царство; есть у него свои руки — и ладно, а чужими руками нечего жар загребать». В отличие от корпоративных управленцев, пытающихся обокрасть своих акционеров и избежать ответственности за последствия, Сэм довольствовался бы собственным садом. Он противостоит желанию занять место, которое ему не принадлежит, и таким образом справляется с соблазном Кольца. Многие ли из нас способны противостоять подобному соблазну?

Боромир не в силах противостоять такому искушению. Когда Боромир предлагает воспользоваться Кольцом в войне против Саурона, Элронд отвечает, что его нельзя использовать для этой цели. Кольцо сделано Сауроном, принадлежит ему и есть «совершенное зло».

В нем скрыта огромная мощь, Боромир, так что и владеть им может лишь тот, кто наделен поистине великим могуществом. Но Могучим оно особенно опасно... Покуда оно существует, опасность проникнуться жадой всевластия угрожает даже Мудрейшим из Мудрых.

Хороший совет, но, когда Боромир остается наедине с Фродо и Кольцом, ему не удастся им воспользоваться.

Саруман также не смог противостоять искушению Кольца. Он пытается уговорить Гэндальфа присоединиться к нему и Саурону, скрывая от того до поры до времени их — Сарумана и Гэндальфа — планы:

...сначала мы будем даже осуждать жестокие методы Новой Силы, втайне одобряя ее конечную цель — Всезнание, Самовластие и Порядок, — то, чего мы мечтали добиться, а наши слабые или праздные друзья больше мешали нам, чем помогали. Нам не нужно — и мы не будем — менять наших целей, мы изменим лишь способы...

Саруман пытается оправдать мотивы, побуждающие его навязать свою волю миру и всему сущему. Он тут же спрашивает Гэндальфа, не знает ли он, где Кольцо Всевластья, и «в его глазах полыхнула алчность, которую он не в силах был скрыть». Гэндальф после поражения Сарумана объясняет, что тот не смог бы измениться, потому что «он не служил, но властвовал» — и это отсылает нас к знаменитой фразе мильтоновского Сатаны: «Лучше быть владыкой Ада, чем слугою Неба»¹.

Совсем иначе видит свою роль в мире Гэндальф. У него нет желания «власти». Он говорит Дензтору, наместнику Гондора:

Я не правитель Гондора и не властвую иными краями, ни великими, ни малыми. Однако же в нынешнем мире я в ответе за все, что достойно спасения.

¹ Перевод Арк. Штейнберга. — *Примеч. ред.*

Безусловно, существует большая разница между служением и обладанием. Гэндальф понимает эту разницу и осознает, что он слугитель, а не обладатель. Он отказывается «играть в Бога», распоряжаясь другими по своему усмотрению и желанию. И как бы Денэтор ни старался показать себя «властелином Гондора», Гэндальф все равно называет его «наместником Гондора». В итоге Денэтор оказывается властелином лишь собственной смерти, убивая себя и показывая тем самым, как он заблуждался о границах собственной власти.

В противовес этой злой воле, стремящейся нарушить естественный порядок, хоббиты обладают неким врожденным чувством своего места. Мы уже видели, как «простой хоббитский здравый смысл» помог Сэму противостоять искушению Единого Кольца. Вернемся к «Хоббиту» и вспомним, что говорит Торин Оукеншильд, лежа на смертном одре и извиняясь перед Бильбо за те жестокие слова, которые он бросил ему, когда между людьми и гномами велись переговоры о дележе сокровищ дракона Смога:

В тебе хорошего больше, чем ты думаешь, недаром ты родился в доброжелательном краю. Доля отваги, доля мудрости, сочетающихся в меру. Если бы наш брат побольше ценил вкусную пищу, застолье и песни и поменьше золото, то в мире было бы куда веселее.

Конечно, у хоббитов нет иммунитета против соблазнов. Ведь Фродо в решительный момент поддался искушению и решил взять Кольцо себе. Когда это случилось, только жадность Горлума спасла Фродо от участи стать вторым Горлумом. Фродо повезло. Таким образом,

уничтожению Саурана способствовали три случайно совпавшие злые воли: желание Фродо оставить Кольцо себе, желание Горлума отнять Кольцо у Фродо и сосредоточенность Саурана на своем желании захватить мир, помешавшая ему подумать о том, что некто может задумать уничтожить Кольцо.

Очевиднее всего природа зла явлена в самом Сауроне. Гэндальф говорит, что Сауроном руководит одно лишь желание власти. Он слишком сосредоточен на мысли захватить весь мир и слишком обеспокоен судьбой Единого Кольца, как объясняет Гэндальф: «что мы хотим лишь низвергнуть, а не заменить его — это превыше его разума». Сравнивая Саурана с Сатаной, Толкин утверждает, что мысли могут быть источником зла:

В моей истории Саурон представлен настолько близко к абсолютно злой воле, насколько это возможно... Саурон хочет быть Королем-Богом и добивается этого через своих слуг.

Таким образом, Саурон хочет свергнуть Бога, чтобы присвоить себе чужое место. Как сказал бы святой Августин, такое желание — «корень всех зол» на земле.

ВСЕСИЛЬНОЕ ЗЛО

Мы уже знаем, что любое зло начинается с добра. И таких примеров в Средиземье — множество. Онт Древень замечает, что тролли — подделка под онтов, так же как орки — насмешка над эльфами. Фродо то же самое говорит об орках, а Изенгард Толкин описывает всего лишь «как раблепную копию, игрушечное подобие

Барад-Дура, великой Черной Твердыни». Во всех этих случаях злые вещи являются всего лишь искаженной копией добрых.

Неудивительно, что во «Властелине Колец» зло связано с разрушением добра. Орки, например, изобрели много умных, но жутких машин, особенно военных. Древень, говоря о Сарумане, негодует, что тот относится ко всему растущему только как к материалу для задуманных им конструкций и выводит породу орков, не боящихся солнечного света. Известно также, что орки получают наслаждение от уничтожения живого.

Аспект разрушения проникает в сферу отношений. Например, когда Гэндальф и Пин в поисках Дензтора, наместника Гондора, находят у закрытой двери мертвого привратника, Гэндальф замечает: «То-то Враг порадуется!» А Хэлдар, эльф из Кветлоризна, сетует, что «наша разобщенность и взаимное недоверие вызваны лиходейской мудростью Врага».

Все это характерно и для нашего мира. Например, 11 сентября 2001 года террористы использовали изначально добрые вещи (самолеты) для разрушения, разорения и смерти. Ими двигала безусловно злая воля — желание навязать свои условия миру. Обрекая множество невинных людей на смерть, они присваивают чужое место и чужие привилегии. Их выбор продиктован той же злой волей, которую мы находим у Саурана и его приспешников.

К счастью, нам есть на что надеяться, если только Толкин прав и манихейская точка зрения на природу зла ошибочна — и зло не отдельная сила, равная добру и противостоящая ему. Наоборот, как утверждает Августин, добро — основополагающе и независимо, тогда как зло вторично и зависимо. И если зло не может

существовать без добра, то обратное неверно. А это значит, что всегда есть способ полностью исключить из мира зло. Поскольку зло появляется из априорно существующего добра, следовательно, добро есть модель мира, так сказать, «по умолчанию». И поскольку у людей есть право выбора, вполне возможно, они сделают правильный выбор. Поэтому всегда есть надежда, что зло будет побеждено.

Подведем итог. Мы узнали, что зло — недостаток добра, что оно рождается из желания большего, чем положено, и что оно связано со страхом и разрушением. Понимая это, проще найти зло в себе и в других людях. Хотим ли мы управлять другими и навязывать свою волю миру? Где предназначенное нам место? Что приносит нам удовлетворение и что нас расстраивает? Умеем ли мы радоваться простым вещам, руководствуясь «простым хоббитским здравым смыслом» или нас прельщает фантастический идеал «хорошей жизни»? Ответив на эти вопросы при помощи ярких образов Толкина, мы сможем яснее понять, а возможно, и преодолеть зло в себе и в мире вокруг нас¹.

¹ Хочу выразить свою благодарность за редакторские замечания к первоначальной версии этой главы, что позволило внести множество существенных корректив. Отдельные благодарности Грэгу Башаму и Эрику Бронсону.

9.
**ДОБРОДЕТЕЛЬ И ПОРОК
ВО «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ»**

Эон Дж. Скобл

В эпической сказке о добре и зле, вроде «Властелина Колец», читателю необходимо различать персонажи, представляющие добро и зло. Сопоставлять персонажи можно, во-первых, по их действиям, а во-вторых, по чертам характера, обуславливающим эти действия. Приоритет способов здесь не очевиден, но если персонаж наделен личностью, которая демонстрирует добродетель или порок, то нравственный урок становится яснее, поскольку подчас праведные действия могут основываться на ложных заключениях и, наоборот, неправедные действия — проистекать из верных заключений. Поэтому простое наблюдение за человеческими поступками, может быть, менее значимо в моральном воспитании, чем суть самих персонажей.

Направление этической теории, которое в первую очередь занимается персонажем, поскольку он заслуживает большего внимания, чем его действия, известно как «этика добродетели». Она опирается на теорию древнегреческого философа Аристотеля¹, отличающуюся от более поздних, вроде этики Канта или Милля, уделявших больше внимания долгу или последствиям. Посредством анализа нескольких персонажей из «Властелина Колец» в аспекте соотношения добродетели и порока я попытаюсь отстоять взгляды философов — сторонников этики добродетели и с помощью этой теории исследовать некоторые проблемы, в частности проблему нравственного разложения, которая, безусловно, лежит на поверхности романа, и это в свою очередь будет весьма полезно для нашего рассуждения о добродетели, пороке и их истоках.

Аристотелевская теория добродетели и порока эволюционна. Но основу ее составляют рассуждения о формировании добродетели. При этом в размышлениях о «рождении добродетели» неизменно возникает идея «рождения порока». Как определенный образ мыслей и действий побуждает наше внутреннее «я» двигаться в одном направлении к тому, что Аристотель называет добродетелью, так другой образ мыслей и действий (других направлений, не схожих с движением к добродетели, может быть более одного, если быть точным) способен развивать то, что греческий философ определяет как порок. Давайте рассмотрим механизм этого процесса с помощью примеров из «Властелина Колец».

¹ Главным образом, на «Никомахову этику».

РАЗВИТИЕ НРАВСТВЕННОГО ЧУВСТВА

По Аристотелю, нравственность — такая черта характера, развитие которой делает жизнь человека более счастливой и насыщенной. Это не значит, что существует список хороших или плохих поступков или что можно сформулировать некие основные принципы, исключения из которых невозможны. На деле чаще всего какие-то поступки в большей степени способствуют развитию добродетельного характера. Например, простое правило «не убий», скорее всего, должно содержать в себе множество исключений, чтобы быть истинно нравственным правилом. Если говорить вообще, то нравственно оправдано, допустим, убийство в целях самозащиты. Другие возможные исключения могут касаться убийства тех, кто убивает и поработывает миллионы. (Нравственно оправданным, будь оно возможно, видится убийство Саурана, подобно тому как многие считают, что убийство Гитлера в свое время было бы добродетельным поступком.) Конечно, убийство — крайняя мера, и она должна иметь серьезные основания. Но кто сможет различить мотивы? С точки зрения добродетельной этики человек, занимающийся самосовершенствованием, сможет понять, когда убийство оправданно, а когда нет. То, что Аристотель называл «практическим здравым смыслом», — ключевая составляющая нравственной мудрости.

Практический здравый смысл и опыт — не одно и то же, но способность индивида учиться на опыте — это и есть проявление практического здравого смысла, который может развить нравственность. В теории Аристотеля разуму отводится двойная роль. Во-первых, разум определяет ценность цели и оптимальный способ ее

достижения — имеется в виду любая цель. Но разум же устанавливает и приоритет целей. Например, если я пожелаю уничтожить определенное кольцо, которое невозможно уничтожить ни одним известным способом, то рациональным путем я приду к решению бросить его в расселину Роковой горы. Но при этом я буду также размышлять, а сделает ли уничтожение Кольца жизнь лучше, — что и происходит с героями Толкина. Мы можем судить о ценности какой-либо цели только по отношению к приоритетной цели. Другими словами, та или иная цель может иметь для нас ценность в том случае, если ее осуществление приведет к достижению истинной ценности. Аристотель считал, что такой приоритетной ценностью является жизнь, или, точнее, ее совершенствование, т. е. добродетельная жизнь. Поэтому стремление к добродетельной жизни и ко всему тому, что помогает, но не мешает этой глобальной цели, *естественно*.

Посмотрим с этой точки зрения, например, на разногласия, возникшие на Совете Элронда. Существует следующий факт: Кольцо можно уничтожить лишь в пламени Роковой горы. Простое взвешивание аргументов породило решение: «Если мы хотим его уничтожить, надо его бросить в расселину Роковой горы». Прения закончены независимо от того, хотят ли участники Совета уничтожить Кольцо, — просто потому, что добрым силам использовать его невозможно. Кольцо действительно дает своему обладателю великую силу, но, как указали Элронд и Гэндальф, эта сила разлагает, значит, в борьбе добра против зла использование Кольца неэффективно.

Тем же рациональным путем мы ищем верный способ осуществления нашего решения. Аристотель призывает

стремиться к золотой середине между крайностями. Храбрость, например, противоположность не только трусости, но также и отчаянности. Другими словами, если трусость — порок, то же самое можно сказать и про отчаянность. Человек, утверждающий, что не боится *ничего*, наверняка не владеет полной информацией о реальности. (Отсюда замечание Бродяжника в киноверсии Питера Джексона, что хоббиты «слишком мало боятся».) У каждого свои страхи, кто-то боится, скажем, разъяренных медведей гризли, а кто-то — назгулов. Но и свою отчаянность следует умирять благоразумными размышлениями об обстоятельствах — глупый риск может показаться бесстрашием, но он способен ухудшить ситуацию, и едва ли тогда он будет добродетелью. Аристотель учит: нужно понять, как быть добродетельным и совершать добродетельные поступки. Следовательно, добродетельный персонаж — это существо развивающееся, а не сформировавшееся или избранное. Основным способом его саморазвития является распознавание и подражание подходящей ролевой манере. Нужно наблюдать и учиться у *phronemos*, или человека благоразумного. Такой человек не является учителем, поскольку нельзя научиться добродетели, как алфавиту или таблице умножения. Чтобы научиться фехтованию, необходимо изучить основы, понаблюдать за хорошей техникой и, конечно, практиковаться. Чтобы научиться добродетели, нужно изучить основы (например, стремление к умеренности, а не к крайности), наблюдать за живущими добродетельно и практиковаться. Трудность здесь, естественно, заключается в том, как найти того, кто ведет истинно добродетельный образ жизни, ибо это предполагает, что вы уже достаточно мудры, чтобы разобраться, что к чему. Другими словами,

если я уже достаточно умен, чтобы избрать для себя в пример человека, ведущего добродетельный образ жизни, мне этот пример уже не нужен. Но это еще не самое большое противоречие теории, скорее, это напоминание об эволюционирующей природе добродетели и о важности практического здравого смысла. Можно ли допустить, чтобы некто выбрал Сарумана в пример для подражания? Говорится, что все внимали его мудрости. Хотя позже выясняется, что это происходило благодаря риторическим трюкам, а не в силу весомости его аргументов. Определенно он выглядит успешным, могущественным волшебником, обладающим огромной силой (он, по словам Гэндальфа, главный маг). Могущество не означает добродетель. Как указывают Галадриэль, Гэндальф и некоторые другие, стремление достичь власти не идет на пользу душе¹.

Возможно, что только предрасположенный к пороку выберет себе в пример порочную модель поведения, тогда как добродетельных людей естественным образом притягивает друг к другу. Подчас такое притяжение создается искусственно. Дело в том, что порочный человек иногда пытается обмануть других, прикидываясь добродетельным. Очевидный пример тому — развращение Гнилоустом Теодена. Обманутый Теоден не замечает порочных намерений Гнилоуста. (Что заставляет его прислушиваться к советам человека по имени *Гнилоуст* — остается для нас загадкой.) Однако ситуация обмана создается — хотя бы при частичном участии — обеими сторонами, вроде общеизвестного: «Я видел

¹ Нас не должен смущать тот факт, что Саруман волшебник, а не человек. Возможно, разные расы имеют и разные представления о жизни. Но, с другой стороны, остальные волшебники безусловно считают, что Саруман совсем запутался в принципах разделения добра и зла.

только то, что хотел» или «Я был слаб». Иногда люди говорят, что «хотят быть обманутыми», таким образом признавая частичную ответственность за ошибку. В любом случае, *phronēmos*, или ролевая модель, то есть пример человека, необходимого, по мнению Аристотеля, для понимания добродетели, — совсем не обязательное условие. Поэтому сами по себе эти психологические загадки не влияют на выбор ролевой модели. Таким образом, развитие добродетельного характера зависит от способности руководствоваться практическим здравым смыслом.

ПЕРСОНАЖИ СРЕДИЗЕМЬЯ

Можно сказать, что Толкин считает успешность хоббитов отчасти следствием добродетельности их характеров¹. Хотя встречаются и порочные хоббиты, в целом их культура представлена как удивительно здоровая и скромная. Добрая натура хоббитов помогает Фродо большую часть пути противостоять разлагающим искушениям Кольца. Но можно ли назвать хоббита добродетельным? Поскольку в основе добродетельной теории лежит умеренность, — возможно. Хотя они и едят чаще людей, но они привязаны к своим обеденным привычкам, у них есть представление о «чрезмерности». Они не слишком расположены к хвастовству. Им известны

¹ Хотя хоббиты и не люди, они во многом близки людям, хотя бы своим пониманием о добродетельной жизни. Эльфы, напротив, абсолютно не похожи ни на людей, ни на хоббитов. Но этика Аристотеля, как и почти всякая философия, рассматривает человека, поэтому я не собираюсь размышлять о том, что бы Аристотель мог сказать о добродетельной жизни эльфов.

понятия честности и лени, вежливости и эгоизма, храбрости и несправедливости. Итак, они действительно размышляют о добродетели и пороке, даже если понимают их иначе, чем люди.

Верная мысль, основанная на ложных доводах, не имеет этической ценности. Поэтому, считая вообще преданность благом, мы не можем назвать добродетельным всякого преданного человека безотносительно к объекту его преданности. Ведь если объект преданности — зло, то мы скорее станем порицать такую преданность, чем хвалить. Преданность Гнилоуста Саруману не достойна нравственного одобрения. Но если преданность является добродетелью лишь при условии добродетельности ее объекта, следовательно, чтобы развить добродетельность, нужно уметь судить критически о нравственной ценности и направлять свою преданность в нужное русло.

Значит, глубокая преданность Сэма Фродо является добродетелью? Думаю, да. Некоторые утверждают, что Сэм, с его простотой и скромностью, — неотесанная деревенщина. Однако эти критики упускают из виду то, что лежит в основе его привязанности. Сэм привязан к Фродо, *потому что* он осознает добродетельность Фродо, а следовательно, преданность Сэма ценностна. То же можно сказать о дружбе и преданности Мерри и Пина. Непоколебимая преданность хоббитов друг другу основана на общем для них понимании добродетели и истины.

Смеагорл — интересный случай. Выясняется, что создание по имени Горлум некогда было хоббитом, но Кольцо произвело в нем печальные изменения. Однако первым шагом к этой трансформации стало убийство друга Деагорла. Но даже предположив, что это вина

Кольца, вряд ли мы сможем утверждать, что это оно заставило Смеагорла совершить убийство. Он держал Кольцо в руке лишь несколько мгновений, поэтому нельзя сказать, что его действия — это работа Кольца. Он уже к тому моменту должен был быть испорченным и жадным, чтобы Кольцо сумело так повлиять на него. Кольцо имеет свойство разрушать, но одни подвержены этому разрушению больше других. Смеагорл — самый очевидный пример такой испорченности, поскольку убил своего друга, еще не успев испытать воздействия Кольца. Для сравнения вспомним незначительные изменения, постигшие Бильбо. Владея Кольцом в течение шестидесяти лет, Бильбо всего один или два раза уступал тьме, но быстро справлялся с собой. Едва лишь увидев Кольцо, Смеагорл убивает друга. Таким образом, очевидно, что Кольцо очень слабо влияет на человеческий характер. Бильбо и Фродо даже после контакта с Кольцом остаются более добродетельными, чем был Смеагорл еще до его обретения. А это доказывает, что, следуя образу мыслей и действий, способствующему добродетельности, делаешься более добродетельным, и совершать добродетельные поступки становится легче. Таким образом, слово «здравый» в сочетании «здравый смысл» приобретает новое значение: добродетельный человек, размышляя о предыдущем опыте, меняет характер, выздоравливает, а изменившийся характер по-новому реагирует на последующий опыт.

Также можно сравнить Арагорна с Боромиром. В то время как Арагорн осознает разрушительную силу Кольца и надеется победить Саурона без него, Боромир жаждет его получить. В отличие от Смеагорла, это происходит не из-за дурной природы. Просто Боромир считает, что в руках добродетельного человека могущественная

вещь будет служить добру и не приведет к нравственному разложению. Слишком поздно он понимает свое заблуждение. А значит, Боромир, обладая меньшей практической мудростью, чем Арагорн, изначально все же наделен скромностью. Тогда, может, у Боромира есть еще какие-нибудь качества, которые способствовали его падению? Например, он ревнует ко вновь объявившемуся Арагорну, раздражается, что Совет Элронда не прислушивается к его рекомендациям, и, видимо, озлоблен страданиями, которые принес Гондору Саурон. Ревность, озлобленность и гордость — те пороки, которые делают даже изначально добродетельного человека легкой добычей для злых сил. В противоположность этому, рожденный королем и вынужденный жить в изгнании, Арагорн, которому, казалось, положено быть обиженным, не оскорбляется и не озлобляется. Он остается спокойным, справедливым и великодушным. Важно также, что он прислушивается к совету тех, кого считает мудрее себя, в отличие от Боромира, который отказывается признать свою неправоту. Аристотель критикует такого рода упрямство особливо, цитируя Гесиода:

Тот наилучший над всеми, кто всякое дело способен
Сам обсудить и заранее предвидеть, что выйдет из дела.
Чести достоин и тот, кто хорошим советам внимает.
Кто же не смыслит и сам ничего и чужого совета
В толк не берет — человек пустой и негодный¹.

Поэтому Боромир — трагический персонаж, но не порочный.

¹ Перевод В. Вересаева. — *Примеч. ред.*

Боромир имеет недостатки, но не пороки. Тем не менее в романе есть и откровенно порочные персонажи — прежде всего Саурон и Саруман, которые должны нести большую ответственность за свои поступки, чем Боромир — за свои. Это поднимает новую проблему, проблему ответственности личности за развитие своего характера. Из этого анализа не ясно, почему мы должны относиться к Боромиру как к изначально доброму персонажу, несмотря на его пороки, в то время как Саруман и Смеагорл воспринимаются нами как персонажи порочные в связи с их пороками. Ответ может быть один: у Сарумана и Смеагорла обнаруживается полное отсутствие добродетели и очевидные проявления природы зла, чего нет у Боромира, который борется за справедливость, даже когда не понимает, как это лучше сделать. Саруман пытается добиться господства, а не справедливости. Смеагорл гораздо мельче: он испытывает обычную жадность, убивая друга и завладевая Кольцом. Он в какой-то степени мучается из-за разлагающего влияния Кольца, но он сам несет ответственность за эти страдания, потому что был порочным еще до появления Кольца в своей жизни.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЭТИКИ ДОБРОДЕТЕЛИ

Теперь понятно различие между этикой добродетели и другими этическими теориями. Простое следование неким правилам, как рекомендует Кант, не учитывает роли практической мудрости в развитии добродетели и в ее постижении. По Канту, нравственность состоит в следовании правилам и обязанностям, которые названы универсальными

для всех без исключения. Например, ложь порочна, поскольку имеет дурные последствия. Но в таком случае каждый был бы обязан по нравственным законам сказать правду Саруману и проинформировать Черных Всадников. К тому же это обесценивает саму способность мыслить: преданность Сэма или Арагорна Фродо была бы не более и не менее достойна похвалы, чем преданность кольценосцев Саурону. Кант говорит, что свою нравственную ценность приобретают только те поступки, которыми движет добродетельная воля. Он не заостряет внимания на развитии добродетельного характера, поскольку с этой точки зрения необходимо изначально иметь добродетельный характер, чтобы совершать нравственные поступки. Эта теория подойдет для высшего слоя эльфов, которые хоть и подвержены порче, но по сути своей естественно добродетельны, а для хоббитов и людей (по последнему нашему примеру) больше годится идея нравственного саморазвития, требующая серьезного отношения к нашей неустойчивой природе. Мы способны стать лучше или хуже в зависимости от пристрастий и выбора, поскольку наши пристрастия влияют на выбор, а выбор корректирует пристрастия.

Утилитаризм также не придает большого значения роли характера в нравственном выборе. На самом деле, чтобы довести принцип «величайшее добро для возможно большего количества людей» до уровня нравственного принципа, придется отказаться от любых размышлений о добродетельности характера, поскольку личные побуждения никак не влияют на ценность поступков. Согласно теории утилитаризма, мотивация не важна: значим только нравственный вес, а само действие нравственно в том случае, когда оно несет максимальное

добро максимальному количеству людей. Следовательно, анализировать характер человека бессмысленно, нам надо лишь определить, насколько желателен конечный результат, чтобы оценить масштабы нравственности его действия. Кроме подсознательной ориентации на конечный результат, такой подход может привести к заключению, что «цель оправдывает средства», а значит, глобально положительный исход может быть достигнут и через убийство, и через грабеж. Помогая Братству, я могу получить взамен деньги — это нравственный эквивалент помощи, поскольку я имею право так поступить. Утилитаризм обнаруживает и структурную неувязку: чтобы получить максимальное добро для максимального количества людей, надо уметь просчитывать последствия действий. То есть совершать нравственные поступки можно, лишь обладая волшебной прозорливостью, свойственной, например, Галадриэли или Гэндальфу; а Арагорн и Фродо не способны на это, поскольку их представления о последствиях будут скорее догадками. Так как в реальном мире ни у кого нет способностей Галадриэли, то и теория эта безжизненна. Добродетельная этика Аристотеля, напротив, не предполагает совершенных знаний, частично потому, что дает нравственную оценку субъекту, а не действию. Человек есть или становится добродетельным в результате нравственного самосовершенствования, несмотря на полное отсутствие знаний о будущем.

Итак, если жизнь человека направлена на борьбу за справедливость и на самосовершенствование, то необходимым принципом его повседневности должен быть практический здравый смысл, в отличие от жизни, посвященной власти и подавлению. И с этих позиций невозможно создать список постоянных правил. Сложность

данной этики не позволяет свести ее всю к некоему своду нравственных законов. Этика добродетели не предлагает простых способов нравственного выбора. Вместо этого она дает широкое поле для размышлений об этических течениях и ответственности. Она, во-первых, побуждает нас сосредоточиться на конечной цели человеческого существования, которая заключается в счастье, в наполненности человеческой жизни. А во-вторых, поднимает вопрос: какие добродетельные качества и положительные черты характера необходимы для достижения расцвета и полноты жизни. Попытка создать добродетельный характер с помощью практического здравого смысла — неторная тропинка, ведущая к прекрасной жизни, но, похоже, это самая успешная стратегия. Если можно сориентироваться в направлении этих добродетелей, значит, можно научиться их достигать. Как напоминает нам Толкин, это и есть лучшее противодействие разложению и разрушению¹.

¹ Я приношу благодарность Эрику Бронсону и Грегори Башаму за полезные пояснения и исправления к этой главе.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
ВРЕМЯ И СМЕРТНОСТЬ

10.
ВЫБИРАЯ СМЕРТЬ:
ДАР СМЕРТНОСТИ В СРЕДИЗЕМЬЕ

Билл Дэвис

Любовь к Арвен делает безопасность Фродо и Кольца особенно важной для Арагорна. С трудом ему удастся препроводить Кольцо из Забрэндии под сень дома Элронда. Не справься он с этим — цена оказалась бы чрезвычайно высока. Если бы Кольцо попало к Саурону, власть его стала бы безграничной. Все хорошее в Средиземье было бы уничтожено. Арагорну никогда бы не позволили взять в жены Арвен, дочь Элронда, и все его надежды рассыпались бы в прах.

Чувство же Арвен к Арагорну по своей сути еще сложнее. В фильме «Властелин Колец: Братство Кольца» есть сцена, где они вдвоем в Раздоле обсуждают свое будущее. Стоя на мосту посреди буйно цветущего сада, они нежно говорят об обязательствах друг перед другом. Она спрашивает, помнит ли он о ее обещании.

Он отвечает, что помнит: «Ты сказала, что отдашь себя мне, отказавшись от бессмертия своего народа». Ее ответ решителен: «Я хочу этого и сейчас. Лучше я разделю одну смертную жизнь с тобой, чем проживу все эпохи мира в одиночестве». Очевидно: она любит его, но зачем она выбирает смерть?

Любовь отправляет Арагорна в долгий, полный опасностей путь защищать Кольцо и Фродо. Любовь Арвен требует еще большего. Если его путь увенчается успехом, она выйдет за него замуж и примет его смертную судьбу. Как может Арагорн требовать этого от Арвен? И почему Арвен согласна заплатить столь высокую цену?

На эти вопросы можно отвечать по-разному, формируя тем самым целостное представление. С одной стороны, ответ следует искать в самой логике персонажей Толкина. Мир Толкина сложен и разнообразен, поэтому объяснить выбор его героев совсем непросто. К концу этой главы, надеюсь, будет понятно, почему Арвен не сожалеет о потере бессмертия, а Арагорн спокойно принимает ее выбор смерти. С другой стороны, ответы на эти вопросы заключены в нашем собственном отношении к смерти и бессмертию. Арвен и Арагорн своим выбором поднимают важные вопросы о конечности нашего собственного бытия и о том, что ожидает нас после смерти. Содержательно ответить на эти вопросы поможет современная культура, религиозные и философские труды. К некоторым из них я обращаюсь, объясняя выбор Арвен. Не имея возможности избежать смерти, мы можем поразмышлять об этом, следуя за Толкином, представляющим смерть как дар.

СМЕРТЬ В СРЕДИЗЕМЬЕ

Сражающиеся вместе против попыток Саурона захватить абсолютную власть в Средиземье эльфы и люди обладают разными возможностями. Как и люди в нашей реальности, люди и хоббиты в мире Толкина смертны. Приходит время, когда от старости, болезней или ранений тело больше не способно поддерживать жизнь. А когда умирает тело, их души покидают землю Арды¹. У эльфов, напротив, совсем другая судьба: их тела могут изнашиваться или повредиться настолько, что жизнь в них станет невозможна. Но, когда такое случается, души эльфов остаются внутри «круга жизни». Людям совсем не ведомо, что ждет их после смерти. Эльфы знают: не важно, что случится с телом, — они продолжают свою жизнь в Арде.

Арвен должна выбрать одну из этих судеб, поскольку она, как и ее отец Элронд, лишь наполовину эльф. Таких существ не много, но они могут сделать выбор лишь единожды. Арвен собирается связать свою судьбу с Арагорном, тем самым принимая неотвратимость смерти. Процесс умирания в Средиземье не более приятен, чем в нашем мире. Но несмотря на боль и неизбежное расставание с любимыми, мудрецы и большинство эльфов воспринимают смерть как «дар» людям. Самим эльфам даровано бессмертие, длящееся до окончания времен. Забавно, но, как правило, и эльфы, и люди сожалеют о невозможности обратного. Большинство эльфов завидуют способности умереть, большинство людей — эльфийскому бессмертию.

¹ Арда — мир, изобретенный Толкином, состоит из Средиземья (земля смертных восточнее Великого Моря) и Амана, где находятся Валинор (родина Валаров и некоторых эльфов) и Тол Эрессеа — остров, населенный эльфами.

Но две категории смертных не завидуют участи эльфов. Первая — кольценосцы, призрачные духи, преследующие Фродо до Раздоло. В первом фильме, «Братство Кольца», они на мгновение появляются в черных тяжелых мантиях на черных разнузданных конях. Эти Девять Всадников гонятся за Фродо и Кольцом, почти настигают их в гостинице в Забрении. На полпути к Раздолу, в развалинах Заверти, пятеро Всадников нападают на Фродо. Подгоняемый страхом, Фродо достает Кольцо и, надев его, ясно видит изнуренных стариков, увенчанных коронами. Эти Черные Всадники — назгулы, или стражи Кольца, неумирающие короли, принявшие девять колец и ставшие рабами Саурана.

Надевая Кольцо, Фродо словно попадает в иное измерение. Но для стражей Кольца это их постоянная реальность. Только надев Кольцо, Фродо может их видеть. Стражи Кольца так ужасны, потому что их невозможно убить, они не мертвы, но бессмертие для них — проклятие. Короли, взявшие кольца у Саурана, были людьми. Но, возжадав власти, эти девять людей присоединились к Саурону, и их существование продолжается, хотя они давно уже должны были обрести «дар» смерти. Таким образом, они «не мертвы», они — призраки, которые давно должны лежать в могиле, но существование которых поддерживает жестокая воля их хозяина Саурана и неизбывная жажда колец. Они преследуют Фродо из-за Кольца, и их существование полностью уничтожено желанием заполучить Кольцо. Близ Бруиненской переправы «конница бушующих волн» поглощает черных коней и их седоков, но те не тонут. Кони погибают, но «не мертвые» умереть не могут — это часть их наказания за жадность.

Описывая кольценосцев, Толкин доказывает, что бытие не всегда лучше небытия, хотя мы привыкли думать, что жизнь безусловно лучше смерти. Вслед за Аристотелем Толкин утверждает, что только естественное бытие хорошо. Любое другое бытие, любое неестественное бытие хуже смерти. Как и всех других существ, стражей Колец формирует их природа. И хотя Кольцо властвует над ними, все же по своей природе они люди. Внутренняя природа субъекта определяет не только рамки его возможностей, но и его потребности. Так, для цветка потребностью является цветение и вызревание семян для самовоспроизводства, и он умирает, когда цель достигнута.

Когда естественное удовлетворение потребностей встречает препятствия, наступает разочарование. Если у такого субъекта есть сознание, он понимает, что цель не достигнута. Если бобру не дать возможности строить плотину и спариваться, он зачахнет от неудовлетворенности своего бытия. Так же и для стражей Колец нескончаемое существование хуже смерти, поскольку оно включает в себе нескончаемую боль разочарования.

Другая категория смертных, не обольщающихся бессмертием эльфов, — благородные люди вроде Арагорна и честные хоббиты вроде Фродо. Почему-то они принимают смерть без разочарования. В награду за героизм и страдания Фродо разрешают уплыть в бессмертные земли. Там, в стране мира и вечности, он излечится от ран и печали. Но он уходит из Амана. Со временем он решает оставить круг жизни. После поражения Саурона и в конце своего правления Арагорн так же спокойно принимает смерть. То же самое происходит и с Арвен. Арагорн, Арвен и Фродо реализуют свой «дар» покинуть Арду, когда приходит их срок.

Несложно понять, почему стражи Колец с благодарностью приняли бы смерть как избавление от бесконечного страдания. Но гораздо труднее понять, почему и люди, и эльфы Средиземья называют смерть «даром». Большинство эльфов считают, что, когда люди умирают, их души исчезают навсегда. Почему же тогда эльфы завидуют возможности умереть? Эльфы признают за людьми «дар» быть не привязанными к кругам этого мира, но они не видят двух совершенно разных моментов истины. Следующий пример поможет понять разницу.

Предположим, некий ловкий полицейский посадил вас и вашего друга под домашний арест в двух разных домах. И там и там полно всяких развлечений, но ваш друг волен воспользоваться лишь теми дверями, что ведут в другие части дома. У вашего друга судьба эльфа: есть много занятий, но нет выхода. Если же вы обладаете судьбой человека, вы вскоре получите освобождение из дома-тюрьмы. Необходимые двери откроются и поведут вас куда-то за пределы дома. В таких обстоятельствах ваш друг вполне резонно может сказать, что у вас есть «дар», «привилегия» покинуть место.

Но благословен ли этот дар? Если хотя бы одна дверь ведет туда, где можно найти себе применение, тогда благословен. В таком случае выход за пределы дома, или из круговерти мира, — это хорошо. Но что если все открытые двери ведут в кромешную пустоту или в бездну, на острые камни? В таком случае будет ли благословением возможность выйти? Ощущая себя заключенными в мир без выхода¹, эльфы завидуют даже возможности

¹ Жан-Поль Сартр предлагает нам похожий сценарий в пьесе «За закрытой дверью», где три чужих друг другу человека заперты в одной комнате навечно.

быть уничтоженными. Не зная своей дальнейшей судьбы и приходя от этого в отчаяние, большинство людей Средиземья боятся, что их удел — глубокая бездна (уничтожение). При всем нашем неведении о смерти философы очень много рассуждают о ней.

СМЕРТЬ НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

Поскольку вместе с людьми и хоббитами Толкина мы разделяем «дар» смерти, нам нетрудно понять их страх перед смертью и перед тем, что за ней последует. В знаменитом монологе Гамлета «Быть или не быть» говорится именно об этом: смерть — «неведомая страна». Может, там спят и видят фантастические сны, а может, испытывают адские муки. Для Гамлета незнание того, что будет дальше, достаточная причина избегать смерти. В классической литературе ад живописно представлен Данте. Мультфильм «Далекая страна» и даже коммерческое телевидение показывают ад горящей страной, олицетворяющей наказание. А небеса изображают как счастливое место, где по облакам разгуливают ангелы, где беззаботные святые играют на арфах, но где при этом, наверное, скучновато. Обычная история. После смерти душа человека продолжает жить, но качество жизни изменяется в зависимости от того, добру или злу было посвящено его время на земле. Жизнь после смерти завораживает нас своими контрастами между мучением и блаженством. Неизвестность ожидающего нас пугает. А также привлекает философов.

Самое общее философское заключение состоит в том, что нам не следует бояться смерти. Аргументы у всех разные, но, наверное, самый известный на Западе

довод одновременно и самый ранний. В 399 году до н. э. Сократ, учитель Платона, был обвинен в многочисленных преступлениях. Суд, вынесший вердикт, предложил ему самому выбрать казнь (как того требовало обвинение) или заменить ее любым другим наказанием, какое придумает Сократ. Суд ожидал, что Сократ предпочтет смерти изгнание, но он их удивил. Он предложил провозгласить себя городским героем с пожизненным правом бесплатных обедов либо заменить казнь небольшим денежным штрафом. В своей «Апологии» Платон приводит доводы Сократа в пользу такого смелого шага. Отказавшись руководствоваться страхом неизвестности, Сократ пребывает в уверенности, что после смерти ему будет лучше. Может, он погрузится в вечный сон. А может, в своем раю он будет беседовать с уже умершими героями. Ни одна из перспектив не пугала его настолько, чтобы умолять суд заменить казнь меньшим наказанием. Он спокойно аргументировал принятие смерти.

Сократ известен своим «философским принятием смерти», основывающимся на разуме, а не на эмоциях. Больше двух тысяч лет интеллектуалы видят в Сократе блестящий пример философского отношения к смерти. Но частично доводы Сократа в пользу принятия смерти строились на его уверенности в дальнейшем существовании души после смерти. Он верил в бессмертие своей души.

Не все верят, что со смертью завершается сознательная жизнь, некоторые философы предполагают, что после смерти мы, возможно, просто прекратим свое существование, как многие эльфы в мире Толкина, эти философы настаивают, что человеческая смерть не имеет продолжения — это абсолютный конец. Но и те мыслители,

что настаивают на полном уничтожении, свободны от страха смерти. В своей книге «О природе вещей» эпикуреец Лукреций, утверждает, что только суеверные боятся смерти. Он уверен, что мы суть только наше тело и, когда оно умирает, мы исчезаем полностью. Хотя такое заключение может показаться мрачным, оно, по мнению Лукреция, сулит освобождение. Возможно, сам момент смерти и неприятен, зато быть мертвым несколько не страшно, поскольку мертвые не ощущают ничего. Этот замечательный вывод Лукреция влечет за собой другой — о бессмысленности ублажать священников и произносить молитвы.

Лукреций не единственный, кто воспринимал неизбежное уничтожение как освобождение. Экзистенциалисты Жан-Поль Сартр и Альбер Камю дают нам понять, что неизбежность смерти — благо. Зная о конечности нашего бытия, мы принимаем жизнь как дар. Приближающаяся смерть напоминает, что эта жизнь — все, что у нас есть, а значит, за отпущенное нам время надо прожить ее как можно разнообразнее и интереснее. Такое осознание требует огромного мужества, но смерть не дает нам отсрочки, и если мы хотим понять жизнь, необходимо делать это сейчас. Для Камю и Сартра смерть не является благословением, но, безусловно, знание о ее неотвратимости — великое преимущество.

БЕССМЕРТИЕ В СРЕДИЗЕМЬЕ

Пока философы пытаются примириться с полным исчезновением человека, эльфам Средиземья суждено бесконечное сознание. В отличие от стражей Кольца, которые существуют бестелесно, у эльфов всегда есть

тело. Даже после смерти их души недолго остаются без плоти, они получают новые тела и сохраняют память. У Толкина жизнь после смерти подается как перевоплощение. Самый очевидный и яркий пример перевоплощения во «Властелине Колец» — возвращение Гэндальфа. Проведя своих спутников через копи Мории, Гэндальф, спасая восьмерых воинов Братства, в одиночку принимает бой с Барлогом. Он не дает Глубинному Ужасу пройти по мосту, но отчаянный взмах хлыста Барлога увлекает Гэндальфа в бездну — навстречу неминуемой смерти, как всем тогда казалось.

Это стало ужасным ударом для всей компании, и, когда изменившийся Гэндальф предстает перед Арагорном, Леголасом и Гимли, идущими по следам Пина и Мерри, они вновь обретают надежду. Поведанная Гэндальфом история о падении в глубокую шахту, о борьбе с Барлогом и о возвращении была смутной и намекала и на смерть, и на победу. Но в письмах Толкин поясняет, что Гэндальф Серый действительно умер и Илуватар вернул Средиземью Гэндальфа Белого.

В Средиземье перевоплощение означает обретение тела, схожего с потерянным. Эльфы, погибшие в бою или от несчастного случая, перевоплощаются в Благословенном Краю. Гэндальф вернулся не тем волшебником, которым был. Он стал мудрее и могущественнее, это результат духовного роста. Гэндальф Белый обладает иным телом, нежели Гэндальф Серый. Если бы это было не так, его возвращение можно было бы назвать скорее воскрешением, чем перевоплощением.

Но если эльфы уверены, что смерть принесет им новое тело, то почему они завидуют человеческой смерти?

Даже в Благословенном Краю эльфы завидуют человеческой способности умирать и исчезать. Почему? Чего им не хватает? Отчасти, возможно, эльфам *скучен* этот бесконечный восторг. Даже очень хорошее, повторяясь снова и снова, может надоесть. Такой малопривлекательный образ рая побуждает философов вести споры о возможном человеческом бессмертии.

БЕССМЕРТИЕ НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ

Сегодня мало кто из философов верит в личное бессмертие. Но столетие назад большинство их полагали, что душа продолжает жить после смерти тела. Как правило, эти представления формируются религиозными убеждениями. Вера Сократа в жизнь души после смерти основывалась, возможно, на загадочной религии Пифагора. Многие восточные философские традиции вырастают из индуистской или буддийской религии. Восточные философы верят в перевоплощение, напоминающее эльфийский вариант смерти у Толкина. Человеческая душа, по их мнению, заключена в плоть. Когда тело умирает, душа меняет тело, как можно сменить дом или одежду. Некоторые считают, что все живое обладает душой и во время смерти душа перемещается в другую оболочку. При этом обычно предполагается, что степень совершенства тела, которое душа получит при очередном воплощении, зависит от качества жизни в последнем воплощении. Человеческая душа может продолжить свое существование в животном, если человек прожил жалкую жизнь.

Религиозные и философские школы, исповедующие перевоплощения, наиболее типичны для восточных

культур. Христианская и некоторые иудейские философские системы также основаны на идее бессмертия человека. Но перевоплощение здесь заменяется ожиданием воскрешения после смерти. В отличие от перевоплощенной души, душа воскресшая получает то же самое тело¹, но свободное от болезней и слабостей. Как это происходит — загадка, все объясняется волей Божьей, которая совершит объединение тела и души. Большинство христиан склонны рассматривать это как чудо и не интересуются, как это произойдет. Иисуса Христа распяли на кресте, тело было заперто в пещере, но на третий день он восстал из мертвых — в своем прежнем облике, с теми же ранами на руках от забитых гвоздей, но от тела его шло сияние, не было ни боли, ни болезней, ни смерти. Будучи католиком, сам Толкин верил в это, но ни один персонаж в Средиземье не проходит через воскрешение.

Тема жизни после смерти особенно волновала философов в Средние века. Христианские мыслители, такие как святой Августин и Фома Аквинский, много писали о природе души, о ее связи с телом и о доказательствах ее бессмертия. Многие из этих аргументов являются логическим развитием принципов греческих философов — Платона и Аристотеля. Подобное скрупулезное развитие идеи бессмертия души и воскрешения встречается в работах иудейских и мусульманских философов, в частности у Маймонида и аль-Газали. Философское обоснование воскрешения не завершилось в рамках Средневековья. Питер ван Инванген и Трентон Меррик — два ведущих современных философа,

¹ По крайней мере, традиционно. Например, у Фомы Аквинского в «Сумме теологии», у Кальвина в «Основах христианской религии». Многие современные теологи отвергают такое восприятие воскрешения.

отстаивающих точку зрения, согласно которой после смерти человека ждет воскрешение из мертвых. Во всех этих исследованиях бессмертие преподносится как финальное и бесконечное блаженство. Некоторые считают, что между смертью и небесными кущами расположено чистилище. Но, как и для героя Толкина Ниггла (Мелкина) из рассказа «Лист Ниггла» («Лист работы Мелкина»), совершенное счастье — последнее условие.

Однако в последнее время философская уверенность в человеческом бессмертии подвергается серьезным сомнениям, а религиозное изображение небес становится объектом пристального внимания. Многие философы утверждают, что после смерти нас не ждет ничего, кроме полного уничтожения. Другие говорят, что рай придумали всевластные священники, чтобы обманывать легковверных людей и держать их в подчинении. Третьи считают, что, даже если существуют небеса с их вечным блаженством, отправиться туда будет редким наказанием. Эльфы Толкина очень быстро устают от бесконечной жизни в Благословенном Краю. Почему же в раю мусульман, иудеев и христиан должно быть иначе?

Философы, сомневающиеся в существовании небес, обращают внимание прежде всего именно на эту проблему. В греческой мифологии Сизиф был навеки осужден в подземном мире закатывать камень на гору лишь для того, чтобы он скатывался обратно. Альбер Камю рассмотрел всю невыносимость такой судьбы в своем эссе «Миф о Сизифе». Сизифу приходится каждый раз справляться не только с камнем, но и с наказанием похуже — с полной бессмысленностью. Каждый раз, спускаясь с горы, он осмысливает тщетность своего

существования. На небесах, конечно, нет изнурительной работы и там никто не закатывает камней на горы, но разве эта участь многим лучше судьбы Сизифа: бесконечная, бессмысленная и скучная?

Ужасающая скука бесконечного существования занимает не последнее место в работах современных философов. Дуглас Адамс извиняется за свое бессмертие в новом выпуске бесконечной серии «Путеводителя „Автостопом по Галактике“» именно потому, что это становится невыносимо скучно. У него нет никаких важных дел, и такое бездеятельное состояние растянуто на целую вечность, и он решает по очереди, в алфавитном порядке, оскорбить всех во Вселенной. И снова бессмертие кажется скорее проклятием, чем благословением. Та же история о скучном бессмертии рассказана в сериале «Звездные войны», то же происходит в видеоигре *The Dig* компании *LucasArt*.

Не все, однако, согласны, что бесконечное существование должно быть чудовищно утомительным. У небес есть философы-защитники — в прошлом, скажем, Бозций (ок. 480—525 гг. н. э.). Перед лицом собственной казни он уверенно идет навстречу жизни после смерти тела. Он считает, что жизнь после смерти не будет скучной, поскольку небеса находятся за пределами времени. Загробная жизнь видится ему не чередой скучных бессмысленных моментов, а полноценным существованием, в котором времени не будет вообще. Современные защитники небес сравнивают это состояние с объятием любовников — в котором время, кажется, застывает — или с восторгом детей, повторяющих снова и снова одно и то же.

Заключение Бозция не подходит для Благословенного Края эльфов. Их существование привязано ко времени.

Но хотя в безвременье небес невозможно столкнуться с проблемой тоски, более привлекательными они не становятся. Мы не можем представить себя существующими вне времени, значит, мы не можем представить себе и жизнь на таких небесах. Застывшее время объятий и детского восторга вполне доступно и эльфам Толкина, и нам с вами. Но оба эти примера кажутся скорее ухищрением, чем решением проблемы. И объятие заканчивается, и дети, которых так легко развеселить, устают даже от самых захватывающих игр.

ПОЧЕМУ АРВЕН ВЫБИРАЕТ СМЕРТЬ

Теперь, кажется, легко понять, почему Толкин зовет смерть «даром» — просто потому, что она избавляет людей от утомительного бесконечного существования. Но вряд ли Толкин хотел заострить внимание именно на этом аспекте смерти. Если забыть заверения автора, что в его произведении нет никаких аллегорий, «Властелин Колец» — часть другой истории, написанной с точки зрения эльфов. Ценности эльфов формируют манеру изложения этой истории. Освобождение от груза бесконечного существования представляет особый интерес, поскольку этого не дано эльфам. Мысль, что они не могут вырваться из круга жизни, заставляет их размышлять о том, что жизнь может быть скучна, утомительна и напрасна. Самое большее, на что могут рассчитывать эльфы, — Благословенный Край, где воздается за труды и где почти нет боли, но этот мир тоже конечен. И именно потому, что он конечен, они могут узнать о нем абсолютно все. Для эльфов бессмертие — это жизнь до скончания этого мира.

В отличие от бессмертия эльфов, означающего отсутствие смерти в ожидающем гибель мире, христианские небеса, которые искал Толкин, — вечное загробное Братство. Самым благословенным эльфам, чтобы понять круги их мира, необходимо тем или иным образом из него сбежать. Для теистов, наоборот, небеса подразумевают все большее и большее познание Бога — безграничного добра. Такое благословение не может быть исчерпано, потому что невозможно познать Бога до конца. Бессмертие эльфов осуждено на бесконечное повторение, но на земле не может произойти такого повторения. В Боге всегда будет оставаться что-то еще. А поскольку Толкин верит, что новое в Боге всегда поразительно прекрасно, то оно никогда не надоест.

Но даже если на небесах будет не скучно, выбор Арвен все равно требует дополнительного объяснения. Хотя эльфы называют смерть «даром» для людей, они не считают, что после смерти люди будут испытывать бесконечное блаженство. И пока мудрые эльфы признают, что им неведома судьба людей после смерти, большинство эльфов полагают, что люди просто исчезают. Мудрецы из числа людей знают не больше мудрецов-эльфов. И большинство людей боятся, что истина заключается в том, что нас ждет абсолютное исчезновение. Арвен и Арагорн, однако, не относятся к большинству. Они необычайно мудры, и их любовь необычайно глубока. Выбор Арвен и желание обоих принять смерть могут быть объяснены их мудростью и любовью. Выбирая Арагорна, Арвен предпочитает краткую жизнь в любви бесконечной жизни без любви. Чтобы выйти замуж за Арагорна и наслаждаться совместной жизнью, ей придется принять смертную природу. Невозможно познать радости его любви и остаться бессмертной!

Предпочти она эльфийское бессмертие, и бесконечная жизнь без любви не радовала бы ее так, как короткая жизнь с Арагорном. Арвен выбрала смерть не ради нее самой. Она выбрала жизнь с Арагорном ради самой этой жизни и приняла неизбежную смерть как цену, которую она согласна за это заплатить.

Но это не единственный ее выбор. В конце, как Арагорн и Фродо, она решает принять смерть до того, как та придет к ней. Хотя Арвен, Арагорну и Фродо не много известно о загробной жизни, они знают две главные вещи. Во-первых, обладающие «даром» смерти не остаются в круге жизни. Во-вторых, смерть — дар Илуватара, Бога-Творца в мире Толкина. Они — дети Илуватара, отмеченные любовью более значительной, чем любовь между Арагорном и Арвен. Поэтому они оба принимают смерть, которая освобождает их и за которой последует благословение.

Что это за благословение — непонятно. Старейшие эльфы ждут «последней битвы», после которой мир рушится. Но их история на этом не закончится. Они продолжают заниматься «переделкой» этого мира, в котором не будет зла. Души эльфов (а в некоторых историях и души людей) вернутся в мир и будут наслаждаться бесконечным благословением. Происхождение данных историй неизвестно, но они согласуются с тем, что Арвен и Арагорн знают о любви Создателя к своим детям. В последних словах Арагорна к Арвен перед уходом из этой жизни звучит надежда:

Мы уходим в печали, но не в отчаянии. Смотри, Арвен! Мы не связаны ни с одним из Кругов Мира, а за этим Миром нас ждет не только воспоминание. Прощай! ¹

¹ Перевод А. Грузберга. — *Примеч. ред.*

Смерть избавляет их от боли и разочарований, свойственных жизни. И, как возлюбленные дети Создателя, Арвен, Арагорн и Фродо смело ожидают лучшей жизни в возрожденном мире. Мы будем столь же благословенны¹.

¹ Я признателен сыну Джонатану Дэвису и моим студентам Райану Дэвидсону, Мэтту Фрэю, Мэтью Крюгеру и Райану Райту за исследовательскую помощь и проницательные замечания к черновику этой главы.

11.
**ТОЛКИН, МОДЕРНИЗМ
И ЗНАЧЕНИЕ ТРАДИЦИИ**

ДЖО КРАУЗ

Все в этом мире висит на волоске, не так ли? Кольцо и зло чуть не побеждают в финале «Властелина Колец», и мы легко можем вспомнить множество моментов, когда все могло обернуться катастрофой. Если бы Саурон успел снарядить Черных Всадников до того, как Гэндальф понял, что кольцо Бильбо и есть то самое Кольцо, история могла бы закончиться, даже не начавшись. Если бы Фродо забыл то, чему его учили Бильбо, Гэндальф и Элронд, то он и Сэм мгновенно бы заблудились, оставшись одни после разделения отряда. Если бы Арагорн не перехитрил Саурона — не обнаружил бы себя в нужный момент, начав убедительную атаку на Мордор и отведя тем самым внимание от Фродо, — тогда вся битва была бы безнадежна. Если бы силы добра — Гэндальф, Элронд, Галадриэль, Арагорн и Фродо — не поняли бы, что

использование Кольца погубит их, тогда Саурон победил бы независимо от исхода битвы.

Такое количество «если бы...» в истории утомительно и смешно — на ум приходит Рэмбо, перебегающий из одного укрытия в другое и неуязвимый для многочисленных пуль, — но есть одна маленькая деталь, позволяющая героям Толкина избежать гибели. И заключается она в следующем: герои «Властелина Колец» часто спасаются, потому что помнят о том, о чем зло забывает. Гэндальф, например, знает, где находится Кольцо, потому что он и только он из всех сильных Средиземья не забывает проводить Шир. Он, Арагорн и Фарамир отважны, но не безрассудны. Порой они намеренно идут навстречу опасности, но никогда не делают этого необдуманно. Они изучают историю, предания, тактику, языки, географию, и обо всем, к чему бы ни обращались, они стараются узнать как можно больше. При них всегда их верные мечи и их сообразительность, но и про домашние дела они не забывают. Таким образом, Толкин хочет сказать нам: знание — значительнейшая составляющая героического в нас.

В своем эссе я утверждаю, что во «Властелине Колец» Толкин хотел сотворить мир, в котором познание и уважение традиций имело бы реальную весомую силу. Не забывайте, что Толкин был профессором, изучавшим и преподававшим языки Северной Европы, а значит, занимался общечеловеческими ценностями. Кроме того, он прошел солдатом Первую мировую войну, а его сын Кристофер участвовал во Второй мировой. И, естественно, Толкин знал слишком хорошо, что в современной войне победа во многом зависит от инженеров и промышленного потенциала. Он также знал о целых направлениях современной мысли, которые игнорировали

религию, историю, философию и древние культуры, очень высоко ценимые самим Толкином. Во «Властелине Колец» он, в частности, предложил концепцию, согласно которой во времена танков и механизированного оружия древние языки и тайные истории по-прежнему имеют вес и без них невозможна победа добра. Другими словами, он создал фэнтези, посыл которой разделяют многие из нас, англичан и преподавателей философии: внимательно слушая учителей в классе, ты, возможно, сможешь спасти мир, когда закончишь школу.

КАМНИ В ОГОРОД МОДЕРНИЗМА

Хотя, конечно, Толкин не просто призывает «учиться прилежней». Он ценит вполне определенное обучение, а именно такое, которое приводит к пониманию философии прошлого, а значит, предоставляет нам целый нравственный арсенал в борьбе с технологией и искушениями власти. Он побуждает своих персонажей, а может, и своих студентов, осознать свою личную связь с нравственной и философской традицией в Европе, потому что иначе их ждет катастрофа. Он заставляет посмотреть на западную историю и культуру почти как на религию. Вот как он описывает сыну в письме собственное влечение к традиции: «...меня никогда не обязывали преподавать что-нибудь, кроме того, чему я отдавался (и отдаюсь) с неугасимым энтузиазмом... Преданность «учению», как таковому, без оглядок на чье-либо мнение, приобретает особый смысл духовного призвания». Так что прежде всего Толкин хотел открыть студентам представление великих мыслителей прошлого о нравственном строении Вселенной. Если мы не изменим традиции, мы найдем

в ней мудрость, чтобы выжить и сегодня. Хотя такую мысль можно воспринимать условно, а во многих отношениях она действительно условна, так же как соотносимость английской деревни с хоббитовским Широм, но, выраженная в свое время, она была особенно актуальна. За поколение до Толкина такие разные мыслители, как Эзра Паунд, Пабло Пикассо, Зигмунд Фрейд, предложили радикально новый подход к искусству и человечеству, который предполагал совершенно низвергнуть привычное отношение к психологии и красоте. В то время как большинство современников Толкина принимали и распространяли идеи модернизма, Толкин призывал вернуться к традиции. В те полвека, в течение которых технология прошла путь от братьев Райт до атомной бомбы, Толкин пытался доказать, что старые ценности много значат в настоящем мире.

Философы и студенты культурологических факультетов спорят о том, что представляет собой «модернизм», но большинство признают, что он относится к очень широкому спектру идей и направлений, выражающих настроение и ощущение того, что все преходяще. По словам Маршалла Бермана, модернизм — «парадоксальный союз, союз разъединенных, который погружает нас всех в водоворот нескончаемого разъединения и обновления, борьбы и противостояния, неопределенности и муки. Принадлежать модернизму — значит быть частью Вселенной, в которой, по словам Маркса, «все, на что можно опереться, растворяется в воздухе». Так оно и есть, мы ощущаем модернизм как потерю почвы под ногами и крушение прежней философии. А это значит, что перед нами открываются новые, головокружительные возможности, но бывшая уверенность покидает нас. Некоторые ученые считают, что современная история сформировалась в конце Первой

мировой войны, когда большая часть Европы лежала в руинах, а выжившие в ужасе задавали вопрос: зачем ведущие мировые цивилизации вообще устроили эту бойню. Другие видят ее начало еще в Возрождении, когда Европа заново открыла для себя античную философию и когда католическая церковь потеряла статус выразительницы единственно возможной системы взглядов. В любом случае, к тому времени, когда Толкин взялся писать «Властелина Колец», в европейской академической мысли царил модернистское направление.

Определение Бермана показывает, как трудно дефинировать то, что имеет такую широкую область применения и распространяется практически на все. Наконец, оно свидетельствует, что многие понимают модернизм как полное отречение от традиционных ценностей. Несмотря на то что большинство современных мыслителей не согласны друг с другом, их объединяет общее чувство, что все бывшее до них неверно. Одна декларация модернизма, провозглашенная Карлом Марксом, утверждает, что классовая борьба — главный двигатель истории; другая, от Зигмунда Фрейда, — что все зависит от сексуальности человека. Обе системы настаивают, что традиционные методы объяснения поведения человека, пришедшие из религии или классической философии, не просто ошибочны, но устарели. Философ Фридрих Ницше выразил эту идею наиболее кратко своим знаменитым: «Бог умер». В современном мире новое, модернистское — во всех его значениях — в любом случае всегда лучше старого и традиционного. Мысли, которая не имеет под собой научной основы, просто не осталось места, и традиционная философия вместе с религией, словно некие предрассудки, отброшены многими крупными мыслителями.

Отвергая модернизм, Толкин понимал, что он в меньшинстве. В письме Хуане де Бортанадо он объяснял: «Если в моем произведении обнаруживается хоть какой-то намек на современность, то это, видимо, дань нынешнему широко распространенному высокомерию: если что-то должно иметь место, оно будет иметь место». Другими словами, отчасти он писал трилогию «Властелин Колец» как протест против взгляда на прошлое как на пережиток, против представления о том, что люди могут жить в отсутствии Бога, как они того возжелали. Толкин знал, что многие его коллеги готовы подписаться под обратным, но он добровольно выбрал свой путь. Он пошел на поиски прошлого и постарался обратить свое открытие на пользу современному миру. Он знал, что мир меняется — и реальный мир, и мир мысли, — и отвечал на эти изменения изучением забытых трудов и возвращением их студентам и широкой публике. В ответ на хаос, который многие приветствовали, а кто-то и боготворил, он вновь заявлял о важности и ценности традиции.

Наконец, Толкин понимал модернизм, как саморазрушительную реакцию на высокомерие настоящего, которое призывало уничтожить пережитки прошлого. Как всякому любящему природу, ему было больно видеть безрассудное и безудержное уничтожение знакомой ему деревни. (С этой точки зрения легко увидеть в онтах фантазию на тему: как леса будут бороться с нами, если мы будем слишком жестоко с ними обращаться.) Как всякий истинно религиозный человек, он, можно сказать, относился к современным мыслителям с сожалением и грустью, потому что они потеряли свою религию, в частности католицизм, и не понимают всего масштаба этой потери. Толкин воспринимал модернизм, по

крайней мере отчасти, как неприятие вещей, которые он ценил. Он по собственному опыту представлял, сколько необходимо работать и в сфере мысли, и в области эмоций, чтобы поколение, пережившее Первую мировую войну, поверило в мудрость традиции, но он знал также, что во все времена было трудно найти направляющую идею. Он видел, как слишком многие его современники выбирали легкий путь отрицания западной традиции, которая сформировала в том числе и их скептицизм. По преимуществу он не доверял современному настроению, воспринимая его как отчаяние, и в какой-то мере противопоставил себя ему, создав роман фэнтези, в котором описал современное состояние вещей.

МОДЕРНИСТСКОЕ ОТЧАЯНИЕ САРУМАНА И ДЕНЭТОРА

Самый модернистский персонаж во всей трилогии — Саруман, несмотря на то что по иронии судьбы когда-то он учился древним практическим навыкам. За много веков до событий «Властелина Колец» он возглавлял Белый совет, главную силу в Средиземье, противостоящую Саурону. И даже встав на сторону зла, он продолжает противостоять Саурону. Он хочет обладать Кольцом, чтобы уничтожить Саурана и захватить мир для себя. Проблема в том, что Саруман забыл свою мудрость. Он с головой окунулся в собственное учение, разочаровался в том, что некогда узнал с помощью палантира, и потерял веру в традицию, чьей значительной частью являлся недавно и сам. Он считает, что знает мир, живя фактически отшельником в своей башне в Ортханке. Он смеется над Гэндальфом, спросившим про

Кольцо: «Кольцо поглотил Андуйн Великий, и, пока Саурон был безликим призраком, течение унесло его сокровище в Море...» Конечно, он ошибается. Кольцо у хоббитов, и нам, читателям, доставляет особое удовольствие узнать, в каких дураках он оставляет сам себя.

Но главное не то, что Саруман заблуждается в фактах. Главное то, что его превратный взгляд на мир имеет ту же природу, что и заблуждения Саурона. Он не может себе представить победы без Кольца и больше не признает добродетели ни в эльфийской мудрости, ни в естественной силе. Он заявляет, что не хочет видеть мир под управлением Саурона, но тут же отвергает и веру в традиционные силы Средиземья. Как он говорит Гэндальфу:

Предначальная Эпоха миновала, Гэндальф. Средняя тоже подходит к концу. Начинается совершенно новая эпоха. Годы эльфов на земле сочтены; наступает время Большого Народа, и мы призваны им управлять.

Эти слова уподобляют его Ницше. Он видит старый мир истощенным и изнуренным и предлагает завоевать то, что осталось. В итоге он превращается в пародию на Саурона, плодя собственную расу орков и изобретая адские машины, извергающие дым. Он продолжает свои исследования, но совершает это под влиянием Саурона; он изучает детали прошлого в поисках личной власти, а не для воссоединения с Богом и с силой, пославшей его разведчиком с Запада. В своих изощренных попытках спасти Средиземье, он совершает роковую ошибку: за деревьями он не видит леса. Он пустил лес Древня на строительство своих шахт — онты восстали и свергли его.

Денэтор, наместник Гондора, поступает так же, теряя свое положение могущественного человека в Средиземье

и впадая в параноидальное отчаяние. Как и Саруман, он глупо использует палантир для того, чтобы понять, что можно отобрать у мира, не отваживаясь вступить в него. Он наверняка знает, что только настоящие короли могут повелевать, но тем не менее пытается сам управлять. Ему кажется, что он на самом деле контролирует происходящее. Он обладает силой противостоять глазу Саурона, который смотрит на него, но он не замечает, насколько при этом Саурон управляет его видением, так что ему становятся доступны лишь мрачные известия, которые окончательно подрывают его дух. Как он заявляет Гэндальфу:

Откуда знать тебе, Серый Глупец, сколь много я отсюда вижу?
Надежды твои — от неведенья.

Он отворачивается от традиционного и достойного служения тому, кто придет после. Он ведет себя не как временный наместник отлучившегося короля, но так, словно сам является королем. Его размышления приводят к выводу, что надежды нет, и он не хочет оспорить это заключение. Вместо этого он запирается в своей комнате и пытается убить сына Фарамира, чтобы подвести славную черту великой истории, которая, как он чувствует, уже подходит к концу. Через образы Денэтора и Сарумана Толкин критикует модернизм: «...если во времена кризиса ты не примешь мудрость прошлого, тебе остается лишь уничтожить настоящее». И хотя, как всегда, есть надежда, слабая надежда, которую дают тающие силы Минас-Тирита и совет Гэндальфа, но Денэтор предпочитает отчаяние, а не верность традиции и мудрости, из которых он прежде черпал свои силы.

**МУДРОСТЬ СЭММИУМА
ИЛИ МУДРЫЙ ПАРЕНЬ ПИН?**

Парадоксальность мудрости и невозможность ее постижения отлично просматриваются на примере Сэма и Пина. Почти повсеместно во «Властелине Колец» Пин совершенно безрассуден, он забывает все, что говорят ему Гэндальф и другие, и вечно совершает глупости. Зная, что следует производить как можно меньше шума и никому не мешать, он кидает в колодезь Мории камень. Это пробуждает Глубинный Ужас, в борьбе с которым погибает Гэндальф. Позже он, не в силах удержаться, утаскивает палантир и заглядывает в него. Тем самым он едва не открывает Врагу миссию Фродо, хотя его предупреждали, что лучше держаться подальше от камня. Так, Мерри говорит ему:

Ты вспомни-ка присловье Гаральда, которое Сэм любил повторять: «В дела мудрецов носа не суй — голову потеряешь!»

Он помнил слова эльфов и знал, что хитрит с той властью, что помогала ему до сих пор оставаться в живых, но поделаться с собой ничего не мог. Его любопытство разжигает сам Саурон с помощью камня, к которому прикоснулся Пин и который ему подкинул Гнилоуст, тем самым подставляя Пина под чары Саурона, но Пин мог бы им противостоять, будь он сознательнее и держись он своих знаний о добре и правде.

Пин слишком похож на ребенка, чтобы страдать модернистским отчаянием Сарумана или Дензтора, но его беспечность имеет те же корни. Отказываясь уважать слова Гэндальфа и эльфов, он демонстрирует абсолютное неуважение ценностей, которые становятся залогом

успеха всех положительных героев. Его проблема в том, что он не может быть серьезным. Он понимает, что участвует в предприятии, от которого зависит судьба мира, но при этом он беззаботен и не замечает проблем этого предприятия. Он забывается в самых неподходящих обстоятельствах и ведет себя, в сущности, так, что его слабость становится самой большой проблемой для всех. Он делает что пожелает, словно проверяет преподанную ему мудрость. Тем самым он представляет собой классическую модель клоуна. Он не специально делает зло, он просто недостаточно зрел, чтобы надолго сосредоточиться на серьезном путешествии. Если бы он сумел сконцентрироваться на ситуации и на своих действиях, он мог бы избежать очень многих проблем.

В противоположность ему Сэм, чьи простецкие манеры часто напоминают деревенского дурня, всегда учится и в любой момент может сосредоточиться. Он единственный из всех членов Братства догадывается о намерении Фродо уйти в одиночку, и он запросто высказывается на серьезных собраниях, например на Совете Элронда, куда его даже не приглашали. Как хвастался Жихарь, Сэм, будучи еще ребенком, выучился всему, чему его мог научить Бильбо. Жихарь говорил:

Подавай ему дни былые; а господин Бильбо знай рассказывает, а мой дурак слушает. Господин Бильбо его и грамоте научил — без худого умысла, конечно, ну, авось и худа из этого не выйдет.

Так и есть, Сэм оказывается необычайно ученым для неграмотной семьи. Учась у Бильбо, он узнал об эльфах и о Первой Эпохе, эти знания помогли ему остаться

живым в башне Кирит-Унгол. Он знал, что для победы над часовыми надо воспользоваться фиалом Галадриэли, а не Кольцом, и знал секретный эльфийский пароль «Элберет». Максимально используя свой небольшой багаж знаний, Сэм сумел преодолеть наитруднейшие препятствия Саурона, спасая себя, Фродо и Кольцо в самый опасный момент путешествия. Он успел побывать даже Хранителем Кольца. И только он да Бильбо единственные были так чисты в своих помыслах, что по собственному желанию отказались от Кольца.

Постепенно Пин взрослеет настолько, что частично обретает силу Фродо и Сэма. Как стражник Гондора он принимает свои обязательства очень серьезно и играет не последнюю роль в спасении Фарамира, а позже активно участвует в спасении Шира, опустошенного мстительным Саруманом. Еще более поразительно его будущее: Толкин в предисловии говорит, что Пин после Войны за Кольцо стал величайшим библиотекарем в Средиземье. Под его руководством в доме Кролов была собрана большая часть важнейших манускриптов эпохи, а сам Пин принес в Гондор полную историю Фродо и Бильбо о Войне за Кольцо, и в Гондоре их вписали в общую летопись. Это радикальная перемена — по сути, из Барта Симпсона он превратился в Бена Штайна, что в свою очередь лишь подтверждает уверенность Толкина в том, что героизм напрямую связан с ученостью. С наступлением Четвертой Эпохи — золотой эры, которую Арагорн провозгласил, вступив на трон, — многие поняли, что можно сложить оружие, и все стали учиться просто ради самих знаний. Пин наконец вернулся из своих путешествий, повзрослел и нашел свое призвание в том, чтобы служить хоббитам как мудрый ученый.

ПОБЕГ В СРЕДИЗЕМЬЕ

Если память о великих традициях эльфов и нуменорцев позволяет героям Толкина избежать многих кризисов, постижение этих традиций читателями позволяет им избежать опасностей иного рода. Может, читателю XXI века и не грозит столкнуться с Шелоб или с ордами орков, но нам постоянно приходится бороться с разного рода отчаянием, сродни отчаянию Сарумана и Денэтора. Сегодня очень легко разочароваться. Спросите себя хотя бы, как часто вы предпочитаете телевизор или прогулку по всемирной паутине занятию чем-нибудь существенным. А если серьезно — задумайтесь, как часто ваши побуждения сталкиваются с представлениями и мнениями, которые формируются средствами массовой информации. Невозможность сосредоточиться порождает у многих людей ощущение пустоты и чувство неудовлетворенности, с которого начинается движение к полному отчаянию. Как поэт Брюс Спрингстин: «Пятьдесят семь каналов, а смотреть нечего». Хотя для читателей «Властелина Колец» это вряд ли актуально. У них есть фэнтези, которое несет в себе истину, и реальность, в которую можно верить. Можно делать что-то большее, чем ежедневно прочитывать кипы газет убогого содержания, и тогда в жизни появляется лучшая цель.

По мнению Маршалла Бермана, сбежать от модернизма невозможно. Он считает, что, даже если мы избавимся от неприятного ощущения растворения привычного мира, мы все равно будем чувствовать перенасыщенность современного мира возможностями. И действительно, он рассматривает модернизм как нескончаемый поток возможностей для создания бесконечного числа новых вещей. Берман описывает это так:

Жить в мире модернизма — значит ощущать вокруг обещание приключения, силы, радости, роста, изменений внутренних и внешних и в то же время чувствовать угрозу тотального уничтожения — уничтожения всего нам знакомого и нас самих.

Другими словами, мир модернизма обещает великую силу, но не дает инструкций по ее применению. Вдохновляя нас бесконечными возможностями создания нового и показывая непреложную конечность любой вещи, он лишает нас абсолютной категории добра. Модернизм привлекателен, он зачаровывает нас обещаниями разнообразия форм, но тут же и предает нас. В мире модернизма какого бы успеха мы ни добились, он станет началом разочарования, а возможно, и отчаяния.

Этому представлению Толкин противопоставляет свое Средиземье как антимодернистскую фантазию. В отличие от Бермана, он предлагает достичь лучшего, не используя силу, которую мы не можем контролировать. В этом свете само Кольцо видится порождением модернизма. А наиболее глубоко отчаяние тех персонажей, кто не может представить себя вне этой силы. Они подчиняются злу, потому что мечтают использовать злую силу для достижения добрых целей. И наоборот, «выдержавшие испытание» Кольцом, те, кто способен действовать без этой силы, избегают того, что Толкин называет «ложным затруднением». Фродо, Арагорн и Гэндальф одерживают победу над Сауроном, лишая его силы опосредованно, не сражаясь с ним лицом к лицу. Как метафора модернизма, Кольцо воплощает собой ложную силу, к которой люди стремятся, чтобы переделать мир. Читатели же способны избежать дилеммы модернизма, как пишет Берман, следуя примеру героев

Толкина — возвращаясь к мифическому прошлому и находя свое место в истории, которая никуда не исчезала.

Некоторые критики обвиняют Толкина в том, что он отвергает многие признанные философские взгляды своего времени. Они говорят, что он избрал легкий путь побега, и вменяют ему в вину отрицание тех идей, какие он вовсе не имел в виду. Самый яркий из таких критиков — Катарина Р. Стимпсон, которая в своей работе 1969 года заявила:

Толкин не оригинален, не оригинален, зануден и сентиментален. Его прославление прошлого — комикс для взрослых... для тех, кто изучает сомнительные тексты XX века в школе, он систематизирует отчаяние модернистов. «Бесплодная земля» с комментариями, без слез.

С ее точки зрения, Толкин отвергает как существующий реальный мир, так и его художественное осмысление, даже не пытаясь с ним разобраться. По ее мнению, он игнорирует вызов, брошенный всем нам модернизмом и предлагающий найти собственную истину в мире, где истина как таковая вообще невозможна. Ей кажется, что он дает безобразно простой ответ. Она считает, что он восхваляет многое, от чего в современном мире отказались: наследное королевство, непоколебимую веру, упование на сверхмощную волю, которая разрешит все человеческие кризисы, представление о темнокожих, коренастых людях с юга как о язычниках и злобных варварах. Стимпсон называет «Властелина Колец» причудой, хотя сегодня это одна из самых популярных книг и с момента заявлений критика выросло новое поколение, в то время как она

и представить себе не могла, что читательская аудитория будущего обратится к Толкину за каким бы то ни было вдохновением.

Но в то же время, следует признать, что Толкин хотел, чтобы его история была воспринята модернистским миром. Как становится ясно из приложений, его Средиземье — это Земля за много лет до нашего времени. С окончанием Войны за Кольцо Арагорн объявил новую золотую эпоху, но и она временна. Его потомки постепенно растеряют унаследованное от него благородство, а на закате эпохи народ забудет славу королевства Арагорна, к власти придут люди помельче и забудут Истину, бывшую тайным оружием героев Войны за Кольцо. Другими словами, «Властелин Колец» — это, отчасти, история о том, как мы обрели современный несовершенный мир. Толкин объясняет в письмах, почему он оставил свою историю, как только она вошла в фазу Четвертой Эпохи, где события вершатся и разрешаются людьми принципиально иными. Он начал, но остановился, объясняя: «Я мог лишь развить сюжет в „триллер“ и завершить его — но и только». Функции истории меняются в мире Толкина, когда исчезает сверхчеловеческое зло. Какое зло может прийти ему на смену? — очевидно, молодежный «культ орков» — попытки нового поколения оживить интерес к уже вымершим оркам, но это зло порождается людьми, и истребить его автору не по силам. За Морем есть великая Истина и великие силы, но они невидимы и действуют по неведомым законам. Мир Толкина изменился, иногда он напоминает о прошлом, но он измельчал, преобразился настолько, что мы узнаем в нем уже собственно наш мир.

Итак, может показаться, что Толкин создает некие срединные земли, чтобы своей выдуманной историей

объяснить современный кризис. Но он не воспроизводит условия XX века, послужившие питательной средой для распространения модернистских идей. Вместо этого он создает кризис в Средиземье, столкнувшись с которым его персонажи оказываются перед теми же проблемами, что и читатель в реальном мире. Его герои вынуждены разрешить тот же сложный вопрос, что стоит и перед нами: во что верить, — но им повезло больше: они живут в мире, где существует истина. Их кризис кажется похожим, но их победа, их успех многим из нас представляются не более чем фантазией. Актуальность «Властелина Колец» объясняется отчасти той истиной и могущественной правдой, с которыми мы встречаемся на его страницах, верностью им, несмотря на противостоящую великую силу зла. Его герои выглядят вполне реалистически, потому что их сомнения и отчаяние — главные опасности модернистского мира — настолько велики, что они рискуют превратиться в героев ложных — вроде Сарумана и Дензтора.

Возможно, Толкин мало объясняет сам модернизм, но он описал главное: его альтернативу. Он знал: живя в двойственном мире, его читатели жаждут уверенности. Сам он сокрушается о том, что интеллектуальные и культурные традиции, прославляемые им, исчезают или подвергаются нападкам. В созданном им мире эти традиции крепче наших, поскольку, в отличие от наших, они напрямую связаны с платоническими источниками. Его боги посылают ангелов вроде Гэндальфа, до которого можно дотронуться и с которым можно поговорить. Его мессии действительно становятся королями на земле. Толкин осознавал, что создает литературу, нечто развлекательное, но при этом он надеялся также предоставить

своим читателям возможность скрыться от модернистского мира. Та же мудрость, что помогала его героям убегать от зла в Средиземье, служит и современным читателям, которые могут сбежать, так сказать, от модернизма. В Средиземье достаточно признаков того, что со временем оно уподобится нашему собственному миру, но пока оно остается волшебной страной. С помощью Средиземья Толкин попытался представить, каким был бы мир, если бы мы не сомневались в истинности добра и правды, хотя добро здесь находится в состоянии войны со злом, чем смутно повторяет наш мир. В своей трилогии Толкин предложил идею мира, который движется к модернизму, но пока еще не достиг его и находится на том этапе, когда еще можно отвергнуть то, что угрожает нам пресыщением.

12.
**ЗЕЛЕНОЕ ВРЕМЯ ТОЛКИНА:
ТЕМЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
ВО «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ»**

Эндрю Лайт

Моя подруга Джулия спросила, над чем я работаю в данный момент. Я скромно ответил, что пишу эссе для книги о «Властелине Колец», которая составит серию с книгами о «Симпсонах», «Матрице» и других явлениях современной культуры. Я несколько смутился оттого, что она была серьезным историком искусства и могла ошибочно решить, что я балуюсь дилетантскими рассуждениями о культуре.

Однако ее ответ удивил меня: «Толкин изумителен! — сказала она. — Seriously, в детстве я дважды читала „Властелина Колец“, и эта книга произвела на меня огромное впечатление. Многие годы я запрещала читать ее моему брату, потому что хотела, чтобы этот мир был только моим». Для многих людей вроде Джулии Средиземье —

очень важный мир, не просто вымышленная реальность, но своеобразные спасительные берега, к которым они возвращаются вновь и вновь, чтобы почерпнуть новое очарование и вдохновение.

Но и я, и Джулия решили, что мое задание написать главу о «Властелине Колец» с точки зрения защиты окружающей среды — занятие унылое. Разве вся эта книга не об окружающей среде, не о природе и разве все персонажи трилогии не представляют собой природу? Ученый Патрик Карри утверждает, что произведение Толкина наполнено экологическими программами. Карри идет дальше, он заявляет, что «Властелин Колец» — тайный манифест в защиту окружающей среды, что было оценено много позже, во времена расцвета радикального движения зеленых в конце 60-х и начале 70-х годов. Сам Толкин не любил аллегорий и возражал против подобного восприятия своего произведения. Встречая попытки провести параллели между «Властелином Колец» и Второй мировой войной, он настаивал на отсутствии всяческих аллюзий в своей книге с текущими событиями.

И все же невозможно не заметить, насколько серьезна тема окружающей среды в книге; особенно когда мы наблюдаем опустошение, производимое Сауроном и Саруманом — хранителями двух башен. Например, в финале трилогии, когда хоббиты возвращаются в Шир и видят, как их эдем превращен Саруманом в индустриальную пустыню XIX столетия (этакий вариант Средиземья по модели Манчестера или Питтсбурга на рубеже веков), — разве это не очевидная критика разрушений, производимых индустриализмом, уничтожающим традиционные связи между людьми и землей? Разве это не актуальная, не достойная обсуждения тема: насколько

приемлемы прогресс и глобализация и необходимо ли бороться с ними, чтобы предотвратить на сельском юге то, что случилось на промышленном севере?

Возможно. Но оценивая текст, обычно принято уважать уникальность произведения и его отличие от других текстов. Обсуждая тему статьи с Джулией, я вдруг понял, что, ставя перед собой цель написать о представленной в романе (или фильме) борьбе за приемлемый прогресс, я рискую проглядеть самого Толкина. Причина не в том, что я не смогу вычленить нужный смысл из «Властелина Колец», просто такая проблема будет казаться второстепенной относительно подлинной мощи и значимости текста, в котором происходят уникальные вещи. Меня смущало не то, что сам Толкин мог бы возражать против такого аспекта прочтения, но то, что при этом было бы невозможно отдать справедливую дань поистине волшебному влиянию, которое эта книга оказывает на жизнь реальных людей.

Итак, в этой статье мы не последуем за Карри, но все же будем придерживаться нашей основной темы: окружающая среда во «Властелине Колец», представление геологического и естественного времени. В трилогии нет собственно геологического времени в нашем понимании (как отраженные в геологическом развитии миллиарды лет существования Земли от ее зарождения до настоящей эпохи), тем не менее «Властелин Колец» выстроен по некой временной шкале, которая связана с миром природы и по которой отсчитываются события основной драмы истории. Главными персонажами, свидетельствующими об этом времени, являются Том Бомбадил и онты — именно через них во «Властелине Колец» происходит постижение далекого прошлого, посредством которого «природа» создает фон событий настоящего. В этой

длительной перспективе, которую я назову «зеленое время», Толкин помогает нам понять важность природы как авансцены и фона для событий самой разной степени значимости и в то же самое время подчеркивает нашу за нее ответственность. Когда мы осознаём этот аспект текста, нам удастся понять способы преодоления наших собственных современных проблем загрязнения окружающей среды — не важно, будут ли эти решения найдены Толкином или нет.

КТО ЗА ЧЕМ СТОИТ?

Для начала было бы любопытно рассмотреть разные народы Средиземья, особенно нечеловеческого происхождения, в качестве разных типов природы. Тогда, изучив эти народы, можно было бы в свою очередь постичь разные формы естественного мира. При этом нам следовало бы представить эльфов как воплощение леса, гномов — гор, хоббитов — окультуренной сельской местности. В конце концов, эти народы почти всецело обитают в своей «родной» стихии. А когда в продолжение действия они рискуют покидать родные места, то по-настоящему чувствуют себя дома, только вернувшись в свою среду обитания.

Например, гном Гимли — единственный из всего Братства, кому нравится идея идти через копи Мории в Мглистых горах. Отчасти потому, что он надеется встретить там брата Балина, который должен был охранять крепость гномов, отчасти потому, что он, видимо, единственный, кого не страшат подземелья. Позже, в «Возвращении Государя», нам предоставляется возможность увидеть глазами Гимли Стезю Мертвецов,

пройденную им вместе с Арагорном и Леголасом. Сделано это специально, чтобы передать, насколько необычно для Гимли бояться подземных глубин, и тем самым усилить тот ужас, который испытывала вся остальная компания.

Люди же, напротив, расселяются везде и всюду в Средиземье — почти так же, как, по мнению большинства защитников окружающей среды, это происходит в нашем сегодняшнем мире: они могут жить в любом месте, но совершенно никак не связаны с местом, в отличие от эльфов, гномов или хоббитов. Мы знаем также, что с окончанием Третьей Эпохи, которое ознаменуется завершением войны, в наступившей Четвертой Эпохе преобладающей расой будет раса людей — подобно тому как сейчас на нашей планете доминирующим видом является человек. Углубляясь в историю других народов Средиземья, мы можем обнаружить много общего с эволюцией человека, который, будучи в доисторическом прошлом всего лишь одним из множества видов, пришел к сегодняшнему доминированию и бесспорному положению хозяина всего живого.

Однако рассматривать народы Толкина через соединение их с окружающей средой сложно, поскольку в повествовании существуют другие персонажи и люди, которые тоже связаны с тем же самым уголком естественного мира. Возьмем, к примеру, леса. И в «Хоббите», и во «Властелине Колец» все время подчеркивается особое отношение эльфов к лесам Средиземья, особенно к Лихолесью, где живут родичи Леголаса, и к Лориэну, где обитают Галадриэль и Селербээн. Они испытывают и постоянную тягу к лесу, отсюда, например, желание Леголаса увидеть Фангорн, таинственный лес

рядом с Изенгардом. Подобно тому как Гимли стремился в Морию, Леголасу, кажется единственному из всего Братства, действительно интересно попасть в Фангорн, репутация которого тоже оставляет желать лучшего. Хотя эльфы там действительно не живут, Леголас, тем не менее, испытывает искушение посетить места, чем-то похожие на его родные.

Другая, еще большая проблема состоит в том, что Фангорн является домом совсем особого народа. В «Двух Твердыхнях» мы знакомимся с онтами — еще одним «свободным народом» Средиземья, как они сами себя представляют. Сначала их встречают Мерри и Пин, сбежавшие от Урукхай — более совершенной разновидности орков, выведенной Саруманом. Сбежавшие Мерри и Пин укрылись в Фангорне и там наткнулись на Древня, предводителя онтов, который сыграл ключевую роль в свержении Сарумана.

Встреча с Мерри и Пином озадачила Древня. Он не мог понять, что они за существа, поскольку никогда таких не видал. Узнав, что они хоббиты, Древень решил внести их в свои «листы памяти», которые знает наизусть каждый онт. Листы содержат перечень всех народов Средиземья, и эльфы описаны там как самый древний народ. На самом деле, как мы узнаем, именно эльфы оживили онтов и другие деревья в далеком прошлом Средиземья. Эльфы «учили их своему языку и учились по-ихнему» — если верить Древню, и хотя мы знаем, что эльфы не буквально создали онтов, в каком-то смысле они их разбудили. Что хотел Древень этим сказать? Очевидно то, что эльфы помогли онтам обрести способность мыслить, а потом и говорить. Но эльфы не вывели онтов, подобно тому как «Черная Сила севера» вывела орков. Эльфы просветили,

если хотите, часть сырого материала земли, который был таковым сотворен. Хотя онты — это не совсем деревья, от Древень мы знаем, что они им очень близки. Древень говорит, что многие из его родственников вообще не ходят теперь и, по существу, превратились снова в деревья, а может, в какой-то степени, вернулись к своему первоначальному естеству. Онты показаны как тугодумы, но по-другому и не представить думающее дерево — они мыслят не спеша, медленно и основательно и ведут они себя, по сути, как очеловеченные деревья.

Если бы мы стали утверждать, что эльфы персонифицируют леса Средиземья, поскольку выше мы уже отчасти доказали возможность такого утверждения, то столкнулись бы с проблемой: а что же тогда персонифицируют онты. Олицетворяют ли они наряду с эльфами леса? А если так, то, может, кто-то еще олицетворяет лес? Древень, естественно, говорит Мерри и Пину: «...никто сегодня не заботится о деревьях так, как я, даже эльфы». Но то, что он делает вместе с другими онтами, — нечто большее, чем просто забота о лесе, поскольку в повествовании онты выступают как голос самой природы, которая говорит через них. В конце концов, именно онты, а не эльфы лучше всего представляют лес. То же самое можно было бы сказать и про взаимоотношения между горами и гномами, хотя последние и не имеют конкуренции вроде той, что существует между онтами и эльфами. Но под землей наряду с гномами живут и другие расы, которые не отождествляют себя с горами. Поэтому в Средиземье никто ничего не персонифицирует, но сама местность оказывается живым персонажем.

ЗЕЛЕНОЕ ВРЕМЯ

Но если природа Средиземья представляет сама себя и говорит сама за себя, тогда что отличает ее от традиционных олицетворений художественной литературы? Одна важная особенность: онты, Том Бомбадил и другие изначальные жители Средиземья так или иначе живут в ином, нежели прочие народы и персонажи повествования, времени. Они представляют если и не буквально иной масштаб времени (поскольку эльфы бессмертны и, конечно, существуют в отличной от людской временной перспективе), то, по крайней мере, более соотносимый с естественным миром¹. Самое поразительное, говоря словами сказки, что доказательство тому мы видим в кардинальных переменах, происходящих с этими персонажами по окончании войны. Поскольку они не склоняются ни к какой из сторон, их участие в войне больше факт случайных обстоятельств, чем что-либо еще². И хотя другие народы могут причинить им вред, они равнодушны к происходящим

¹ Некоторые понимают бессмертие эльфов как контрпример длительной временной перспективы, которую я называю зеленым временем. Если эльфы бессмертны, значит, их не должны интересовать дела людей. Разница становится понятна из исторической вражды между эльфами и Сауроном (а также более ранними воплощениями зла), поэтому эльфы действительно озабочены делами людей больше, чем природой или чем-либо еще, ради победы над Врагом. Отношения эльфов и людей отличаются уникальностью и близостью. Толкин говорит, что эльфы всегда поддерживают усовершенствование человеческих способностей. По Толкину, «эльфы представляют собой... артистический, эстетический и интеллектуальный аспекты человеческой природы, которые проявляются у эльфов на порядок выше, чем у людей».

² Питер Джексон позволил эльфам принять более непосредственное участие в войне, приведя их в киноверсии «Двух Твердынь» на помощь Рохану в Хельмову Падь.

событиям в той же мере, в какой мы безразличны по отношению к земле.

В «Хранителях» зеленое время выражено наиболее ярко в Томе Бомбадиле. Впервые Том встречает четырех хоббитов, когда те идут из Шира в Раздол. Их путь пролегает через таинственный Вековечный Лес. Как мы узнаем позже, это всего лишь уголок жуткого места, описанного Элрондом: «белка, прыгая с дерева на дерево, могла перебраться из сегодняшней Хоббитании в Сирые Равнины у Мглистых гор». Там хоббиты попались Старому Вязу. Древнее разумное дерево хотело сожрать Пина и Мерри и поймало их в свою ловушку. Как раз в это время мимо проходил Том, распевая песни; он заставил дерево освободить хоббитов. Том пригласил всю четверку в свой дом, стоявший на краю леса у Могильников, где он жил с женой Золотинкой, «дочерью Реки». Оставшись с Томом и Золотинкой, хоббиты ощутили мистическое, волшебное наслаждение, этаким транс естественной чистоты, в котором нет ни нужд, ни — до поры до времени — страхов. Когда хоббиты спросили у Золотинки, кто такой Том, она сначала ответила, что «он такой и есть», а потом добавила: «Он здесь всему хозяин: ему подвластны леса и воды, холмы и доли». Это означает не то, что он хозяин над ними («деревья и травы и все обитатели нашего края живут себе и живут, ничьих им велений не нужно»), но то, что он полностью их понимает. Частично потому, что, как он объяснил, он был тут «издревле»: «раньше рек, лесов и трав, прежде первых ливней... Все на памяти у Тома».

К сожалению, Том остается загадкой; и для ученых, и для преданнейших фанатов он — повод для споров. Проще всего объяснить этот персонаж как некий

необычный природный дух, не похожий ни на кого в книге, умеющий понимать мир природы и знающий, как с ним обращаться. Некоторые, однако, полагают, что он разновидность Майа (могущественный бессмертный дух вроде Гэндальфа или Саурона) или даже Валаров, ангелов-защитников мира. В письмах Толкин объясняет, что Том — «особое воплощение чистой естественной науки, дух, желающий знать обо всем, о происхождении и о природе, потому что они — „другие“ и... полностью беспечный по отношению к „деланию“». Том, безусловно, может быть много чем, но главное — он несет в себе дух исследователя или дух независимой природы, или же он подобен богу.

Независимо от того, кем или чем является Том, нам важно, что он совершенно равнодушен к происходящей войне. На Совете Элронда, где обсуждается, что делать с Кольцом, кто-то высказывает предложение отдать его Тому. По словам Фродо, Том, получив от него Кольцо, оказался способен его контролировать (на мгновение он заставил его исчезнуть), а кроме того, он продолжал видеть Фродо, надевшего Кольцо и невидимого для всех остальных. Возможно, Том смог бы укрыть от Саурона Кольцо. Однако Гэндальф возражает, что все это произошло не потому, что Том имеет над Кольцом власть, но потому, что «*над ним* не властно Кольцо Врага». Даже если попросить Тома сохранить Кольцо, он

по собственной охоте не возьмет... А если и возьмет — по просьбе Мудрых, — то отнесется к нему как к пустой безделушке. Через несколько дней он забудет о нем, а потом, вероятней всего, просто выбросит. Его не интересует исход Войны, и он был бы очень ненадежным Хранителем, а значит, Кольцо ему доверить нельзя.

Ангел ли, бог ли, или, в конце концов, дух, Том находится в совершенной гармонии с естественным миром. Это главное, и не важно, как его трактовать: он был в Средиземье со времен его сотворения, наблюдал за его постепенным развитием, видел корни, рост. Может, отчасти поэтому для него безразличен исход войны, ведь исход борьбы — это всего лишь мгновение, оно имеет значение лишь для разумных народов Средиземья, а не для самой земли. Хотя один из эльфов на Совете Элронда замечает, что в случае победы Саурона пострадают и Том, и сама земля, поскольку Черный Властелин «властен даже над первозданной природой», и Том погибнет — последним, и после этого «Завеса Тьмы сомкнется над Средиземьем».

Но если это правда, то разве не важно Тому, победит ли Саурон, и разве он не поможет Совету? Такое развитие событий в Средиземье звучит как гипотетический прогноз на будущее для нашей планеты, когда жизнь на ней будет уничтожена в результате ядерной войны. Но так же маловероятно, что сама земля сможет взволноваться от такого развития событий, и Тому, как зримому воплощению естественного мира, будет так же все равно. Отчасти равнодушие Тома объясняется его представлением о времени. Он воспринимает зеленое время, связанное с длинными циклами природы, в течение которых на планете приходят и уходят разные эпохи, которые совсем не обязательно соотносятся с относительно коротким веком разумного бытия (и особенно смертных). Кроме того, зеленая перспектива отличается от нашего течения времени не только по длительности, она другая по сути. Зеленое время в большей мере «обобщенно», чем «лично». С точки зрения Тома, живущего по естественным ритмам, благополучие индивидуума значит

не так много, как преемственность продолжающегося развития природы. Толкин подразумевает это, размышляя об отношении Тома к Кольцу. Взглянув на мир глазами Тома, мы поймем, что «власть кольца, в конце концов... всего лишь фрагмент целого, часть на тот момент существующей Вселенной». Однако, как я укажу ниже, это совсем не повод игнорировать происходящее на планете, потому что нас так же касается любое воздействие на планету, как для народов Средиземья имеет значение уничтожение их мира.

Мы так же равнодушны к краткосрочным делам, как безразличны к миру со своей «коллективной» точки зрения онты. Например, вскоре после битвы в Хельмовой Пади, когда Гэндальф ведет победоносное войско Рохана (Ристании) через волшебный лес, появившийся в конце сражения, все замечают быстро приближающуюся к ним группу онтов. «Конники разразились изумленными возгласами, иные из них схватились за мечи». Гэндальф охладил их пыл, сказав: «Оставьте оружие... Это всего-навсего пастухи. Они не враги наши, да они нас вовсе и не замечают». Что имел в виду Гэндальф? Вероятно, онты не заметили всадников отчасти потому, что для них люди — лишь передвигающиеся фигурки, которые — с точки зрения длительной перспективы — приходят и уходят, а потом исчезают в забвении, не взирая на все то, что они сделали в жизни.

Перспектива онтов серьезно отличается от восприятия других персонажей не только потому, что им отпущена непривычно долгая жизнь. Онты, как лес, наделенный силой слова и человеческой способностью двигаться, смотрят на людей, примерно так же, как, по нашему представлению, могли бы смотреть на нас наши собственные леса, если бы обладали сознанием. Но только их

взгляд кажется больше общественным, чем индивидуальным. Хотя в тексте не так уж много очевидных на то указаний, легко доказать, что онты очень сильно связаны с лесом. При том что они наделены некими индивидуальными чертами, чтобы мы могли им сопереживать, их ориентация формируется коллективной личностью леса. Мы можем различить конкретных онтов вроде Древня, но они немыслимы друг без друга или без леса, который они защищают. В упомянутой выше сцене онты не замечают всадников Рохана, но зато каждое дерево они отслеживают тщательнейшим образом.

Такое восприятие характерно для онтов, потому что они сами по сути деревья. Каждое дерево живет и умирает, как и каждый отдельный человек, но лес продолжает жить дальше как сложная экосистема. То же происходит и с онтами. Их временная перспектива, таким образом, скорее всего обусловлена их необычной продолжительностью жизни, но для нас она представляется перспективой всего леса — как нескончаемого движения из прошлого в будущее разных существ, приходящих в жизнь и уходящих из нее, порождая большой жизненный цикл. Когда дерево умирает в здоровом лесу, оно не просто уходит, но становится питательной средой и для флоры и для фауны леса, благодаря чему каждое дерево делается частью большого леса в будущем. Можем допустить, что то же самое справедливо и для онтов — по меньшей мере, очевидно, что они представляют себя частью относительно большой экосистемы. Как сказал Древень: «Мы созданы из костей земли». В противовес этому мы, люди (как в Средиземье, так и в нашей реальности), в силу своих потребностей можем легко абстрагироваться от экосистемы, которая нас питает и формирует окружающую нас среду. Однако

онты настолько тесно связаны со своей окружающей средой, что не могут жить вне ее. Действительно, по мере сокращения площади лесов уменьшается и популяция онтов.

Однако есть и другая причина уменьшения численности онтов, помогающая понять их коллективную личность, связанную с лесом. Древень говорит, что упадок онтов связан с исчезновением онтов-женщин — «онтиц». Онтицы представлены существами, которые возделывают землю, и отношения между онтицами и олицетворяемым ими ухоженным сельскохозяйственным ландшафтом те же, что между онтами и лесом. Из рассказа Древня Пин и Мерри узнают, что онтицы, видимо, слишком увлеклись своим сельским хозяйством и совершенно оставили леса, онты потеряли с ними контакт. Хотя это можно рассматривать как совершенную беспечность онтиц, забывших о продолжении своего вида, но из этого конфликта рождается новая точка зрения на тесную связь персонажей с их средой. Онты и онтицы живут далеко друг от друга, поскольку они слишком укоренились в своей среде, которую олицетворяют или, возможно, из которой вырастают. И тут они уже ведут себя не как единый вид с общим инстинктом к воспроизводству потомства, но, скорее, как два разных вида, заботящихся о процветании своей среды. Странная сказка и таинственная история, как ее понимал Толкин, признаваясь, что и сам толком не знает, что случилось с онтицами. Однако эта ситуация означает взаимную потерю. Онты и онтицы должны были быть очень сильно озабочены ритмами и временными процессами своей среды, чтобы не заметить, что складывающиеся обстоятельства начинают грозить их обоюдным исчезновением. Очевидно, что их коллективная личность гораздо ближе к лесам, чем к собственным сородичам.

Такое восприятие онтов еще раз подчеркивает особенность их природы. Хотя временной взгляд онтов тоже не соизмерим с миллиардами лет геологического развития, но по меньшей мере он охватывает зеленое время долгой истории развития природы, которая существовала в Средиземье до людей и, вполне допустимо, будет существовать и после исчезновения человечества. Если онты и приняли участие в Войне за Кольцо, то лишь потому, что Саруман со своими орками уничтожил часть леса Древня. Не соверши Саруман этого преступления против леса, вряд ли бы онты ввязались в эту войну.

Как сказал философ Людвиг Витгенштейн: «Если бы лев заговорил, мы бы его не поняли», — без сомнения, если бы лес или другая экосистема могли заговорить, мы бы их не поняли. Их мировоззрение было бы слишком чуждо для нас. Но, очеловечивая природное существо, мы не просто представляем себе, что бы оно сказало, если бы обладало голосом, но и пытаемся вообразить их мировосприятие, отличное от нашего собственного ограниченного сознания. Представляя нам зеленое время в опыте онтов и Тома Бомбадила, Толкин отчасти преследует цель заставить нас глубже прочувствовать далекую историю, более далекую, чем наша, и осознать наше место среди других живых существ, с которыми мы делим Землю.

В БУДУЩЕЕ

Из достижений геологии и космологии мы знаем, что Земля существовала миллиарды лет до появления человека. Согласно общеизвестной метафоре, позволяющей нам представить временные масштабы эволюции, открытые

геологами и биологами, — человечество в этом спектакле вышло лишь в последней сцене: если принять все время развития Земли за одни сутки, то мы появились всего несколько секунд назад. Исчезновение человеческой расы не подразумевает исчезновения жизни на Земле — жизнь без нас будет продолжаться еще миллиарды лет. Многие, как и я, считают, что и Вселенная будет существовать миллиарды лет после уничтожения Земли в результате неизбежной гибели Солнца.

Чрезвычайно трудно представить себя относительно столь длительного времени и столь долгой истории развития, даже если взять лишь историю Земли. Поэтому неспособность понять последствия наших собственных поступков в масштабе этого времени вполне объяснима. Но если бы мы смогли воспринять хоть часть этой перспективы, мы бы стали достаточно благоразумными, чтобы понять, что мы — лишь часть истории, более длинной и грандиозной, чем наше бытие.

Выше я уже говорил, что в масштабах толкиновского зеленого времени природа безразлична даже к самым важным событиям книги, и благодаря этому мы постигаем всю мимолетность нашего собственного существования. Причиной такого безразличия является, во-первых, долгий век персонажей зеленого времени, а во-вторых, коллективность развития их экосистемы. Но при этом основные персонажи не равнодушны к происходящему с миром природы. Получая человеческие способности, природа в романе отстаивает собственные права, а союзнические силы Братства оплакивают урон, нанесенный природе Сауроном и Саруманом и тоже стремятся ее защитить. Со своеобразием взглядов персонажей зеленого времени другим персонажам «Властелина Колец» приходится уживаться и уважать друг

друга. Лишь так люди могут рассчитывать на помощь не только сильных народов и краев, но и самой олицетворенной земли. Если произведение Толкина чему-то нас учит, то, я думаю, умению по возможности соперничать природе нашей планеты и, когда требуется, защищать ее. Равнодушие персонажей зеленого времени в произведении не следует воспринимать как оправдание нашего равнодушия к природе. Скорее, оно призвано наполнить нас благоговейным трепетом оттого, что мы сосуществуем рядом с более древними и в каком-то смысле более сложными формами жизни.

Правомерна ли такая точка зрения? Возможно. Ежедневно мы сталкиваемся с глобальными проблемами защиты окружающей среды и оказываемся перед необходимостью понять далеко идущие последствия нашего влияния на ее развитие и угасание. Ежедневно мы изыскиваем причины не беспокоиться об этих проблемах и находим компромиссы, чтобы отложить их решение. Отличный пример — глобальное потепление. Пятнадцать лет назад в научном сообществе было полное разногласие по проблеме глобального потепления. Сегодня царит почти абсолютное единодушие, что планета нагревается и что последствия могут быть ужасающими, особенно для стран Южного полушария.

Однако мы воспринимаем ужасы глобального потепления как отдаленные от нас во времени и в пространстве, полагая, что они принесут большие проблемы тем странам, которые не смогут в будущем перестроить экономику, чтобы адекватно встретить перемены. Как заставить людей беспокоиться об отдаленном зле, причиной которого они являются? Что сегодня может заставить людей пожертвовать единомоментным экономическим интересом, получаемым от высокотехнологичного производства, которое

обостряет проблему глобального потепления, ради длительного процветания и экологического спокойствия? Частично этого можно добиться, рассматривая человеческое благополучие в более длительной перспективе, чем мы привыкли это делать, и беря на себя ответственность за поступки, которые приведут в будущем к неким последствиям относительно других народов и других мест, о которых мы никогда не узнаем. Такой подход очень близок к толкиновскому зеленому времени. Предлагая нам увидеть сходство нашего мышления с мышлением леса (о чем говорят многие защитники окружающей среды), «Властелин Колец», по крайней мере, дает нам пример заботы о будущем, которое все равно состоится — с нами или без нас. Он призывает прожить жизнь, не воспринимая текущий момент нашего бытия как самое важное.

Штудирование Толкина не является, конечно, панацеей для решения всех наших проблем с окружающей средой. Но он подвигает нас ценить более длительную перспективу других обитателей нашего мира и отвечать за те действия, которые мы совершаем с позиции своего господства на планете. Эту идею Толкин представил в книге с помощью нечеловеческих персонажей Средиземья. Когда кончилась Война за Кольцо и наступила Четвертая Эпоха, будущее человечества стало туманно. Но Леголас и Гимли философски воспринимают этих детей земли:

— ...Так и все дела людские — весной им мешает мороз, летом — засуха, и обещанное никогда не сбывается.

— Зато вызревает нежданный посев, — возразил Леголас. — Из праха и тлена внезапно вздымается свежая поросль — там, где ее и не чаяли. Нет, Гимли, людские свершенья долговечнее наших.

- И однако несбыточны людские мечтанья, — заметил гном.
— На это эльфы ответа не знают, — сказал Леголас.

Наше будущее туманно. Но Толкин в увлекательной форме побуждает нас к размышлению об этом будущем. Когда мои друзья вроде Джулии погружаются в мир Средиземья, они сталкиваются с самыми разными видами отношений, которые в нашем мире невозможны, хотя и доступны нашему воображению. В Средиземье мы можем установить контакт с природой и можем отвечать за нее, потому что она так прекрасно отличается от нас. Кажется, это тот урок, который мы должны помнить по возвращении в наш мир, чтобы найти ему здесь применение¹.

¹ Наши благодарности Эрику Кацу, Мег Килвингтон и особенно Джулии Восс за полезные советы к этой главе.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ
ФИНАЛЫ
И ОКОНЧАНИЯ

13.
ПРОВИДЕНИЕ
И ДРАМАТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО
«ВЛАСТЕЛИНА КОЛЕЦ»

ТОМАС ХИББС

В самом конце своего путешествия Фродо и Сэм размышляют о завершенной миссии. Кольцо уничтожено в расселине Роковой горы, и Фродо уцелел в борьбе с Горлумом, если не считать потери пальца, откушенного его противником в яростном желании обладать Кольцом. Счастливый и благодарный Сэм сердится на Горлума, но Фродо просит не поминать его лихом:

<Горлум> понадобился: ведь сам бы я не смог уничтожить Кольцо, и все было бы напрасно, хоть мы и достигли цели.

Фродо говорит о своем нежелании расстаться с Кольцом в ключевой момент, когда только вмешательство Горлума, овладевшего Кольцом и случайно упавшего

с ним в расселину, позволили завершить задание, которое было доверено Хранителю Кольца.

Таким образом, добро в выдуманном мире Толкина побеждает не только силу и злую волю, но даже минутное злое побуждение самых преданных и надежных защитников добра. Так или иначе, Толкин показал, как высшая благосклонная сила предопределяет гармонию событий. В отличие от Саурана, чьи попытки контролировать происходящее очевидны тем, кто вовлечен в космическую войну между добром и злом, — рука провидения непонятна и неотразима. Действительно, Толкин постоянно говорит, что судьба, доля или предопределенный замысел недоступны человеческому разумению, до тех пор пока не начнут происходить сами события. Как же тогда можно заметить существование высшей воли?

Здесь надо четко понять, какого рода провидение следует искать во «Властелине Колец». К этому произведению следует относиться как к роману или эпосу, но не как к философскому трактату или философскому диалогу. Даже используя терминологию драмы, мы вряд ли сможем объяснить должным образом, как осуществляется власть провидения в Средиземье. Нам остаются лишь предположения, намеки и знаки, которые воодушевляют и увеличивают ценность таинственности, в которой, кажется, объединились все добрые силы.

С точки зрения героев и читателей «Властелина Колец», впервые провидение предстает стечением обстоятельств, рядом случайных событий, которые поворачивают ход истории в помощь добру против зла. Такая цепочка событий, рождающихся из зла, но служащих добру, складывается против воли или, во всяком случае, помимо намерений тех, кто создает данные обстоятельства. Но провидение не просто стечение нескольких

обстоятельств, оно связано с целой чередой событий, хотя любой, даже самый явный, намек на руку провидения мы обычно замечаем, лишь оглядываясь в прошлое, постигая порядок и особый язык событий, которые изначально казались не более чем последовательностью случайных совпадений.

Поскольку все это можно проиллюстрировать драматической историей Горлума и Кольца, то начнем с краткого экскурса в детали, которые позволили Толкину сделать Горлума инструментом провидения. Потом проанализируем две проблемы: проблему свободы и границ деятельности и проблему существования зла. В каждом конкретном случае мы не будем слишком часто прибегать к абстрактным философским доводам, поскольку Толкин облакает проблему человеческой свободы действий и найденный им способ преодоления зла терпением и сочувствием в драматическую форму.

ГОРЛУМ — ИНСТРУМЕНТ ПРОВИДЕНИЯ

В начале романа, когда Гэндальф рассказывает Фродо историю Кольца, он упоминает, что Горлум и любил и ненавидел Кольцо, так же как любил и ненавидел себя. Фродо спрашивает, почему же он просто не избавился от Кольца, если ненавидел его. Гэндальф отвечает, что Горлум

избавиться от него не мог. На то у него не было воли. Кольцо Всевластья, Фродо, само себе сторож. Это оно может предательски соскользнуть с пальца, а владелец никогда его не выкинет... решал дело не Горлум, а само Кольцо. И решило.

«Решило сменить Горлума на Бильбо, что ли?» — спрашивает Фродо. Гэндальф поясняет, что появление именно в этот момент Бильбо, походя нашарившего Кольцо в темноте, — «самое странное событие во всей истории с Кольцом».

— ...Но зло не правит миром безраздельно, Фродо. Кольцо хотело вернуться к своему Властелину... оно бросило Горлума. Однако подобрал его не орк, не тролль, не человек, а Бильбо из Хоббитании! Думаю, что это случилось наперекор воле Врага. Видно, так уж было суждено, чтобы Кольцо нашел не кто-нибудь, а именно Бильбо. Стало быть, и тебе суждено было его унаследовать. Мне в этом видится проблеск надежды.

— А мне не видится, — возразил Фродо. — Хотя, правда, я тебя не очень-то понимаю.

В этом диалоге мы находим драматические приемы, которыми Толкин объясняет действие провидение. Во-первых, элемент случайности: Бильбо зашел в пещеру не в поисках Кольца, хотя ушел с ним. Во-вторых, по крайней мере, если верить Гэндальфу, Кольцо само покинуло Горлума в попытке вернуться к хозяину, но его планы были нарушены случайным появлением в пещере Бильбо. Из чего Гэндальф заключает, что это работа другой, видимо высшей, силы, «наперекор воле Врага». В-третьих, случайные обстоятельства обнаруживают доброе в злом. Гэндальф предсказывает, что злобный обманщик Горлум, возможно, сыграет важную роль в разворачивающихся событиях. Он замечает, что даже мудрые не все знают. И наконец, в-четвертых, когда и чем именно обернутся те или иные вещи, остается загадкой до самого конца драмы.

Позже, в главе «Приручение Смеагорла», Горлум нападает на Сэма, и того спасает только своевременное вмешательство Фродо. Когда Сэм был готов лишить Горлума жизни, Фродо «послышались далекие, но отчетливые голоса из прошлого». Он вспомнил:

— Он заслужил смерть.

— Заслужить-то заслужил... И он, и многие другие... А посчитай-ка таких, кому надо бы жить, но они мертвы. Их ты можешь воскресить — чтобы уж всем было по заслугам? А нет — так не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все.

Так Горлум становится их проводником, без которого немислимо было бы завершить это тяжелейшее путешествие, Горлум ведет их такими тропами, о которых они и понятия не имели.

Наконец, в драматическом финале путешествия к Рокковой горе Горлум кажется нам совершенно безнадежным. Однако и здесь мы не должны торопиться. Мы не можем знать наверняка, что именно сделал бы Горлум, если бы жил и оставался под властью Кольца, особенно когда начал бы опасаться, что Саурон обрушится на него со всей мощью. В этот критический момент действия Сэм в темноте отстает и от Фродо, и от Горлума. Вдруг он видит Фродо над самой расселиной и слышит его незнакомый, «звучный и властный» голос:

Я пришел. Но мне угодно поступить по-иному, чем было задумано. Чужой замысел я отвергаю. Кольцо — мое!

Как только Фродо надевает Кольцо и становится невидимым, он предстает взору Черного Властелина, который,

понимая, насколько шатким стало его положение, бросает свои армии, чтобы целиком сконцентрироваться на Фродо. Сэма отталкивают, он ударяется и теряет ненадолго сознание, а очнувшись, видит, что Горлум «схватился с невидимкой». Найдя у Фродо Кольцо, Горлум откусывает его вместе с пальцем, ликуя: «Прелесть!». В своем торжестве он теряет равновесие и падает в расщелину, тем самым благополучно завершая миссию Хранителя Кольца. Горлум, как и предсказывал Гэндальф, стал невольным инструментом божественного провидения, но он сумел выполнить это предназначение только благодаря тому, что Фродо еще раньше вспомнил слова Гэндальфа и серьезно отнесся к его наставлениям проявить милосердие и терпение.

СВОБОДА И ОБЯЗАННОСТЬ В КОСМОСЕ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ

Таинственные и непостижимые замыслы провидения подчеркивают важность человеческих усилий, дают понять, что, несмотря на все странные случайности, необходимо продолжать исполнять свою роль в борьбе со злом. Зачем? Не обладающие всеведением существа должны следовать своему предназначению — это одна из основных тем «Властелина Колец». Принятие таких условий требует добродетельного и благоразумного понимания границ собственной власти и сферы своего влияния. Обязанности и провидение так или иначе этически ограничивают нашу свободу выбора. Однако в мире Толкина исполнение своих обязанностей — свободный выбор добрых созданий в борьбе со злом. Изначально работа провидения воспринимается как

внешнее или волшебное вмешательство — взять, к примеру, возвращение Гэндальфа. Однако в конце концов оно овладевает всем повествованием. Это становится очевидным при рассмотрении драматической структуры «Властелина Колец». Провидение, скорее, не отменяет свободу, но делает вовсе не могущественных созданий настоящими личностями, в разной степени ответственными за свои поступки. Без этого не получилось бы трагедии.

Это осознание приходит после смерти Боромира и распада Братства. Арагорн говорит немногим оставшимся компаньонам:

...я делаю промах за промахом. <...> Фродо взял на себя самое тяжкое бремя. А мы... что наша погоня по нынешним грозным временам!

Замечательные слова преклонения со стороны Арагорна, слова, которые особенно контрастируют с надменностью Боромира. Преклонение означает здесь не рабскую покорность, — наоборот, осознание своего предназначения в контексте грандиозных задач, понимание и выполнение своей роли во вселенской битве добра и зла. Конечно, Боромир своим покаянием заслужил славную смерть, произошедшая с ним перемен подчеркивает непредсказуемость человеческого выбора, обнаруживает таинственное присутствие свободы даже тогда, когда, кажется, персонаж настолько прозрачен, что его поступки легко можно просчитать.

Осознание частичности и подчиненности собственной роли некоей целостной задаче означает, что конечная судьба находится не в твоих руках. А следовательно, утверждение человеческой независимости или ощущение

безграничной власти — опасные заблуждения. В разговоре с Гэндальфом Денэтор заявляет, что растущую силу невозможно победить, Гэндальф с этим не спорит (он вскоре и сам в общем-то повторит другим то же самое), но он требует, чтобы Денэтор не уподоблялся владыкам древности, одержимым «гордыней и отчаянием». Хвастаясь способностью распоряжаться своей судьбой, Денэтор утверждает, что может управлять собственной смертью. Так Денэтор бросает вызов Гэндальфу, сказавшему, что даже мудрые не могут предсказать все смерти. После смерти Дэнэтора предводители Запада собирают совет, чтобы решить, какой путь избрать. Гэндальф соглашается с мнением Денэтора, что силу, против которой они сражаются, не победить раз и навсегда. Он добавляет:

...Это уже не наша забота, мы не призваны улучшать мир и в ответе лишь за то время, в которое нам довелось жить, нам должно выпалывать зловредные сорняки и оставить потомкам чистые пахотные поля. Оставить им в наследство хорошую погоду мы не можем.

Гэндальф объясняет, что, хотя мы не можем управлять жизненными штормами, в наших силах противостоять суровости климата. Хотя мы не всегда можем выбирать обязанности, мы можем свободно решать, хотим ли мы принять эти обязанности. Денэтор свободно отказывается служить Гондору. В XVIII веке немецкий философ Иммануил Кант заявлял, что свобода и долг не противостоят друг другу и что долгу следует всегда подчиняться, даже если таковое подчинение ведет к несчастью. Разумное самосознание признает над собой универсальные законы. Для Канта следование

долгу и есть сама свобода, и «такая сила присуща только разумному созданию».

Впервые Толкин показывает диалектику свободы и долга в эпизоде, когда Фродо принимает решение отнести Кольцо в Мордор. На Совете Элронда, когда Бильбо спрашивает, кто возьмет Кольцо (в фильме Бильбо в этой сцене нет, поэтому спрашивает Элронд), Фродо чувствует всю тяжесть своего долга.

Его охватил леденящий страх — он вдруг понял, что сейчас поднимется и самому себе произнесет приговор. Неужели же ему нельзя отдохнуть, нельзя спокойно пожить в Раздоле?

Неохотно Фродо принимает на себя бремя Хранителя Кольца. Хотя Элронд признает, что он верил в предназначенность этой миссии для Фродо, он позволяет хоббиту самому выбрать свой путь.

И все же между Толкином и Кантом существуют серьезные различия. Кант утверждает, что источник нравственного закона не может пребывать ни в Боге, ни где-либо еще вне человеческого разума. Любой внешний источник породил бы гетерономию — противоположность автономии. Кант настаивает на этой автономности, поскольку полагает, что мир природы не есть мир нравственный — он управляется механистическими законами науки, а значит, исключает свободу. Таким образом, Кант разочарован миром природы. Толкин, наоборот, находит в цельности природы не просто очарование, но разум и нравственное чувство. Толкин на рассматривает проблему свободы и долга в контексте кантовской дихотомии между гетерономией и автономией, но именно те или иные проявления автономии порождают грех гордыни. Вместо кантовской одинокой личности, вынужденной

ради свободы отказаться от Бога, природы и общества, Толкин дает нам героев, которые осознают себя и свой долг только в контексте бóльшего целого — как представители наций и рас, как участники союзов и братств, сражающихся на стороне добра, и, в итоге, как часть Вселенной.

Когда мы свободно принимаем на себя обязанности, то едва ли знаем, чем все закончится. Провидение помогает избрать путь, но оно не способно предрекать успех. Понимая ограниченность нашего мышления, мы должны учиться терпению и решительности перед лицом страданий и лишений.

Хороший пример этому мы находим в сцене, где Сэм стоит над «погибшим», как он думает, в схватке с Шелоб Фродо.

— ...Что мне делать, делать-то чего? — проговорил он. — Неужто же мы с ним зря всю дорогу... — И ему припомнились собственные слова, сказанные еще в начале пути, не очень тогда понятные ему самому: «Я ведь обязательно вам пригожусь — и не здесь, не в Хоббитании... если вы понимаете, про что я толкую».

И все же он сомневается, в чем его долг: остаться с Фродо или, похоронив его, забрать его меч и Кольцо и продолжить миссию, справившись со страхами и соблазнами и заняв место настоящего Хранителя Кольца. Сэма охватывает отчаяние, он всегда считал, что, даже если им с Фродо удастся добраться до цели, они могут погибнуть рядом с Роковой горой: «до цели они, может, как-нибудь и доберутся, хотя вряд ли, но потом делу конец, куда деваться — некуда, и есть тоже нечего. Нет, куда ни кинь, а делу крышка». И все же перед лицом отчаяния в голове Сэма зреет решение:

...суровой, почти угрюмой сделалась его добродушная хоббитская физиономия, а сам он стал тверже камня и крепче всякой стали и знал, что справится с тоской и усталостью, что уж как-нибудь да пройдет нескончаемый выжженный путь.

Эта непреклонная решимость во что бы то ни стало продолжить миссию означает вершину добродетели — героизм, поскольку теперь уже выполнение миссии не сулит никакой награды и даже возможности возвращения. Кант считал, что, хотя следование нравственному долгу не всегда ведет к счастью, оно дает разумному существу чувство собственного достоинства. Денэтор настаивал, что «после надежды, остается единственная смелость — свободно умереть». Но те, кто смогли выполнить свой долг и продолжали борьбу, тем самым продолжали надеяться и остались верны добру, и их добродетель воздала им невозможностью забвения.

ПРОВИДЕНИЕ, ТЕРПЕНИЕ И СТОЙКОСТЬ

Немеркнущая надежда перед лицом близкой победы врага означает стойкость добра перед лицом зла. На самом деле язык «вселенской битвы между добром и злом», которым я пользуюсь в своем эссе, ужасно запутан. Он навязывает манихейское представление о двух равновеликих силах, и предполагает, что есть некто, кто может четко отделить пособников тьмы от воинов добра. Метафизическое обоснование такой точки зрения делает божественное провидение спорным. Как давным-давно указывал святой Августин, если зло действительно есть некая независимая сила, обитающая во Вселенной,

тогда божественное провидение становится сомнительным, поскольку существование такой силы отрицает всемогущество Бога.

Теория провидения рождается из классического метафизического взгляда на добро и зло, согласно которому зло паразитирует на добре и, несмотря на видимость, лишено самостоятельного существования. Ему обязательно нужно присутствие добра. Конечно, писатели вроде святого Августина и Толкина пытаются примирить это учение с психологическим опытом восприятия зла как объективной силы. Августин пишет, что отступление грешника от Бога, от полноты бытия, превращает его в «пустыню желаний».

Толкин делает Горлума центральным драматическим персонажем. Когда Фродо узнает, как Бильбо получил Кольцо, он сожалеет, что Бильбо не убил Горлума и что вообще нашел это проклятое Кольцо. Гэндальф отвечает:

Горлум — существо не совсем пропащее... В душе у него остался заветный уголок, в который проникал свет, как солнце сквозь щелку: свет из прошлого... Увы! Для него надежды мало.

И все же приверженность злу разрывает Горлума на две половины. Более того, обладание Кольцом лишает его полноты жизни, уменьшает саму радость. Как объясняет Гэндальф, жизнь для него обернулась «бездонной ночью, открывать было нечего, жить незачем — только исподтишка добывать пищу, припоминай старые обиды да придумывай новые».

Толкин подчеркивает, что провидение играет свою роль в миссии не только посредством Горлума, но и через

финальное падение Фродо. Анализируя поведение Фродо, который поддается искушению, достигнув Роковой Расселины, Толкин пишет:

Фродо сделал что мог и полностью исчерпал себя (как инструмент божественного провидения), он создал такую ситуацию, в которой цель его миссии могла бы быть достигнута. Его смирение (с которым он начал) и его страдания были честно вознаграждены величайшей честью; а его терпение и милосердие к Горлуму подарили Милосердие и ему: его падение было исправлено.

Провидение подготавливается терпением, терпимостью, сочувствием.

Даже Саруман, воплощающий этакое антипровидение, которое ищет зло в добре, преподносится как создание, не совсем безнадежное. Узнав, что Саруман из мести опустошил Шир, Фродо решает изгнать его, но не убить. В ответ на его жалость Саруман презрительно смеется: он сумел их

опередить и как следует проучить. Времени оказалось мало-вато, да и людей тоже, а то бы моего урока вам на всю жизнь хватило... Я тут у вас хорошо похозяйничал. Как утешительно мне будет вспоминать, что хоть на вас я выместил свои обиды!

Но хоббитам, вскричавшим: «Убьем его!», — Фродо ответил: «...убивать его я не позволю. Не надо мстить за месть — только зла в мире прибудет». Даже после того как Саруман выхватил нож и попытался убить Фродо, тот его пощадил, и Саруман горько ответил на это:

Теперь из-за тебя в моей мести нет утешения, и милосердие твое мне горше всего на свете. Ненавижу тебя и твое милосердие!

Но когда он уходит, подхалим Гнилоуст поворачивается к Саруману, выхватывает нож и перерезает ему горло.

Коварные действия Сарумана в Шире и обстоятельства его гибели демонстрируют нам роль зла в провидении. Зло паразитирует на добре и никогда не вытеснит его. Зло может лишь разрушать добро или учинять беспорядок в большем порядке. Смерть Сарумана от руки собственного слуги показывает, что злые дела оборачиваются против их творца. «Часто зло пожирает зло».

Иногда зло пожирает самое себя, действуя из ложных представлений и неверно просчитывая поступки противника. Снова присоединяясь к Арагорну, Леголасу и Гимли, Гэндальф объясняет, что Саурон сильно обеспокоен появлением нового Хранителя Кольца. Это знание вместе с известием о том, что орки из Изенгарда поймали двух хоббитов у Тол-Брандира, изменяет направление внимания Черного Властелина, и теперь он следит не за настоящей опасностью, а за вымышленной, что позволяет членам распавшегося Братства продолжить выполнение своего плана. То, что в начале казалось ошибкой, в итоге способствовало благу Братства. Таким образом, провидение избавляет добро от зла.

ПРОВИДЕНИЕ И РАДОСТЬ

Если адекватный ответ злу — отважная стойкость и ободряющее терпение, то достойный ответ непредвиденной удаче — восторг, радость и благодарность.

Величайшее «случайное» событие в романе — прибытие Арагорна на поле Пеленнора на помощь войскам Гондора как раз в тот момент, когда их судьба представлялась весьма жалкой. И по мере того как в стане Арагорна воцаряется восторг и великая радость, в ордах Мордора растет подавленность и осознание того, что «участь их решена». Этот эпизод доказывает, что провидение начинает защищать в тот самый момент, когда люди больше всего в этом нуждаются. Мы видим также, что, обретя неожиданную удачу, не стоит просчитывать совпадения и пытаться доказать закономерность случившегося. Напротив, ее следует принять с восторгом, радостью и благодарностью. Если читатель испытывает именно эти чувства, особенно подходя к концу «Властелина Колец», значит, усилия автора не пропали даром.

Естественно, самым драматичным и самым непредвиденным вмешательством провидения является возвращение Гэндальфа после поединка с Глубинным Ужасом в Мории. Гэндальф подробно рассказывает о своем «перерождении», о том, как он и Барлог упали в бездну и как он в конце концов сбросил врага. Гэндальф говорит:

...тьма объяла меня, и я блуждал в безначальном безвременье, путями, тайна которых пребудет нерушима. Нагим меня возвратили в мир — ненадолго, до истечения сроков.

Хотя что конкретно произошло с Гэндальфом — так и не объясняется, можно предположить, что это была смерть («блуждал в безначальном безвременье») и возвращение оттуда («возвратили в мир» живых). Здесь безусловно видна рука провидения. Гэндальфа вернули

на землю выполнить свое предназначение. Конечно, друзья Гэндальфа потрясены и сначала даже не могут его узнать:

Пышные волосы его блистали, как горный снег, сияло белоснежное облачение, ярко светились глаза из-под косматых бровей, и мощь была в его подъятой руке...

Наконец Арагорн обрел язык.

— Гэндальф! — воскликнул он. — Ты ли это возвратился в час нашего отчаяния?

Не важно, в какой мере мы испытываем восторг и радость при чтении «Властелина Колец», Толкин вполне ясно указывает, что провидение восстанавливает порядок не полностью, не в изначальном виде. Кто-то, например Сэм, возвращается домой; другим, вроде Бильбо или Фродо, по словам последнего, «нет пути назад». Периодически болят раны Фродо, которые, как он говорит, «никогда нельзя будет излечить до конца». В то время как Сэм и Рози празднуют рождение первенца, Фродо приходит к заключению, что не может остаться в Шире.

Я хотел спасти Хоббитанию — и вот она спасена, только не для меня. Кто-то ведь должен погибнуть, чтоб не погибли все: не утратив, не сохранишь.

Когда сознание вынуждено приспосабливаться к жизни во временном, несовершенном мире, всегда остается неуверенность как последнее свойство личности. Мы закончили там, где начали. Как Гэндальф когда-то рассказывал о прошлом, чтобы подготовить Фродо к миссии в настоящем, так теперь Фродо наставляет Сэма

«хранить память о былых временах и напоминать о том, как едва не стряслась Великая Беда, — пусть еще больше любят наш милый край».

Обаяние сказок и легенд и обретение опоры в космической истории чудесным образом сочетаются, порождая веру во вселенское провидение. В такой вселенной у личности всегда есть уверенность, что существует порядок, который нужно лишь прозреть, и миссия, которую надо выполнить, поскольку в мире провидения человеческая история обладает сюжетом и четким драматическим единством. Перед тем как объявить об уходе, Фродо отдает Сэму книгу в алом кожаном переплете, которую начал Бильбо, а Фродо почти закончил повествованием о возвращении короля. Фродо говорит, что последние страницы заполнит уже Сэм. Здесь ставится последний акцент на идее неопределенности и неуверенности в будущем. Даже когда Сэм поставит точку в этой истории, найдутся новые писатели, которые расскажут о приключениях не хуже тех, что описаны во «Властелине Колец».

14.
ГОВОРЯЩИЕ ДЕРЕВЬЯ И ГУЛЯЮЩИЕ ГОРЫ:
БУДДИЙСКИЕ И ДАОСИЧЕСКИЕ ТЕМЫ
ВО «ВЛАСТЕЛИНЕ КОЛЕЦ»

ДЖЕНИФЕР Л. МАК-МАНОН, Б. СТИВ ЧАКИ

Читатели Толкина легко найдут во «Властелине Колец» много общего с классическими эпосами: гомеровской «Одиссеей», виргилиевской «Энеидой» и дантовской «Божественной комедией». Безусловно, путешествие Фродо имеет определенные параллели со странствием Одиссея: опасности, приключения и, наконец, осквернение Шира. Сродни дантовской экспедиции по аду в «Божественной комедии» поход Фродо сквозь мрак и дым Мордора. Основываясь на классических эпосах, а также на знакомых мифах и сказках, Толкин создает легенду, наполненную архетипами, которые легко узнаются западными читателями.

Однако «Властелин Колец» может быть соотнесен с произведениями и идеями восточных традиций. И в этой

главе мы рассмотрим, как темы, затронутые «Властелином Колец», преломляются в дзен-буддизме и даосизме. В частности, мы коснемся следующих тем: способность нечеловеческих существ мыслить, отношение человека к природе, важность отношений учителя и ученика и равновесие между добром и злом. Исследуя параллели между произведением Толкина и дзен-буддийской и даосической традициями, особое внимание мы уделим серьезным разногласиям между ними. Это необходимо для объективности, а именно для понимания того, что между восточным и западным мировоззрением существуют как общие черты, так и несомненные различия.

СПОСОБНОСТЬ МЫСЛИТЬ И ЧУВСТВОВАТЬ

Наверное, самая очевидная точка соприкосновения «Властелина Колец» Толкина с буддийскими и даосическими текстами — это трактовка природы. У Толкина природа присутствует не только как основная декорация, она является живой силой. Таким образом, природа не просто скромно оттеняет действие, она выступает питающей средой для основных персонажей, она может стать внушительной помехой для их намерений, и она предстает хранилищем их ценностей. В частности, элементы буддийской традиции прослеживаются в двух аспектах отношения Толкина к природе: в наличии сознания у объектов природы и в признании родства с природой.

То, что природа у Толкина обладает сознанием¹, наиболее очевидно проявляется в образе говорящих деревьев.

¹ По крайней мере в его фэнтези. Мы не имеем в виду, что сам Толкин верил в способность деревьев чувствовать, или в наличие у них сознания, или в то, что животные вроде орлов и лошадей могут разговаривать или понимать речь.

Впервые Толкин вводит этих персонажей в шестой главе «Хранителей». Фродо и его друзья, пробираясь через Вековечный Лес, испытывают неприятное чувство оттого, что деревья словно наблюдают за ними. Позже и Том Бомбадил, и Древень подтверждают это подозрение, рассказывая о «голосах» и «мыслях» деревьев. Древень, берущий Пина и Мерри под свою опеку, говорит, что «деревья... они все больше деревья как деревья, а некоторые, и очень таких много, пробуждаются». Хотя Пин и Мерри уже успели познакомиться с некоторыми из таких деревьев намного раньше — когда они попались Старому Вязу и когда только воля Тома Бомбадила спасла их от неминуемой смерти.

Для большинства западных читателей говорящие деревья Толкина — всего лишь часть нереального во «Властелине Колец». Это потому, что Запад по преимуществу не верит в наличие сознания у природы. Фактически на Западе сознание — главное, что отличает человека от других живых существ. Таким образом, хоть мы и не отказываем животным в уме, обычно мы ставим себя выше животных в силу своего более развитого сознания и полностью отрицаем наличие сознания у растений и большинства других существ природы.

Но если Запад не признает, что природные существа вроде деревьев обладают душой, то в буддизме это основная концепция. С позиций буддизма способность мыслить не является человеческой привилегией и достижение нирваны возможно не только человеком. Буддисты верят, что мириады существ обладают способностью чувствовать и достигать нирваны. У буддийских авторов канонических текстов неоднократно повторяется: «все чувствующие существа» — и совершенно понятно, что это понятие включает в себя человека, но

далеко не исчерпывается им. Это особенно верно для японского буддизма, имеющего анимистические элементы синтоизма.

Однако важно отметить, что сознание, которым обладают деревья у Толкина, отличается от буддийской способности чувствовать. Например, хотя мастер Дзен Доген говорит о горах, что «они гуляют», он употребляет это слово в метафорическом, а не в буквальном смысле. И наоборот, деревья Толкина и впрямь говорят и действуют подобно человеку, так же как хоббиты, гномы, эльфы и волшебники. К примеру, Толкин говорит, что деревья в Вечном Лесу «не любят чужаков». После подобных заявлений не остается никаких сомнений в том, что Толкин в своем вымышленном мире очеловечивает природные объекты. Вместо ощущений какого-то особого свойства нечеловеческие существа наделяются мыслями и эмоциями, которые являются прямым аналогом человеческих мыслей и эмоций. Наконец, Толкин наделяет нечеловеческих существ человеческим сознанием разного уровня. Человек обладает более развитым сознанием, чем деревья, но по своему способу познания деревья приближаются к людям. Хоббиты, гномы и эльфы обладают теми же мыслительными способностями, что и человек, тогда как волшебники и Черный Властелин Саурон наделены сверхчеловеческим сознанием, которое, тем не менее, все равно имеет человеческое происхождение.

Таким образом, очевидна разница в трактовке нечеловеческих существ Толкином и буддизмом, который никогда не очеловечивает природу. Буддисты не проецируют человеческое сознание на все живое, полагая, что способность мыслить проявляется по-разному у разных существ. В частности, допускается существование

изначально эмоционального, а не рационального способа познания. При том что некоторые модели восприятия мира могут быть доступны человеческому сознанию, оно не обязательно единственный или лучший вид сознания. Для буддистов мыслительная форма сознания, характерная для человека, — это один из способов мировосприятия, но не единственный источник познания. На самом деле во многих буддийских текстах обычное человеческое сознание выступает как помеха на пути к достижению нирваны¹.

НАЗАД К ПРИРОДЕ

Другой возможный аспект сопоставления Толкина и буддизма — отношения личности с природой. Например, на протяжении всего «Властелина Колец» Толкин подчеркивает особые связи Фродо и Сэма с Широм. Очевидно, что характеры Фродо и Сэма сформированы их пасторальным окружением, даже если они сами это окружение создают. Сами норы хоббитов символизируют их глубокую связь с природой. Оговаривая особым образом отношение хоббитов к их родной среде, Толкин указывает, что другие существа тоже сильно связаны с природой. Например, он замечает, что орки сформированы и испорчены их отношением к мерзким землям Мордора. Относительно эльфов он говорит: «...земля ли

¹ В своей книге Казулис проводит разницу между думанием, не-думанием и без-думанием. Если человек характеризуется как думающий (рассуждающий), Казулис объясняет, что рассуждения делят ошибочное восприятие, что все существа вокруг, по сути, отделены друг от друга. Таким образом, рассудочное сознание создает помехи в понимании и достижении нирваны, потому что скрывает настоящую природу вещей.

их сотворила или они землю, трудно сказать». Наконец, онты, в которых их отношение к природе выражено в самой внешности — их кожей-корой и похожими на конечности выростами. Их связь с определенной средой обитания столь сильна, что между мужскими особями, предпочитающими лес, и женскими, или онтицами, отдающими предпочтение лугам, возник раскол. Как объяснил Пину и Мерри Древень, эта привязанность к почве была настолько сильна, что онты потеряли онтиц, и теперь популяция постепенно вымирает.

Как и Толкин, буддисты верят в глубокую связь личности с природой. Эта вера находит выражение в буддийской доктрине зависимости субъекта от происхождения. Согласно этой доктрине, вещи получают бытие в силу их связи с другими вещами. Буддисты верят и в то, что мы сформированы контекстом, в котором мы себя ощущаем, и в то, что мы формируем окружающую среду, в которой живем, и существ, с которыми в ней сосуществуем. Проще говоря, буддисты отрицают обособленное существование личности. Они верят в то, что все существует лишь относительно друг друга. Буддисты воспринимают природу не как коллекцию независимых объектов, вступающих друг с другом в случайные связи, а как связанную матрицу, подвижную целостность, в которой любой личный аспект влияет на целое и испытывает его влияние на себе.

Хотя Толкин и буддисты уделяют особое внимание отношениям личности и природы, тем не менее видение этих отношений у них различно. Толкин больше делает акцент на служении, и даже приручении, природы. Таким образом, признавая, что личность формируется окружающей средой, он при этом предполагает, что она обладает определенной властью над природой. Такая точка

зрения выражается, во-первых, в том, как безоговорочно критикуется в тексте модель грубого управления природой, а во-вторых, в предположении, что определенные существа имеют превосходство или им предначертано господствовать над всей землей или над ее частью.

Толкин осуждает Саурона и Сарумана, уничтожающих окружающую среду, а также индустриализацию Шира. Данная автором картина экологических бедствий, ставших результатом такого грубого обращения с природой, скорее всего, основана на иудейско-христианских представлениях о том, что личность имеет особую привилегию быть хозяином окружающей среды.

Буддисты не возражают против идеи хозяина, и, возможно, они поддержали бы критическое отношение Толкина к тем, кто «не заботится о растущем и вспоминает о нем лишь с той точки зрения, насколько оно может пригодиться» им. Однако буддисты не считают, что личность имеет власть над природой. Согласно их взглядам, личность — часть природы. Хотя буддисты признают, что человечество стало оказывать гораздо более значительное влияние на окружающую среду, чем все остальные существа, они не отдают предпочтение человеку над остальными биологическими видами и над самой природой. Вместо этого они пытаются опровергнуть эгоистическую и высокомерную мысль о том, что человек — царь природы, а значит, обладает особыми правами распоряжаться и пользоваться природой. Буддисты утверждают, что люди подобны остальным существам и должны уважать свою зависимость от природы. Разрушение или отрицание этих связей представляют для нас большой риск. В сущности, буддисты предлагают человеку найти гармонию, или равновесие,

с природой, проявляющееся в других формах жизни. И хотя именно это желание большей гармонии побуждает Толкина протестовать против разрушений, приносимых грубым управлением, во «Властелине Колец» присутствует мотив преимуществ человека перед природой.

Более значительно различие между Толкином и буддийской традицией в самом понятии природы. «Властелин Колец» предлагает два основных типа природы: привлекательные пасторальные поля или холмы и вероломные пустынные территории. Очевидно Толкин делит природу на две категории: домашняя природа и природа дикая. Конечно, буддисты также признают разницу между окультуренной местностью и дремучим лесом, но Толкин отдает предпочтение одомашненной природе. В продолжение всего «Властелина Колец» Толкин любовно описывает Шир и прочие ухоженные местности, а леса и другие дикие территории, наоборот, рисует как «зловещие», «полные опасностей», «недружелюбные». Кто-то может сказать, что Толкин просто пытается показать ту опасность, которую дикая природа представляет для его главных героев. Однако такой способ изображения эффектно подчеркивает связь диких мест со злыми силами, а Ширы и других домашних территорий — с силами добра — традиционный прием западной литературы.

Конечно, вы ошибетесь, если предположите, что буддисты выступают против окультуривания природы. Что может быть более изобретательным, чем сад дзен? Однако в буддизме вы не обнаружите возвышения домашней природы над дикой, что встречается у Толкина. Наоборот, буддизм ценит равновесие разнообразных природных условий. Возможно, такая высокая оценка

определяется буддийским стремлением научиться ценить вещи в их «самости», а не в связи с их пользой для человека. Основываясь на том, что эго искажает наше видение вещей и мешает гармоничному сосуществованию как с природой, так и со всеми остальными, буддийские тексты и формы искусства, испытывающие на себе их влияние, не помещают человека на передний план. Как напоминает нам Д. Т. Судзуки, создавая сад дзен или чайную комнату, можно воспроизвести подлинный вид природы, отказавшись от элементов, которые ассоциируются с человеком, например от правильности и симметрии.

Наконец, хотя «Властелин Колец» делает акцент на природу, что характерно и для буддийской традиции, между ними существуют важные различия в оценке природы. Оставляя детальное исследование причин этого несходства за пределами данного эссе, скажем, что самой очевидной причиной многих различий является изначальная вера. Так же как религиозная доктрина природы влияет на буддийское отношение к природе, так и трактовка природы Толкином, прежде всего придание человеку особого статуса в природе и принижение дикой природы, имеет иудео-христианские корни. И эти две тенденции составляют суть различий между взглядами на природу Толкина и буддизма.

СЭНСЭЙ СЭММИУМ

Еще одна параллель между Толкином и буддизмом касается их отношения к институту ученичества. Во «Властелине Колец» полно примеров взаимоотношений, которые лучше всего можно определить как отношения

учитель — ученик. Важность роли наставника, а также подход к развитию как к результату наставничества очень близки центральной теме учитель — ученик во многих формах буддизма, и особенно в дзен-буддизме. Эта традиция предполагает, что наставничество не просто полезно, но необходимо для достижения нирваны.

Наиболее очевидно тема учитель — ученик во «Властелине Колец» прослеживается на примере Фродо. На протяжении романа у Фродо сменяются несколько наставников. Вначале был Бильбо, который замещал Фродо отца. Потом были Арагорн и Гэндальф, к которым Фродо постоянно обращался за поддержкой. Наконец, самый неправдоподобный учитель — «мастер Сэм». При этом никто из наставников не отказывался от Фродо. Просто как только становился недоступен один учитель, тут же предлагал свои услуги другой. Причем всякий раз в какой-то мере менялась и роль учителя. Так что в конце концов, благодаря непродолжительному руководству Сэма, Фродо завершает свое развитие и в финале книги сам становится учителем и восстанавливает Шир. Рассмотрев путь развития Фродо сквозь призму отношений учитель — ученик и сопоставив их с дзен-буддизмом, мы обратимся к Сэму и к его двойной роли учителя и ученика.

Толкин предлагает различные формы отношений учитель — ученик, характер которых зависит от роли и ожиданий каждого персонажа. Обеспечив Фродо разными наставниками, Толкин создал ситуацию, характерную для дзен-буддизма, особенно продемонстрировав, что человек нуждается в таком учителе, который соответствует и способностям ученика, и его цели или заданию. По мере взросления Фродо и возникновения новых потребностей меняются и его учителя.

Полагая, что личности необходимо множество наставников в соответствии с изменяющимися отношениями и целями, буддисты считают, что личность может обучаться из множества разных источников. Толкин демонстрирует это, сменяя наставников Фродо. Бильбо, первый наставник Фродо, был его дядей, но становится ему отцом. Он занимается им на протяжении всей затянувшейся юности хоббита и уходит, когда Фродо вырастает достаточно, чтобы жить самостоятельно. Присутствие Бильбо в жизни Фродо показывает, что члены семьи, особенно родители, — необходимый источник знаний.

Второй наставник, или учитель, Фродо — Гэндальф. Он играет роль мудрого старца и в большей степени осознает и ценит свою роль учителя. После ухода Бильбо Гэндальф берет Фродо под свое крыло, а точнее, под свой волшебный посох. Гэндальф начинает обучение Фродо, рассказывая ему о Кольце и об опасностях, которые оно в себе таит. Гэндальф также дает и другие более общие уроки жизни. Когда Фродо сожалеет о том, что Бильбо не убил Горлума, Гэндальф возражает: «...не торопись никого осуждать на смерть. Ибо даже мудрейшим не дано провидеть все». Тем самым Гэндальф не только напоминает Фродо, что тот пока недостаточно мудр, но и учит, что скромность — признак мудрости, поскольку мир слишком велик даже для мудрых, чтобы полностью его объять. Эта мысль созвучна буддийской литературе, поскольку, согласно буддийской традиции, эго является основным препятствием для понимания мира. Наконец, Гэндальф, руководя Фродо, поддерживает при этом его независимость. Он обучает Фродо, а затем предоставляет ему самостоятельно принимать решения. Например, в киноверсии «Властелина Колец»

Гэндальф препоручает Хранителю Кольца решить, следует ли им покинуть Карадрас и отправиться в копи Мории.

Через образ Гэндальфа Толкин не просто дает понять, что можно учиться мудрости, но также объясняет, что значит быть хорошим наставником. Вместо того чтобы руководить опекаемым, хороший учитель воспитывает в нем независимость и поощряет личное развитие. Ясно, что Гэндальф — хороший учитель, в отличие от Саурона — плохого учителя, который постоянно унижает подчиненных, не стремясь к тому, чтобы они приобрели мудрость и научились самостоятельности.

Третий учитель Фродо — Арагорн. В отличие от Гэндальфа, дающего Фродо наставления, Арагорн в основном учит собственным примером. Уже при первой их встрече Фродо чувствует нечто необычное в Арагорне. Фродо пристально наблюдает за Бродяжником и очень многое открывает для себя. Арагорн — само воплощение смелости, независимости и преданности. Как учитель Арагорн убедительно демонстрирует, что наставник может обучать примером не менее успешно, чем традиционными уроками.

Четвертый, и последний, учитель Фродо — Сэм. Сэм — друг Фродо, а также его слуга и спутник в путешествии в Мордор. И несмотря на то, что именно Сэм на протяжении всего романа относится к Фродо как к хозяину или учителю, понятно, что Фродо берет от Сэма столько же, если не больше, сколько Сэм от него. Сэм влияет на Фродо и через наставления, и своим собственным примером. Своей беззаветной преданностью Фродо, своей стойкостью перед лицом несчастий, он учит Фродо верности, скромности и силе духа. Одна из самых показательных сцен — эпизод, когда Сэм, не умеющий

плавать, рискует утонуть, но не бросает Фродо, пытающегося покинуть Братство у острова Тол-Брандир.

Сэм тем более интересен в роли учителя Фродо, что он, кажется, меньше, чем кто-либо, подходит на эту роль. Он не выглядит ученым и у него нет ни авторитета Хранителя Кольца, ни силы волшебника, ни знатного происхождения Арагорна. Однако Толкин делает роль Сэма значительной, называя десятую главу «Двух твердынь» «Выбор мастера Сэммиума»¹. Выдвигая «мастера Сэммиума» на первый план своего повествования, Толкин напоминает читателям, что знания часто приходят из неожиданных источников и что учиться можно даже у самых простых учителей.

В дзен-буддийской литературе описано много случаев, когда учителя достигали нирваны, учась или беря пример с простых людей. Например, поиски Догеном подходящего учителя привели его из Японии в Китай, где он встретил самого невероятного наставника. В рассказе говорится, что Доген привез в Китай груз грибов ши-таки. Повар из монастыря дзен пришел к лодке, чтобы купить грибов. Ответив на несколько сложных вопросов Догена, он стал его учителем. Подобных историй множество, и обычно в них происходит разговор между учителем и учеником в форме вопросов и ответов. Практически всегда ученик в одиночку не может достичь просветления. Для этого необходимо руководство учителя, причем учителя, подходящего именно этому ученику и именно на этой стадии его развития. Таким образом, Толкина связывает с буддизмом не только признание им значимости учителя, но, что еще более важно, необходимости появления нужного учителя в нужное время.

¹ В переводе В. Муравьева глава называется «Выбор Сэммиума Скромби». — *Примеч. ред.*

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА: ТОЛКИН И ДАОСИЗМ

Вероятно, самой очевидной темой «Властелина Колец» является борьба добра против зла. Как уже было сказано в этой статье, отчасти эта тема решается Толкином через противопоставление двух типов природы. Любому знакомому с восточной мыслью толкиновское противостояние сил напоминает символ дао, где переплетены Инь и Ян. Однако вопрос в том, соответствует ли взгляд Толкина даосическому восприятию мира.

Согласно даосизму, все в мире отражает космические принципы Инь и Ян или их сочетание. Инь и Ян — противоположные энергии. Инь ассоциируется с темнотой, инертностью, женственностью, тогда как Ян связан со светом, действием и мужественностью. Даосы утверждают, что гармония достигается, когда силы Инь и Ян входят в состояние динамического равновесия, которое представлено символом дао. В нем Инь заключен внутри Ян и наоборот, что объясняется их сложным взаимоотношением. Даосы утверждают, что зло происходит от разбалансированности Инь и Ян.

В каком-то смысле отношение Толкина к противоположностям совпадает с даосическим. Во «Властелине Колец» Толкин рисует мир, в котором две силы сосуществуют в равновесии. Как и даосизм, одну силу он связывает со светом, другую — с тьмой. Более того, Толкин стремится довести баланс сил до такой степени совершенства, что уравновешивает девятерых путешественников девятью Черными Всадниками. Наконец, в разговоре о будущем эльф Хэлдар, обеспокоенный грядущей тьмой, надеется на «короткое просветление», которое даст возможность эльфам уйти за Море и тем самым сохранить баланс сил.

Но в художественной системе Толкина и в даосизме равновесие противоположных сил имеет разную суть. И хотя текст Толкина наводит нас на мысль о символе дао, при их сопоставлении мы обнаружим больше различий, чем сходных моментов.

Во-первых, хотя Толкин и описывает ситуацию, когда противоположные силы сосуществуют в равновесии, он достаточно четко заявляет, что такое равновесие не изначально и что оно должно быть преодолено. Уподобляя темные силы «тени», поднимающейся над землей и угрожающей всему доброму, Толкин однозначно дает понять, что «перемирие» («просветление») между противоборствующими силами не есть решение задачи. Скорее, Толкин воспринимает отношения между противоположностями как «войну», которую нужно выиграть. Во «Властелине Колец» эти отношения стремятся разрешиться победой над силами тьмы, а не взаимодействием с ними. Позиция, при которой одна из сил должна победить другую, противоречит основным принципам даосизма.

Очевидность отдаваемого Толкином предпочтения одной из двух сил выражается в негативной характеристике Темной Силы. Ясно, что Толкин соотносит Темную Силу со злом, а силы света — с добром, что в целом характерно для менталитета Запада, но не совпадает с даосическим делением на космические силы Инь и Ян. Хотя даосы и ассоциируют Инь с тьмой, Ян со светом, это не значит, что Инь — зло, а Ян — добро. Даосы не придают космическим основам значение зла или добра. В противном случае даосы, стремящиеся к достижению равновесия между Инь и Ян, вынуждены были бы, соотнося одну из энергий со злом, признать необходимость зла, что противоречит их философии.

Согласно даосизму, зло рождается из дисгармонии или разбалансированности дао. Даосы верят, что природе необходимы обе энергии и что добро возможно, только когда основные силы находятся в равновесии. Отличие позиции Толкина очевидно выражается в метафоре войны. Идентифицируя добро со светом, а зло с тьмой, автор связывает гармонию в природе с победой над Врагом, над Темной Силой, в то время как даосы верят, что гармония немыслима без равновесия противоположностей. Таким образом, если Толкин полагает, что добро и гармония могут воцариться лишь при условии поражения Темной Силы, то с даосической точки зрения уничтожение любой из космических сил приведет к уничтожению естественной гармонии и породит зло.

Во-вторых, Толкин, в отличие от даосической традиции, персонифицирует противоположные энергии. Во «Властелине Колец» силы тьмы воплощены одной конкретной личностью. Саурон при всех слабостях представлен как *Черный* Властелин, и зло, распространяющееся по земле, идет именно от него. Более того, Гэндальф *Белый* олицетворяет собой силы света и добра, не будучи единственным их представителем. Даосы утверждают, что Инь и Ян присутствуют в каждом и, следовательно, не могут быть персонифицированы. Скорее даосы понимают Инь и Ян как «совершенно безличные природные энергии».

Последнее различие касается особенностей отношений между противоположными силами. Как показывает символ дао, даосы верят, что космические энергии Инь и Ян взаимозависимы: это выражено переплетением Инь и Ян — в центре Инь зарождается Ян, а в центре Ян зарождается Инь. Инь и Ян зависят друг от друга и,

более того, рождаются друг из друга. Но это совершенно не соответствует восприятию Толкина.

Надеюсь, мы доказали, что, хотя некоторые моменты «Властелина Колец» отсылают нас к идеям и темам буддийско-даосических традиций, тщательное изучение показывает: многие из этих аналогий — простые совпадения. Фактически при всей своей очевидности сходство оказалось весьма поверхностным. Но несколько параллелей с буддийским и даосическим мировоззрением вполне обоснованны: это прежде всего общий акцент на природу и значимость отношений ученик — учитель. Таким образом, природа и гуманизм позволяют соединить буддизм и даосизм с «Властелином Колец».

15.
**ЧУДЕСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЭМА И ФРОДО:
МОТИВЫ ПУТЕШЕСТВИЯ
У ТОЛКИНА**

Дж. Линор Райт

Я считаю, что жизнь — это путешествие. Не то чтобы у вас была конкретная конечная цель. Она сама по себе является путешествием... Я не говорю, что жизнь — поездка до нужной нам остановки. Она длится и длится, а мы снова и снова пытаемся добраться в какое-нибудь новое место и никак не можем остановиться. Она выявляет ваше истинное лицо и показывает его.

Грина Дэвис

Дж. Р. Р. Толкин никогда не стремился прославиться, как и его Фродо, пилигрим поневоле, и персонаж был для него много важнее репутации. Но он стал знаменит — как сказал бы Хэм Скромби, Жихарь, «знаменитость —

значит вести себя как знаменитый». Кроме режиссера фильма «Властелин Колец», Питера Джексона, Толкин вдохновляет всех: от посетителей интернет-чатов до модных кутюрье. В мировой паутине на форуме обсуждений «Властелин Колец» по-прежнему актуален. Газета *New York Times* от 8 августа 2002 года рекламирует детскую английскую палатку: «Нора для вашего маленького хоббита». Дух Толкина захватил даже дизайнера моды с мировым именем Вивьенн Вествуд. В программе *CNN* «Отчет моды» она описывает свою осеннюю коллекцию 2002 года как «древесную» — «для путешественников». Для нее характерны плащи и жатая ткань в сочетании с серой, коричневой и зеленой цветовой гаммой. Как и путешествие Фродо, популярность Толкина проникнута иронией: он не искал ее, она нашла его. По его собственному признанию, приступая к «Властелину Колец», он не пытался создать аллереорию современной культуры:

Что касается внутреннего или скрытого смысла, автор его не видит вовсе. Моя книга не отличается ни аллегоричностью, ни злободневностью. <...> ...я страшно не люблю аллегорий в любых проявлениях... Я предпочитаю историю, истинную или вымышленную, но прямо адресованную и полезную читателям. Мне кажется, многие смешивают «полезность» с «аллегоричностью». Но первая оставляет свободным читателя, тогда как вторая провозглашает господство автора¹.

В этих словах Толкина слышно его предостережение не путать автора с пророком. Алчные лидеры корпораций,

¹ Перевод А. Грузберга. — Примеч. ред.

обанкротившие *Enron* и *WorldCom*¹, не далеко ушли от орков, дерущихся за награбленное добро. Марта Стюарт², замешанная в инсайдерском скандале с продажей акций, в стремлении к собственной выгоде похожа на беднягу Смеагорла, влекомого своей «Прелестью», которая ему не принадлежит. Уничтожение бульдозерами и огнем тропических лесов в Южной Америке очень напоминает опустошения, чинимые Сарумановыми гоблинами. История Толкина перебирает вечные темы, продолжающие формировать историю современной культуры. Его история — наша история. Но какое отношение его история имеет к философии?

В «Любви к знаниям» Марта Нюссбаум предлагает частичный ответ. Нюссбаум утверждает, что литература оживляет философию, даря ей образность, тело для жизни. Не будучи воплощена, философия остается абстракцией, никак не связанной с жизненным опытом. Более того, создавая персонажи, чьи действия воспроизводят опыт человеческого существования, литература позволяет нам как сквозь магическое стекло увидеть человеческое бытие в философском свете — с этической, эстетической и онтологической точек зрения. В таком случае герои Толкина одушевляют и популяризируют западную философию.

¹ Руководители американского энергетического гиганта *Enron* и телекоммуникационной корпорации *WorldCom*, скрывая свои задолженности от общественности и инвесторов, накопили в результате финансовых махинаций многомиллиардные долги и в 2001—2002 гг. вынуждены были заявить о банкротстве компаний.

² Марта Стюарт — известная американская владелица медиа-империи и ведущая популярной телепрограммы «Образ жизни от Марты Стюарт», в 2002 г. продала по совету брокера принадлежащие ей акции фармакологической компании *ImClone* накануне их обвала на рынке. В 2004 г. она была приговорена к 5 годам тюрьмы и штрафу в 1 млрд долларов.

ПУТЬ ИЗ ПЕЩЕРЫ

Путешествие становится формой изложения западной философии. Протекая в одном измерении, повествование драматизирует историю западной мысли и развивает мотив путешествия в двух направлениях: путешествие во внешний мир и путешествие внутрь себя. Первое — путешествие вовне — обычно представляет собой серию конфликтов, часто спровоцированных появлением зла в сюжетном повествовании. Второе — путешествие внутрь — характеризуется серией драматических столкновений как внутри себя (внутренняя психологическая борьба), так и с другим персонажем. Это столкновение часто спровоцировано сильной эмоцией, например любовью, и кульминация приходится на момент соединения с силой, против которой персонаж борется.

Одно из самых знаменитых путешествий в истории западной мысли (задолго до фильма «Тельма и Луиза») — путешествие святого Августина. В своей автобиографической «Исповеди» Августин описывает раннее детство в Северной Африке, взрослую жизнь, посвященную преподаванию риторики в Карфагене, Риме и Милане, свое обращение в христианство с последующим возвышением до сана епископа города Гиппона. Читая историю его жизни, мы становимся также свидетелями его философских скитаний — в поиске Истины, которую он находит в триединстве христианского Бога. Процесс обращения, описанный Августином, очень сильно напоминает платоновскую аллегория пещеры, которая появляется в седьмой книге «Государства». Здесь аллегорически рассказывается о рабе, который освободился от оков и выбрался из темной пещеры наружу, в неизвестный мир, полный солнечного света

и «настоящих» предметов. Придя познавать мир вне пещеры, он отрекся от теней и постиг вечные Идеи, источник и суть всего истинного и разумного. Платон предложил эпистемологическое объяснение этого опыта в «Федре», где он утверждал, что всякая человеческая душа, соприкоснувшаяся с Идеями, созерцает Красоту и Благо, осознавая истинное бытие в его высшем, непорочном состоянии.

Следуя по стопам Платона, Августин стремится постичь благо и красоту в мире. Он начинает свой путь, покидая «пещеру» языческого Рима приверженцем манихейской философии, материалистской философии о добре и зле. После встречи с духовным лидером манихейцев Фаустом, Августин увлекается астрологией, потом академическим скептицизмом, пока, наконец, не знакомится с аллегорической интерпретацией христианской мысли в проповедях святого Амвросия. Аллегии Амвросия открывают для Августина в Священном Писании лик Господа, и Августин начинает свой паломнический путь веры.

Как мы знаем, путешествие — это движение от одной точки к другой. Но путешествие не обязательно совершается в пространстве или во времени. Иногда оно происходит в области духа, как в случае с Августином: от манихейства — к христианству. Бывает и интеллектуальное путешествие: например, горожане в фильме «Плезантвилль» осознают красоту реальности только после того, как с их жизни снимают мрачное покрывало репрессивных правил. И хотя путешествие все же подразумевает движение — физическое, духовное, интеллектуальное или же философское, — в движении важнее сама суть, чем достижение пункта назначения. Как говорил Бильбо, «всякий, кто пускается в путь, находит

свое!». Кроме того, движение требует определенной свободы, но если движение начинается сразу в двух направлениях — физическом и духовном, — тогда необходимы, как минимум, две категории свободы: свобода от материальной привязанности (свобода оторваться и бродить) и свобода от мешающих обязанностей. Исход Фродо из «пещеры» во «Властелине Колец» — это исход из Ши́ра. Его угнетает необходимость отправиться в путь, и он как можно дольше откладывает решающий день, хотя когда-то мечтал о путешествиях, но он осознает, что в сложившейся ситуации его отправление означает «изгнание». Фродо все больше и больше тяготится своим путешествием вовне, он вспоминает предостережения Бильбо о том, что уход из дома — опасная затея. Свой первый шаг из «пещеры» Фродо делает, когда, выслушав рассказ Гэндальфа о Кольце, понял, что ему предстоит сыграть свою роль в уничтожении Кольца. Вторым шагом стала продажа дома Бильбо и всех его пожитков Лякошэль-Торбинсам, родственникам, которых Фродо презирал. И третий шаг он сделал, когда Элронд предоставил ему шанс избавиться от непосильной ноши Кольца.

Фродо обвел взглядом собравшихся, но никто не поднял на него глаз: все молчали и смотрели в пол, предаваясь собственным мрачным раздумьям. Его охватил леденящий страх — он вдруг понял, что сейчас поднимется и самому себе произнесет приговор...

— Я готов отнести Кольцо, — сказал он, — хотя я не знаю, доберусь ли до Мордора.

Фродо и его друзья по мере их удаления от уютного Ши́ра заметно преображаются. И если обычные хоббиты

пассивны и трусливы, Сэм, Мерри и Пин идут навстречу опасностям и противостоят ужасам войны. Они страдают от физических и душевных ран, каждая из которых придает им новых сил, храбрости и уверенности в себе. В результате перенесенных ран и лишений они раскрепощаются, освобождаются от естественных инстинктов и хоббитских желаний. Только тогда их физическое путешествие сменяется экзистенциальным. Как только происходят эти изменения, их внутреннее понимание гармонизируется с их обязанностями, и они, согласно Ницше, «становятся самими собой».

Хотя Фродо самостоятельно принимает решение отнести Кольцо в Мордор, его выбор демонстрирует ограниченность человеческой свободы. И не только ответственность ограничивает свободу; выбор между двумя возможными вариантами зависит от готовности — такой выбор обусловлен во многом исторически. Фродо является Хранителем Кольца в какой-то мере в силу того, что его дядя Бильбо получил Кольцо Смеагорла (известного также под именем Горлум) не совсем честно, а потом передал его Фродо. Но он Хранитель Кольца еще и потому, что Кольцо не бросает его — «Кольцо выбирает своего хранителя». Несомненно и то, что выбор Фродо касается не только его одного: поскольку он не знает, где находится Роковая гора, с ним придется отправить провожатых, которые помогут ему справиться с ношей. Следовательно, приняв решение нести Кольцо, Фродо берет на себя ответственность не только за уничтожение Кольца, но и за тех, кто будет содействовать выполнению этой миссии. Его выбор приводит к свободе для Кольца, а не от Кольца. Решение Фродо уничтожить Кольцо создало Братство; оно созидательно. Удивительным образом оно связало участников

Братства с Фродо и освободило их для сопровождения его в Мордор. Значит, обязательство Фродо нести Кольцо — это обязательство создать свободу в Братстве.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРЬ СЕБЯ

Как и философские поиски, путешествия Толкина имеют двойную направленность: из темной пещеры иллюзий к свету познаваемой реальности и от своего бытия во-вне к собственной душе. Путешествие внутрь, к душе, предполагает экзистенциальную свободу, которая сама по себе — часть структуры подлинного человеческого существа. Постигание героями собственной души есть путешествие к абсолютной свободе — к осознанию того, что жизнь определяется событиями без цели и значения. Следуя за Хайдеггером, философ Чарльз Тэйлор утверждает:

Мое ощущение себя есть ощущение существа, которое постоянно растет и меняется... А также существа, которое вообще всегда растет и меняется. Себя я знаю только через возмужание и одряхление, через победы и поражения.

В XVII веке мотив путешествия получил дальнейшее развитие у французского философа Рене Декарта. Согласно Декарту, путешествие к истине, которое Платон связывал с Богом и завершение которого Августин видел в соединении с Богом, заставляет обратиться внутрь себя, погрузиться в свой уникальный внутренний мир. Будучи в молодости солдатом, Декарт много путешествовал, «посещал суды и армии, общался с людьми разного рода и ранга, познавал различный опыт», стал свидетелем кровавых ужасов Тридцатилетней войны. И пришел

к выводу, что завоевание себя — цель проще и ценнее, чем завоевание мира, он принял решение «брать также собственные уроки, использовать в выборе пути, по которому мне следует идти, всю силу собственного сознания». Если мы по примеру Декарта углубимся в себя, то придем к осознанию *cogito*¹, мыслящей субстанции, символическому существованию человеческого сознания.

Декарт создал и использовал систему методологического сомнения, подрывающую слабое основание веры. Сомневаясь во всем, во что верили раньше, Декарт открывает нам ощущение систематической иллюзорности. В результате он приходит к заключению, что, поскольку наши ощущения нас обманывают, знание не может быть основано на сенсорном восприятии, но, скорее, должно базироваться на умственном процессе, открывающем нам идею. Только когда наша вера основана на непосредственном опыте и внутренних идеях, мы можем абсолютно и безусловно познать реальность. Как и Декарт, Хранитель Кольца и его товарищи должны освободиться от стереотипов и ложной веры, чтобы измениться, совершив путешествие внутрь себя.

Как и многие мыслители, признающие необходимость освободиться от экзистенциальных сомнений, но испытывающие недостаток силы воли объять абсолютную свободу, так Боромир постигает собственное философское перерождение только на пороге смерти, когда признается Арагорну:

Я хотел отобрать Кольцо у Фродо. Я виноват. Но я расплатился... <...> Иди в Минас-Тирит, спасай наших людей. А я... меня победили.

¹ Мыслю (лат.).

Арагорн отвечает:

Нет!.. Ты победил. И велика твоя победа. Покойся с миром!

Одержимый мечтой спасти свой народ, Боромир подчиняется глубинному желанию воспользоваться Кольцом, чтобы уничтожить врагов своей страны. Став рабом этого желания, он приходит к гибели.

Решающий шаг на пути от рабства к свободе — личное перерождение. Как только мы освобождаемся от внутренних цепей, наша личность свободно растет. Например, преображение Гэндальфа Серого в Гэндальфа Белого начинается в недрах Мории в сражении с Барлогом. Когда он снова появляется в «Двух Твердынях», он знаменует новое начало, рассвет нового дня. А как уверяет Арагорн, «для людей рассвет всегда означает надежду». Другие персонажи, достигшие личного перерождения, — Арагорн, начавший путешествие «Бродяжником», а завершивший его «королем Элессаром», и Сэм Скрэмби, ставший «мастером Сэммиумом»¹. Остальные не смогли совершить этот экзистенциалистский подвиг. К примеру, хоть Смеагорл и был прилежным учеником Фродо, он тайно замыслил украсть Кольцо с помощью отвратительной паучихи Шелоб.

Толкин считает, что физическое путешествие Сэма и Фродо было предопределено историческими обстоятельствами. Но, по его мнению, их экзистенциальное

¹ Присвоение новых титулов и изменение имен означает, что паломник достиг определенных вершин в своем путешествии. В одной восточной сказке про обезьяну главный герой требует давать ему новое имя на каждом этапе своего путешествия к просветлению. Начинает он с «Прекрасного царя обезьян», потом патриарх Субоди нарекает его «Сведения пустоты», и наконец он становится «Победоносным Буддой из Страйфа».

путешествие, которое они могли как принять, так и отвергнуть на любом его этапе, — это их собственный выбор. Выбрав путешествие, выбрав роль ницшеанского человека, говорящего «великое „да“», они выбрали также «самые суровые и удивительные трудности жизни, обрекли себя на неистощимые радости жизни»¹. Как и человек «великого „да“», Сэм и Фродо преодолевают свою историю и собственную природу. Тогда и только тогда они смогут завершить свою миссию и получить экзистенциальную свободу.

В отличие от хоббитов, Смеагорл и Саруман — люди «нет», оплакивающие свои неудачи и зализывающие свои раны, жалость к себе лишает их воли. Смеагорл остается рабом Кольца, даже когда лишается его, ему бесконечно жаль себя, не имеющего ни еды, ни отдыха, ни доверия. Саруман отказывается принять милосердие Гэндальфа и компании, заявляя: «чем так улыбаться, ты лучше скалься», — на что Гэндальф отвечает: «Саруман, похоже, увы, уж ни на что доброе не годится: сгнил на корню». И Смеагорл, и Саруман живут не подлинной жизнью, жизнью, в которой есть лишь прошлое и настоящее, они отказываются принять возможность будущего или признать то, что Хайдеггер называл «потенциалом к бытию». Ложные персонажи привязаны к событиям прошлого, они отказываются освободиться от «идолов, которые есть у всех нас и перед которыми мы имеем обыкновение пресмыкаться»². Несмотря на трудность борьбы с природой и историей, маленькие хоббиты Фродо и Сэм формируют собственный путь, двигаясь к осознанию себя и своего подлинного бытия.

¹ Ницше Фр. Сумерки идолов.

² Хайдеггер М. В поисках бытия.

В отличие от большинства авантюрных повествований, которые выбирают форму либо внутреннего, либо внешнего путешествия, «Властелин Колец» использует обе. Как отмечает Джон Дюнн, сага Толкина — «великое путешествие, но это и столкновение, война добра и зла — и то и другое одновременно». Пытаясь обнаружить философский подтекст во внутреннем и внешнем путешествии во «Властелине Колец», мы не только исторически объединяем прошлое с настоящим, мы оборачиваемся к прошлому и принимаем его экзистенциально, мы находим себя в романе Толкина. Соприкосновение исторических и экзистенциальных граней человеческого опыта дает нам понимание новых задач современных философов: заглянуть за край бездны постмодернистской культуры и найти там значение и ценность¹.

ПАЛОМНИКИ И ПРОВОДНИКИ

На протяжении всей трилогии Толкин описывает путешествие Фродо и его товарищей не как череду героических действий, но как «миссию». И как все миссии с великими и высокими целями, путешествие хоббитов непредсказуемо и не очень приятно. Оно начинается в родном Шире, но очень быстро переносится в незнакомые места. Подобно странствиям обезьяны из китайского эпоса «Путешествие на запад», отправившейся в Индию в поисках священных буддийских свитков, приключение Фродо и Сэма

¹ Другие классические западные, и не только, тексты, в которых присутствуют мотивы путешествия: эпос о Гильгамеше, «Рамаяна», «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Энеида» Вергилия, «Песнь о Роланде», «Тристан», «Божественная комедия» Данте, «Кентерберийские рассказы» Чосера, «Декамерон» Боккаччо и «Буря» Шекспира.

началось с прогулки пешком и растянулось на несколько месяцев, полных опасностей и битв. Оно тоже развивалось постепенно. Когда речь впервые зашла о предстоящем путешествии, Гэндальф сказал Фродо:

Может, ты дойдешь до Ородруина, а может, это вовсе не твое дело — как знать? Я знаю другое: пока что ты к такому пути не готов.

Сэм и Фродо кажутся обычными паломниками — они немного беспечны, слабовольны и очень неохотно пускаются навстречу опасностям со своими товарищами. Так, Фродо, узнав о перспективе путешествия, говорит Гэндальфу:

Я, конечно, и раньше думал, не уйти ли мне, только представлял себе какой-то пикник, приключения, как у Бильбо или даже интереснее — разные ведь бывают, и все хорошо кончаются. А тут — из страха в страх, и смерть по пятам... Только я же маленький, для всех там чужой и — как бы это сказать? — не из них. А Враг такой сильный и страшный.

Друзьям нужен проводник, отчасти потому, что они обладают слабой волей. Фродо и Сэм в описании Толкина напоминают средневекового паломника Данте с его страхом, который он испытывает, путешествуя по аду в сопровождении Вергилия. Когда его начинает одолевать тревога, у него кружится голова и он не способен воспринимать реальность. Так же и Фродо борется с растущей тяжестью Кольца, с собственными сомнениями и глубокой усталостью. Во все времена мировоззрение философов формировали учителя и проводники. Например, Платон сжег свои трагедии, когда встретил Сократа.

Аристотель вошел в Академию Платона и сам стал учителем. Августин получил духовную поддержку от Амвросия. Фома Аквинский учился у Альберта Великого. Кант надеялся, что Юм «разбудит его от сна догматов». А Жан-Поль Сартр, Ханна Арендт и Гадамер обратились к цветущему полю экзистенциализма под влиянием Мартина Хайдеггера, который, в свою очередь, испытывал глубокую признательность к Эдмунду Гуссерлю.

Во что превратится путешествие без проводника (или двух)? Сказочный проводник Толкина, находящий свободу в странствиях, — Гэндальф. Хотя Гэндальфу часто приходится отлучаться, чтобы помочь военным действиям, он никогда не бросает своих друзей-хоббитов, помогая им и словом и делом. Гэндальф устраивает так, чтобы их проводником стал Арагорн. Позже, в соответствии с предсказанием Гэндальфа, что «Смеагорл может еще пригодиться», Горлум исполняет последнюю службу в почти безнадежной миссии Сэма и Фродо и уничтожает Кольцо.

Паломники отличаются от героических в классическом смысле слова персонажей. Согласно древней мифологии и современному эпосу, герои храбры, статны, часто имеют божественное или просто благородное происхождение, иногда обладают волшебной, физической, умственной силой, иногда — каким-то особым мастерством, знанием искусств (часто играют на музыкальных инструментах). Классические греческие примеры — Тесей, который с помощью возлюбленной Ариадны поверг Минотавра, охранявшего лабиринт на Кноссе, или Одиссей, которого Гомер представляет как благороднейшего и наиболее уважаемого за свою храбрость, хитрость и красноречие героя.

В отличие от этих героев, Сэм и Фродо постоянно испытывают страх и ужас; их путешествие исполнено отчаяния. Как и все хоббиты, они маленького роста, их

часто принимают за детей. Нет у них ни благородного происхождения, ни исключительных знаний или ума, ни мастерства, ни физической силы. Их сила заключена в преданности, решительности и искренности. Они не герои в классическом смысле, скорее, они похожи на обычных современных путешественников. По мере приближения к Роковой горе миссия преображает двух печальных паломников в жизнерадостных, отважных мастеров, чьи характеры соответствуют потенциалу Кольца. Особенно отчетливо видно перерождение Сэма в битве с Шелоб. Толкин пишет:

И, словно зажженный его неукротимым духом, светильник в его руке запылал как свечка... Невиданный огонь с поднебесья опалил Шелоб как молния... Она шлепнулась на спину... <...> Сэм наступал; он шатался как пьяный, но шел на нее. Она заторопилась прочь, мерзко, трусливо дрожа и колыхаясь, обгаживая камни желто-зеленой слизью, и втиснулась в проход...

Преображение Фродо мы видим глазами Сэма в тот момент, когда они поймали Смеагорла:

Сэму на миг показалось, что хозяин его вырос, а Горлум совсем усох: величавая тень, могучий властитель, скрывающий тайные знаки избранности под серым облачением, и у ног его — скулящая собачонка.

Несмотря на личный рост, оба друга понимают, что произошедшие в них перемены, возможно, не имеют смысла, поскольку они близки к завершению своего путешествия на Роковую гору. Сэм, в частности, опасается, что, даже если они смогут уничтожить Кольцо, у них нет надежды выбраться из Мордора живыми:

Но Сэм хотя и терял всякую надежду, — то есть казалось, что он ее теряет, — а обретал новые силы: суровой, почти угрюмой сделалась его добродушная хоббитская физиономия, а сам он стал тверже камня и крепче всякой стали и знал, что справится с тоской и усталостью, что уж как-нибудь да пройдет нескончаемый выжженный путь.

Сила характеров Фродо и Сэма — признак подлинности их паломничества. Современное представление о «герое» берет начало в конфликтах, описанных в греческой литературе и приводящих к битвам между божеествами и людьми, равными богам. Выясняется, что изначальным желанием людей было желание бессмертия, что влекло за собой необходимость обожествления и объединения. Несмотря на наше изобилие и технологические достижения, нам все равно по-прежнему требуются экстраординарные личности и события. Так почему же Сэм и Фродо такие обычные? В «Симпозиуме» Платона, его величайшем диалоге о любви, Диотима наставляет, что мудрые мысли рождаются из маленькой искры в мозгу. Толкин учит нас тому же. Самые невзрачные существа, ростом не больше детей, оказываются способны на экстраординарные подвиги.

И сейчас больше, чем когда-либо, мы осознаем, что для понимания нашей исключительности нужны самые обычные люди. Возможно, Тина Тернер права, сетуя в «Сандердоме»: «Нам не нужен новый герой». Нам нужны люди — такие, как они есть — слабые и беззащитные. Поэтому Фродо и Сэм должны быть обычными, а не героическими. Сопротивляясь обстоятельствам, путешественники Толкина доказывают, что, вставая на сторону добра, обычные люди превращаются в сверхлюдей.

16.
ХЭППИ-ЭНД
И РЕЛИГИОЗНАЯ НАДЕЖДА:
«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» — СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС

Джон Дж. Дэйвенпорт

На первый взгляд сказка Толкина о хоббитах, волшебниках и воинах кажется просто забавным приключением. Другие склонны видеть в этом произведении христианскую аллегорию. Я же утверждаю, что Толкин сочинил эпическую сказку с элементами религиозной этики. В частности, Толкин создал в своей истории особого рода хэппи-энд, который созвучен надеждам западного христианства на то, что наша борьба со злом не бессмысленна, что в конце нас ожидает справедливое возмездие и исцеление мира. Чтобы доказать это, я рассмотрю теорию Толкина о сказках и его артуровскую модель хэппи-энда во «Властелине Колец».

РЕЛИГИЯ И МИФ

Между критиками идут бесконечные споры, является ли «Властелин Колец» по сути своей религиозным произведением или нет. В отличие от «Хроник Нарнии» К. С. Льюиса, эпос Толкина не имеет прямых христианских аллегорий, в нем мало очевидных параллелей с иудейской Торой или христианским Новым Заветом. Так, Патрисия Спэкс пишет, что в нравственном и теологическом планах произведения «нет явных сверхъестественных указаний: „Властелин Колец“ никоим образом не является христианским произведением». На самом деле, в работе Толкина многие символы, персонажи и сюжетные линии очень близки североευропейской мифологии, например историям о богах из древнескандинавских «Эдд», финской «Калевале», исландским сагам, немецкой «Песни о Нибелунгах», древнеанглийскому «Беовульф», по которому профессор Толкин был в свое время ведущим специалистом. Как справедливо замечает Спэкс, в своей знаменитой лекции о «Беовульфе» Толкин обозначает разницу между христианской теорией спасения после смерти и древнескандинавским представлением об особой ценности победы в героической битве с хаосом, перед лицом неизбежной смерти:

...создатель «Беовульфа» перевел борьбу в совершенно иную плоскость, чтобы мы смогли увидеть человека, в одиночку воюющего против враждебного мира, и его неизбежное поражение на пространстве Времени¹.

¹ Перевод Н. Горелова. — *Примеч. ред.* Я бы утверждал, что произведение Толкина имеет более глубокие связи также и с легендами о короле Артуре, и вообще с британской мифологией. Первый рассказ Толкина «Падение Гондолина», несомненно, связан с преданием о падении короля Артура.

Более того, как признают многие критики, пронзительные интонации печали переполняют произведение Толкина: мотивы распада, необратимых потерь и безвозвратного ухода славного прошлого сопровождают повествование во «Властелине Колец». Мы находим их не только в отплытии благородных эльфов, измельчании великого Гондора и исчезновении онтиц, но и в размышлениях о великой борьбе, описанной в книге. Даже после изумительной победы в Хельмовой Пади Теоден, престарелый король страны коневодов — Рохана, находит причины для печали:

— ...Ведь даже если мы победим, все равно много дивного и прекрасного исчезнет, наверное, из жизни Средиземья.
— Исчезнет, — подтвердил Гэндальф. — Лиходейство Саурона с корнем выкорчевать не удастся, и след его неизгладим. Но такая уж выпала нам участь.

И все же, как отмечает Спэкс, у мира Толкина много общих черт с христианским миром, «включая возможность милосердия». В «Сильмариллионе», незаконченной предистории «Властелина Колец», Толкин рассказывает, что вначале был единственный высший бог Илуватар, который из ничего создал Айнуrow, бессмертных созданий, похожих на ангелов и архангелов в христианской традиции. С их помощью Илуватар впоследствии создал физический мир, Эа, и всех сущих в космической симфонии божественной музыки. Раздор между добром и злом начался в этой истории творения с падения высшего из Айнуrow, Мелькора (переименованного в Моргота — параллель с Люцифером-Сатаной), который смог превратить созданный им в изначальной музыке диссонанс в высшую гармонию, предвиденную Илуватаром. В конце этой симфонии творения

встал Илуватар, и грозен был Его лик. Воздел Он руки и единым аккордом, пронизавшим Бездну и Свод Небес, оборвал музыку.

Здесь очевиднее, чем во всех остальных своих книгах, Толкин дает миру обещание искупления в конце, или — в теологических терминах — пророчествует эсхатологический конец с последним судом и последующим завершением мира. Иногда это пророчество напоминает о себе и во «Властелине Колец», например, когда Денэтор заявляет Гэндальфу, что тот не имеет права вмешиваться в дела Гондора, волшебник отвечает наместнику:

...я не правитель Гондора и не властвую иными краями, ни великими, ни малыми. Однако же в нынешнем мире я в ответе за все, что достойно спасения. И коль уж на то пошло, пусть даже Гондор падет, я исполню свой долг, если, когда схлынет мрак, уцелеет хоть что-то от земной красоты, если будут для кого-то расти цветы и вызревать плоды. Ведь я тоже наместник. Этого ты не знал?

Вывод очевиден: как наместник Гондора должен сохранить королевство для пропавшего нуменорского короля к его возвращению, так и настоящий Владыка Средиземья препоручил мир опеке Гэндальфа и его братьев-волшебников (и отчасти опеке Валаров, правителей-архангелов Илуватара), пока Он Сам в него не вернется.

Но этот Владыка, Илуватар, редко упоминается во «Властелине Колец». Даже в «Сильмариллионе», где основными героями являются Валары, Илуватар — сила наблюдающая. Ко времени наступления Третьей Эпохи

даже о Валарах помнят смутно, как о силе за Морем, на крайнем западе, которая присылает волшебников на помощь в борьбе против Саурона. Значит, Бог и архангелы играют во «Властелине Колец» достаточно виртуальную, неактивную роль, а основное действие сосредоточено на борьбе смертных существ. И в этом шедевр Толкина напоминает классическое произведение староанглийской поэзии, сосредоточенное на нашем изменчивом мире, с его преходящими ценностями, потерями и отчаянной храбростью перед лицом смерти. Поэтому неудивительно, что мы не видим, чтобы персонажи Толкина молились Богу, или встречались с божественными воплощениями, или переживали религиозный опыт, подобный описанному в житиях святых. Как Толкин объясняет своему американскому издателю, книга написана по «монотеистической модели „природной теологии“». Странность, связанная с отсутствием церквей, храмов или религиозных служб и церемоний, является частью описанного исторического контекста... «„Третья Эпоха“ — не христианский мир». Итак, если литературный труд можно назвать религиозным только при условии, что в нем исследуется природа Бога, защищается вера в Бога или описывается культовая практика, тогда «Властелин Колец» лишен религиозного содержания.

ВОЛШЕБСТВО, СКАЗОЧНЫЕ КОНЦОВКИ И ЭСХАТОЛОГИЯ

Тем не менее, «Властелин Колец» — произведение религиозное во многих отношениях. Если, как считал датский экзистенциалист Сёрен Кьеркегор, суть религиозной веры заключается в обещании спасения, которого

мы не в состоянии достичь нашими собственными последовательными усилиями и которое возможно только с помощью божественного чуда, тогда произведение Толкина по сути гораздо более религиозно, чем иные поверхностно «религиозные» труды. Толкин раскрывает свою цель в эссе «О волшебных сказках»¹, объясняя идеи, остающиеся за пределами привычного хэппи-энда классической сказки вроде «Красавицы и Чудовища», «Золушки» и «Ганса и Гретель». В своем замечательном эссе Толкин утверждает, что в лучших своих проявлениях сказки, вопреки сложившимся представлениям, предназначены не для развлечения малышей и старых дам, наоборот, сказка — форма серьезной литературы, в которой природа предстает перед нами как Волшебная Страна, «полная опасностей». Подлинными сказками в таком высшем смысле являются, например, первоначальные греческие мифы о Персее и горгоне, о дереве Юпитера или средневековая история о «Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре». Функция волшебства в таких историях заключается не в демонстрации трюков и заклинаний, но в удовлетворении «исконных человеческих желаний», включая желание «познать глубины пространства и времени», «общаться с другими живыми существами», а самое главное — «увидеть исполнение воображаемого чуда, независимо от сознания, его породившего».

Итак, Толкин утверждает, что подлинной сказке необходима магия, которая в контексте самой истории воспринималась бы как «реальное» и которую нельзя

¹ В своих письмах Толкин часто обращается к этому эссе, напоминая друзьям и родственникам о его важности и пытаясь привлечь к нему внимание критиков (не слишком успешно), и выражает глубокое разочарование, что сборник, в котором оно вышло впервые, крайне быстро был распродан.

было бы объяснить ни сном, ни иллюзией, ни передовыми технологиями. Однако магия Волшебной Страны не должна быть и прямым проявлением божественной силы Бога, создавшего мир. Как объясняет Толкин, сверхъестественное может присутствовать в сказке:

Иногда в мифологии действительно ощущается нечто «возвышенное»: божественные качества, право на власть (в отличие от обладания властью), заслуженное поклонение...

Но в отличие от космогонических мифов о сотворении, сказки напрямую не связаны с божественным или «сверхъестественным». Скорее, «у сказок, как жанра, есть три лика: мистический для изображения сверхъестественного, магический, для изображения природы; зеркало жалости и презрения, отражающее Человека». «Основной лик Волшебной Страны», — говорит Толкин, — магический».

Другими словами, сказки Волшебной Страны — особая магия, которая не имеет ничего общего с алхимическими превращениями, с трюкачеством ученика чародея или с заклинаниями из игры про башню и дракона. Опасная магия Волшебной Страны в мире Толкина, населенном благородными эльфами, магами, драконами и онтами, творится с помощью Природы, чье волшебство скрыто в нашем мире. Она выражает живую силу, дух всех вещей, пробуждающий в нас желание создавать новую реальность: «Чистому желанию этому не требуются ни иллюзии, ни колдовство, ни власть; оно жаждет взаимного обогащения, ему нужны не рабы, а товарищи — в общем деле и в общих наслаждениях». Такую положительную созидательную власть Толкин называет «главным желанием и стремлением человеческой

Фантазии». Во «Властелине Колец» мы встречаем это желание положительной силы в образе Гэндальфа и, в меньшей степени, в образе Галадриэли, которые оба, тем не менее, отказываются от шанса воспользоваться силой Кольца, чтобы повелевать другими и украсть чужую свободу.

Но магия, свойственная Волшебной Стране, выражает не только скрытую сторону природы, ее внутреннюю силу и живую красоту, она выражает также и естественное доброе человеческое стремление приобщиться к чуду через «сотворение». Ибо эта магия, по Толкину, удовлетворяет внутренним желаниям человека обрести душевное равновесие, убежать от действительности и прийти к счастливому концу. Для Толкина суть первых двух желаний заключается соответственно в обновленном умении ценить жизнь и природу и в избавлении от чужих иллюзий, т. е. от искусственного, механистического, страшно разрастающегося потребительского общества. Этими желаниями объясняется сосредоточенность «Властелина Колец» на уюте и красоте Шира и его обитателей в противоположность не только Мордору, но и разрушенному Изенгарду с его адским подземельем скрежещающих машин.

Наконец, мы подошли к счастливому концу. Под ним Толкин подразумевает не уютный мир, но ответ на вопрос: имеют ли смысл все наши попытки что-либо сделать, наши лишения, страдания, несут ли они в себе некую конечную значимость (ответ вроде предложенного Бозцием в «Утешении философией»). Разновидность хэппи-энда, присущего настоящей сказке, представляет собой чудесную отсрочку перед лицом надвигающейся катастрофы, которая лишь намекает на ответ. Толкин называет утешение, достигнутое таким хэппи-эндом,

«эвкатастрофой», или радостным избавлением посреди очевидной катастрофы.

Толкин вводит термин «эвкатастрофа», потому что считает, что в языке нет термина, чтобы назвать противоположность «трагедии». Он понимает трагедию как истинную форму драмы, как ее высшее проявление, а эвкатастрофа — это истинная форма и высшее проявление сказки.

Радость от счастливой концовки волшебной сказки — или, точнее, счастливой ее развязки, нежданного радостного поворота ее сюжета, ибо сказки никогда по-настоящему не кончаются — вот одно из благ, которыми волшебная сказка особенно щедро оделяет людей. По сути своей это не радость «эскейписта» или «чудом спасшегося». В сказочном оформлении, то есть как бы пришедшая из Волшебной Страны, эта радость — неожиданно и чудесно снизошедшая благодать, которая, может быть, больше никогда не возпратится. Она не противоречит существованию «дискатастроф» (печальных концовок), скорби и несбывшихся надежд: ведь без этого невозможно и радость избавления от несчастий. Но она отрицает (если хотите, вопреки множеству фактов) полное и окончательное поражение человека и в этом смысле является евангелической *благой вестью*, дающей мимолетное ощущение радости, радости, выходящей за пределы этого мира, мучительной, словно горе.

Толкин вводит термин «эвкатастрофа», чтобы подчеркнуть, что внезапное превращение или неожиданное спасение в финале настоящей волшебной сказки включает в себе не только «удовлетворенную справедливость» но и «эхо *благой вести* в реальном мире». Радость, получаемая от такого хэппи-энда, связана с тем

удивительным спасением, которое не могло быть осуществлено человеческими силами. В письме сыну Кристоферу Толкин рассказывает про мальчика, умирающего от туберкулезного перитонита: его отвезли в пещеру Люрда, но он там не излечился. Однако возвращаясь домой поездом и проезжая мимо пещеры, он исцелился. Толкин пишет, что эта история «с ожидаемым печальным концом и неожиданным счастливым исходом» дает ту особенную эмоцию, которая свойственна переживанию эвкатастрофы, потому что это «внезапное прозрение истины... луч света во вселенских трещинах вокруг нас».

Эмоциональная острота, которую Толкин видит в этом моменте, связана с нашим трагическим признанием зла и несовершенства мира или даже со скандинавским смирением перед нашим бессилием его преодолеть; а сказка поднимается над человеческой печалью и дает неожиданную отсрочку, которая становится возможной благодаря божественной благосклонности («добродетели абсурда», как сказал Кьеркегор). В этой связи Толкин пишет: «В Евангелиях содержится волшебная сказка, или, скорее, всеобъемлющий рассказ, вмещающий в себя суть всех волшебных сказок». Воскресение становится эвкатастрофой Евангелия, потому что это неожиданное облегчение, когда, казалось, все потеряно. Но эвкатастрофическая радость воскресения содержит и эсхатологическое послание, более конкретное, нежели надежда сказочной эвкатастрофы, поскольку для христиан воскресение — отправная точка новой реальности, которая обещает вечную жизнь с Богом в наступающем мире. В сказочной эвкатастрофе на такую эсхатологическую надежду есть лишь частичный намек.

Таким образом, по мысли Толкина, особый вид хэппи-энда, который мы находим только в настоящих волшебных сказках, обусловлен именно их скрытым эсхатологическим значением, которое намекает на существование вечного источника надежды за пределами темноты и отчаяния. Проще говоря, эвкатастрофический поворот сказки — это знак, или эхо, эсхатона, не прямое указание на божественный суд и наступление нового Царства. И волшебное появление Природы в таких сказках также подразумевает нечто неожиданное, а именно, что естественный мир, как мы знаем, предназначен для божественной трансформации, предназначен стать частью нового рая и новой земли.

Отлично объясняет идею эвкатастрофы средневековая сказка о «Сэре Гавейне и Зеленом Рыцаре», которую Толкин тщательно изучил и использовал для создания образа Фродо. Главный герой сказки, громадный Зеленый Рыцарь, бросающий вызов двору короля Артура, представляет собой то, что Толкин называет «лицетворением» сути Волшебной Страны, — волшебное в природе. Являясь прямым наследником «зеленого человека» — природного духа в кельтской мифологии, — Зеленый Рыцарь воплощает силу живой среды, которой человеку невозможно ни обладать, ни управлять, но с которой, тем не менее, человек может взаимодействовать. Убить его нельзя, но с ним можно заключить опасную сделку.

Вот вкратце этот сюжет. В Камелот на празднование Нового Года приходит Зеленый Рыцарь и спрашивает: посмеет ли кто-нибудь из рыцарей Артура нанести ему по шее удар топором, с тем чтобы через год получить такой же в Зеленой Часовне. Когда же сэргавейн принимает вызов Зеленого Рыцаря и обезглавливает

его, тот подбирает свою голову и говорит Гавейну, что через год они встретятся и Гавейн вернет ему долг. За два дня до назначенной встречи опечаленный Гавейн оказывается в доме сэра Бертилака (переодетый Зеленый Рыцарь) и там вступает в другую опасную сделку: пока хозяин охотится, Гавейн будет оставаться с хозяйкой в доме, а в конце дня они обменяются трофеями. Жена сэра Бертилака (переодетая Зеленая Дама) пытается соблазнить Гавейна, испытывая его честность. С большим трудом Гавейн противостоит искушениям, но на утро назначенного ему дня расплаты он берет предложенный ею в знак близости пояс — отчасти из вежливости, отчасти потому, что, по ее словам, пояс волшебный и поможет ему спастись от топора. Он не показывает пояс хозяину, как того требовала сделка. Позже, когда грозный Рыцарь встречает его у часовни, Гавейн принимает свою судьбу (смирение, предшествующее звкатастрофе). Но Зеленый Рыцарь не убивает Гавейна: первые два взмаха останавливают топор у самой шеи Гавейна, а третий навсегда оставляет лишь глубокий шрам как наказание за утаенный пояс. Это знак смертности — такой же как ахиллесова пята, изъян, который отличает человеческое от божественного. Как писал Толкин:

Наличие небольшого изъяна делает «несовершенство» Гавейна более человеческим и правдоподобным и потому более благородным¹.

Перед лицом ужасной Зеленой Часовни, неожиданная отсрочка, подаренная Гавейну, воспринимается как

¹ Перевод М. Каменкович, С. Степанова. — *Примеч. ред.*

поразительная и совершенно внезапная благосклонность. Это абсолютная эвкатастрофа в толкиновском смысле этого слова. И Гавейн — предтеча Фродо. Как и Гавейн, Фродо принимает на себя ношу и миссию, которую не может принять больше ни один рыцарь. Как и Гавейн, отступивший от договора, Фродо в конце сдастся соблазну и надевает Кольцо (так же как Гавейн надевает пояс). И как Гавейн, Фродо получает ранения и шрамы, призванные навеки свидетельствовать о его человеческом несовершенстве. Но испытание, предложенное Зеленым Рыцарем, не является уроком нравственности: скорее, это встреча с божеством, преобразующимся в опасном мире Волшебной Страны. Испытанное Гавейном у Зеленой Часовни — предвосхищение, это предвидение будущего спасения в конце времен.

СКАЗОЧНЫЙ ЭПОС

Создавая «Властелина Колец», Толкин преследовал цель дать нашему времени такую же фэнтези с эвкатастрофическим зарядом, какой была фантастическая история Гавейна для Британии XV века, и именно это определяет направляющие религиозные настроения трилогии. Таким образом, история мира Толкина до «Властелина Колец» — история, полная предопределенного промысла, которая разворачивается изнутри к перевропощенному концу. Как пишет Гуннар Уранг:

«Властелин Колец» как история есть нечто большее, чем будничное описание событий. Это история *конца* — эсхатология. И несмотря на все сомнения Толкина о «Пустоте», форма этой эсхатологии сродни не северным мифам, но христианской

традиции. Миф Толкина о конце — не Рагнарёк (гибель всех богов Валгаллы в последнем бою против сил хаоса); это закат для Саурона и его армии.

Мы можем принять заявление Уранга, оговорившись, однако, что, по Толкину, конец Саурона и его царства не окончательное завершение, но лишь очередная веха, еще одно предвестие, эхо величайшего и последнего аккорда музыки Айнуrows, которым все завершится.

Взгляды Толкина на сказки и их функции позволяет понять роман «Властелин Колец». Роберт Рэйли, один из тех немногих комментаторов, кто придает большое значение эссе Толкина о сказках, резонно утверждает, что «правильно» будет отнести «Властелина Колец» к жанру сказок, как это делает сам Толкин. Объясняя свою трилогию У. Х. Одену, Толкин упоминает эссе «О волшебных сказках» и называет современный взгляд, связывающий детей со сказками, «неверным и случайным», такой взгляд лишь вредит и самим историям и детям. Поэтому Толкин хотел написать сказку, которая бы совсем не была обращена к детям и которая разворачивалась бы на «большом полотне».

Согласно последнему замечанию, целью Толкина отчасти было создание эпоса: по глубине и размаху, по многообразию конфликтов и путешествий «Властелин Колец» сопоставим с «Одиссеей» Гомера и «Энеидой» Вергилия. Это может сбить с толку, ведь для Толкина сказка и эпос относятся к разным жанрам: эпос представляет борьбу героев против сил, угрожающих всей жизни, в процессе этой борьбы герои раскрывают и развивают свою уникальную личность (отсюда частый для эпоса мотив сходения в подземный мир, что является символом погружения в себя как путешествия с целью самопознания).

Но как явствует из писем, «Властелин Колец» вырос из историй, составивших «Сильмариллион», как развитие последних отрывков его эпического повествования. Первые истории, вошедшие в «Сильмариллион», задумывались как части эпоса. Их главные эпизоды стали описанием развития внутреннего мира героя в его миссии против силы, бороться с которой, казалось бы, совершенно невозможно. Например, главное событие, вокруг которого организуется весь «Сильмариллион», — проникновение Берена и Лучизнь в крепость Моргота и их успешное возвращение одного из украденных Сильмариллов (величайших драгоценных камней), «когда все армии и воины» эльфов были повержены. Как подчеркивает Толкин, их история подготавливает историю Фродо и Сэма, поскольку она показывает, что судьбами мира «часто распоряжаются не Правители и Повелители, [или] даже не боги, но те, кто кажутся неизвестными и слабыми». Итак, «Властелин Колец» воспринял свою эпическую форму от «Сильмариллиона».

Однако, являясь фэнтези, «Сильмариллион» не удовлетворяет всем требованиям волшебной сказки, поскольку в этой неоконченной саге нет эвкатастрофы. Да: пришел Валар и сверг Моргота, были уничтожены все эльфийские королевства, что принесло невыносимую печаль. Но мы не чувствуем, что божественное вмешательство когда-либо сможет восстановить утраченную вместе с Гондолином красоту, или придать смысл разрушению Нарготронда, или объяснить трагическую смерть детей Хурина, или принести утешение бесконечной скорби по Пятой Битве (ее описание, возможно, было вдохновлено битвой при Соме, в которой участвовал сам Толкин). Эта последняя битва началась с восклицания Фингона, верховного короля Нолдоров:

«Утилиэ'н аурэ! <...> День пришел!» А закончилась смертью Фингона и последним сражением его друга Хурина и его отчаянным кличем: «Аурэ энтулува! День придет снова!» Надежда Хурина лишь предсказывает возможность эвкатастрофы.

«Властелин Колец», напротив, смешивает эпическое повествование квеста с эвкатастрофической (если не эсхаталогической) значимостью настоящей сказки. Такое смешение вполне понятно: ни в британской, ни в германской мифологиях, которые так любил Толкин, не было истории, которая бы по своей модели совпадала с эвкатастрофическим эпосом, а значит, ее должен создать потрясающий художественный вымысел. Такой синтез эпической формы, которая соединяет трагедию и печаль с эвкатастрофическим утешением, характерным для жанра сказки, объясняет позицию некоторых комментаторов, говорящих о «радостно-печальной атмосфере, пронизывающей трилогию „Колец“». Поскольку, как сказал Гуннар: «Внутри или на поверхности сказки главным вопросом является возможность или невозможность хэппи-энда, другими словами — есть или нет в битве против зла основание для надежды». Несмотря на свое острое сожаление об уходящей под натиском зла жизни и красоте, Толкин утверждает, что возможность надежды все равно остается.

ЭВКАТАСТРОФЫ ТОЛКИНА

Удалось ли «Властелину Колец» достичь своей особой цели и увенчать романтический квест эпоса достойнейшей эвкатастрофой сказки? Думаю, он очень близко к этому подошел, и это во многом объясняет тот эффект,

который он оказывает на целые поколения читателей. Хотя он и не до конца последователен: понятно, что по замыслу Толкина эвкатастрофа должна была возникнуть в финале главы «Роковая гора», когда железная воля Фродо, двигавшая всю его миссию, наконец над самой Расселиной пала под давлением Единого Кольца, он надел его и объявил своим. После стольких перенесенных трудностей и борьбы, потеряв все, что когда-то наполняло их жизнь, Сэм и Фродо, кажется, обречены провалить миссию в конце пути. Черный Властелин получит свое Кольцо и победу, уничтожит все прекрасное, что осталось в Средиземье, а Фродо станет вторым Горлумом, жалким рабом Саурана.

Но тут происходит великий поворот: неожиданно возвращается Горлум, набрасывается на Фродо, откусывает у него палец и падает в Роковую Расселину вместе с Кольцом Саурана. Вот он — поворотный момент благосклонности, непредвиденная отсрочка. И она возможна только потому, что и Бильбо, и Фродо, и Сэм в свое время проявили милосердие к Горлumu и он дожид до этого момента, чтобы уничтожить Саурана. Хотя их забота и милосердие сами по себе не могут принести победы — ими пользуется Судьба. Мы наблюдаем за проявлением благосклонности глазами Сэма. Он становится свидетелем ужасного разрушения Барада-Дура, но не испытывает никакого торжества. И вот, пожалуй, самый пронзительный момент во всем тексте: Сэм видит Фродо,

бледного, изможденного и спокойного. В глазах его не было ни смертной натуги, ни безумия, ни страха. Бремя с него свалилось, и он глядел, как в Хоббитании, в былые светлые дни.

— Хозяин! — воскликнул Сэм и упал на колени. Он забыл, что рушится мир, и сердце его переполнило радость. Нет больше страшной ноши, хозяин спасен, он снова стал самим собой, он освободился!

В чистой радости Сэма, наполняемой его безусловной, бескорыстной любовью к Фродо, не просто беглый намек на «евангелическое сияние». Если за время чтения романа мы полюбили Сэма и Фродо, тогда в этот самый момент нас тоже пронзает чувство радости, «мучительной, словно горе», — а это и было целью Толкина.

Эти события доказывают, что, по мысли Толкина, настоящая эвкатастрофа скромна, а значит, прямо противоположна мстительному триумфу, с которым Ницше связывает эсхатологическую надежду христианства. Освобождение Фродо похоже на освобождение сэра Гавейна: он спасен, но остались раны, как знак несовершенства смертных, которое он проявил, надев Кольцо. И в этом отношении он, конечно же, сравним с Береном из «Сильмариллиона». В конце своего путешествия, забрав Сильмарилл у Моргота, Берен потерял руку, так же как Фродо — палец. Внешние чудеса поражают нас и порождают движение, но не поддерживают злорадного самодовольства, которое могло бы трансформировать более обычное окончание: «добро побеждает зло». Даже если бы Фродо и Сэм, только что уничтожившие Кольцо, не были бы спасены орлами и погибли бы на Роковой горе, как Беовульф, для Толкина это все равно был бы «хэппи-энд».

Но хоть это и кульминационный момент сюжета, последнее исполнение Горлумом своей судьбы — не единственный момент эвкатастрофы во «Властелине Колец», не единственное чудесное воскресение за пределами

всех надежд смертных, за пределами их возможностей. Уранг, например, утверждает, что «развязку на Роковой горе предвосхищает серия не меньших побед», включая побег Фродо у Бруиненской переправы, возвращение из мертвых Гэндальфа и победу в Хельмовой Пади. А за уничтожением Кольца следуют новые эвкатастрофические моменты.

Один из таких моментов мы можем наблюдать в волнующей сцене между Фарамиром и Эовин, которая происходит семь дней спустя в больничных палатах. Фарамир давно влюблен в нее, но Эовин тоскует по своей первой любви к Арагорну, который в тот момент находится в последнем бою у ворот Мордора. Когда пало Саураново царство, они точно не знали, что произошло, но Фарамир почувствовал подступающее ощущение радости и любви:

— ...Эовин, Эовин, Белая Дева Ристании, в этот час да отступит от нас всякая тьма!

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Но Эовин продолжает разрываться между Фарамиром и Арагорном. Но наконец Фарамир призывает ее ответить прямо, любит ли она его:

Сердце ее дрогнуло, и увиделось все по-иному, будто вдруг минула зима и разлился солнечный свет.

— Да не может быть! — сказала она. — Я стою на стене Минас-Анора, Крепости Заходящего Солнца, и нет больше душевной тьмы! Я, кажется, очнулась...

Произошел внутренний переворот, похожий на пробуждение Теодена от яда Гнилоуста. Но этот внутренний

переворот к Фарамиру наполнен ощущением воплощенного ответа или божественного свершения надежды, присущего эвкатастрофе. Исцеление Эовин, ее возвращение к своему истинному «я» похоже на оздоровление земли.

Символизм того же рода мы встречаем на страницах после коронации Арагорна, когда Гэндальф берет его на «святую высоту», на гору Миндоллуин, где лежал снег, показать Арагорну его королевство и дать надежду. Отвечая на тревоги Арагорна, Гэндальф говорит:

— Отведи глаза от цветущего края и взгляни на голые холодные скалы!..

Арагорн повернулся, окинул взором кремнистый склон под снеговой шапкой и, всмотревшись, увидел посреди пустоши одинокое деревце. Он взобрался к нему: да, деревце, едва ли трехфутовое, возле оснеженной наледи.

Арагорн нашел побег Древнейшего Древа, Белого Древа Нуменора, наследника дерева Гондолина, которое выросло из семян Телперииона, Белого Древа Валинора. Его появление означало знак небес. Снова мы встречаем язык «превращений», неожиданных чудес, которые дают чувство ликующей радости, ощущение полноты и завершения. Однако это не отдельная эвкатастрофа, а скорее финальная часть большего «превращения» от зимы к весне. Когда новый король заменит засохшее дерево новым побегом, слава, надежда и сила Гондора обновятся.

Рассмотренных нами тем достаточно, чтобы объяснить, почему Толкин считал, что «Властелин Колец» в основе своей «религиозное и католическое произведение», хотя он категорически игнорировал практически

любые ссылки, на «религии», культы и религиозные практики в вымышленном мире. «Религиозные элементы пропитали саму историю и ее символизм». Если бы это был лишь романтический эпос, то история Толкина вполне могла быть свободной от религиозности, но, как сказка для взрослых, она обладает тем обязательным религиозным содержанием, что зло не будет вечно, что оно незаконно присвоило божественную силу и в конце концов само себя уничтожит. Но произойти это может только при нашем участии, при нашей добровольной жертвенности и при нашей вере (которая сильнее любой рациональной надежды), что наши нравственные усилия в итоге будут признаны и наконец снова наступит день.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности

7

Введение: мудрость Средиземья

9

Часть первая

КОЛЬЦО

1.

**Кольца Платона и Толкина:
уроки власти, выбора и нравственности**

ЭРИК КАЦ

15

2.

**Роковая гора:
опасность новейших технологий
и Кольцо Всевластья Толкина**

ТЕОДОР ШИК

37

3.

**«Моя Прелесть»:
Кольцо-фетиш**

ЭЛИСОН МИЛБАНК

53

Часть вторая

ПУТЕШЕСТВИЕ К СЧАСТЬЮ

4.

Шесть ключей Толкина к счастью

ГРЕГОРИ БАШАМ

73

5.

Сэм и Горлум: стремление к счастью

ХОРХЕ ГРАСИА

88

6.

**«Прощай, Лоризэн»:
ограниченная радость эльфов
и экзистенциалистов**

ЭРИК БРОНСОН

103

Часть третья
ДОБРО И ЗЛО В СРЕДИЗЕМЬЕ

7.

Сверххоббиты:
Толкин, Ницше и воля к власти

Дуглас К. Блаунт

123

8.

Толкин и природа зла

Скотт Э. Дэвисон

139

9.

Добродетель и порок
во «Властелине Колец»

Эон Дж. Скобл

153

Часть четвертая
ВРЕМЯ И СМЕРТНОСТЬ

10.

Выбирая смерть:
дар смертности в Средиземье

Билл Дэвис

169

11.

**Толкин, модернизм
и значение традиции**

Джо Крауз

187

12.

**Зеленое время Толкина:
темы окружающей среды
во «Властелине Колец»**

Эндрю Лайт

205

Часть пятая

ФИНАЛЫ И ОКОНЧАНИЯ

13.

**Провидение и драматическое единство
«Властелина Колец»**

Томас Хиббс

227

14.

**Говорящие деревья и гуляющие горы:
буддийские и даосические темы
во «Властелине Колец»**

Дженифер Л. Мак-Манон, Б. Стив Чаки

244

15.

**Чудесные приключения Сэма и Фродо:
мотивы путешествия у Толкина**

Дж. Линор Райт

261

16.

**Хэппи-энд и религиозная надежда:
«Властелин Колец» — сказочный эпос**

Джон Дж. Дэйвенпорт

277

«ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» КАК ФИЛОСОФИЯ

Ответственный за выпуск

В. Харитонов

Редактор

Н. Шевченко

Художник

К. Прокофьев

Дизайнеры

К. Прокофьев, К. Иванов, А. Касьяненко

Художественный редактор

С. Сакнынь

Технический редактор

Т. Еськова

Корректор

Е. Якорева

Оператор компьютерной верстки

Л. Горошко

Менеджер производства

В. Рямова

Подписано в печать 12.05.2005. Формат 80 × 100^{1/32}.

Гарнитура «Helios». Печать офсетная.

Бумага писчая. Усл. печ. л. 14,06.

Тираж 10 000 экз. (1-й з-д: 1—3000 экз.). Заказ № 367

ООО «Издательская группа «У-Фактория»

620142, Екатеринбург, ул. Большакова, 77

E-mail: uf@factory.ru

Отдел продаж: 8(343) 257-85-89, 251-42-92

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

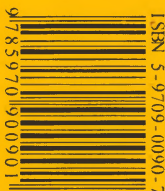
<http://www.uralprint.ru>

e-mail: book@uralprint.ru

THE LORD OF THE RINGS

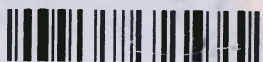
and philosophy

С выходом фильма Питера Джексона сказка Толкина приобрела миллионы новых поклонников. За день до того, как фильм вышел в прокат, газета *New York Post* напечатала на первой полосе статью с вызывающим заголовком: «„Властелин Колец“ для тупиц». Видимо, нужен и «„Властелин Колец“ для умных». И вот мы собрали семнадцать эрудированных философов и ученых и попросили их написать о глубинных вопросах, поднятых книгой. Можно ли воспользоваться властью для добрых дел или власть всегда разрушительна? Следует ли смерть считать «даром»? Могут ли золотые кольца и драконовые сокровища сделать нас счастливыми? Сам Толкин, конечно, не был академическим философом. Однако его интересовали вечные философские вопросы о борьбе добра и зла, судьбы и свободы, сознания и тела, жизни после смерти. В своих письмах Толкин отмечает, что одна из целей написания «Властелина Колец» была «объяснить истину и поддержать нравственность в нашем реальном мире». Как и Толкин, мы верим, что поп-культура может служить эффективным посредником для объяснения основных философских проблем.

интернет-магазин

OZON.ru

72117031